

**Даниил Иванович Хармс
Том 2. Новая анатомия**

Собрание сочинений в трех томах – 2

«Собрание сочинений в трех томах»: Азбука; Москва; 2000
ISBN 5-267-00393-X, 5-267-00398-0

Аннотация

*Второй том Собрания сочинений составляет проза Д. Хармса.
<http://ruslit.traumlibrary.net>*

**Даниил Иванович Хармс
Собрание сочинений в трех томах
Том 2. Новая анатомия**

Валерий Сажин. С классической основой...

[текст отсутствует]

Проза и сценки

1927

«Александр Иванович Дудкин: Вот уже 7 часов утра...»

Александр Иванович Дудкин :
Вот уже 7 часов утра. Петухи давно пропели.
Почему я так рано проснулся?
Никогда со мной этого не бывало.

Но что это с моей головой? Она болит ужасно.
Пил я вчера? Нет не пил.
Почему же болит голова? Так ни с того ни с сего?
Никогда со мной этого не бывало.
Попробую скорее встать и умыться. Приятно освежить голову холодной водой.
Надо разбудить Пелагею, а то она думает, что я ещё сплю. Ведь надо же было проснуться в такую рань!
Эй Пелагея! (*стучит в стену*). Пелагея!
Пелагея!
Чертова баба! Дрыхнет бестолку. Нет возьму что-нибудь тяжелое сапог что ли и буду колотить в стену пока не проснется.
Черт возьми! где же сапоги?
Как же это понять? Ха ха ха. Пришел, снял их, поставил их тут, а теперь их нет.
Ого! Штаны тоже того! Так так так.
Да что я в самом деле! огурел что ли?
Никогда со мной этого не бывало!
Ну ладно, оставим это в покое. Давай мыслить.
У меня болит голова. Значит я очень рано встал. То есть у меня болит голова, значит я вчера что-то делал. Нет. Я очень рано встал. У меня болит голова. Значит я потерял сапоги.
Глупо!
Я потерял сапоги — значит у меня болит голова?
Тоже глупо!
Ну хорошо: у меня болит голова, значит я сапоги не потерял.
Но ведь я же их потерял!
Может так: у меня болит голова — значит я сапоги ни то и не это.
Хм.
Сложная штука!
Стук в дверь.
Дудкин — Кто там?
Голос — Да я, это я.
Дудкин — Кто? Петька?
Голос — Ну да, открой скорее!
Дудкин — Сейчас, сейчас. Подожди немного.
Голос — Скорей, скорей, такое расскажу, что ахнешь! Черт подери! такие вещи знаю...

Валаамов — Ты спишь еще?
Дудкин — А час какой, много?
Валаамов — Ссс... много?? К черту время! Ты дурак знаешь...
Дудкин — Что? — ...
...Ну?...
...— Что?
Валаамов — Ты, ты — вот ты самый богачом стал!
Дудкин — Ну?
Валаамов — Что ну?! Выиграл 200 000!
Дудкин — (*стоит молча, глядя на Валаамова*).
Валаамов — Что стоишь? Дурак. Одевайся, да бежим в банк.
Дудкин — Мне не во что одеться.
Валаамов — Как не во что одеться?
Дудкин — Я вчера пришел, положил все на стул и нет ничего.
Валаамов — А где же?
Дудкин — Я не знаю.
Валаамов — Вот, черт возьми, выиграл 200 000! Ну идем скорей!

Дудкин — Да во что же я оденусь?
Валаамов и Дудкин на авансцене.
Валаамов — Так пойдешь!
Дудкин — Так нехорошо!
Валаамов — Ну мой костюм одевай!
Дудкин — А ты в чем же?
Валаамов — А я в твоём пальто пойду!
Дудкин — Тогда уж лучше мне в пальто идти!
Валаамов — Все равно! Иди ты в твоём пальто.
Дудкин — А ты в своём костюме пойдешь?
Валаамов — А я в своём костюме.
Дудкин (*заикаясь*)

<конец 1920-х>

1929

История сдыгр аппр

Андрей Семенович : Здравствуй, Петя.

Петр Павлович : Здравствуй, здравствуй. Guten Morgen. Куда несет?

Андрей Семенович протянул руку Петру Павловичу, а Петр Павлович схватили руку Андрея Семеновича и так ее дернули, что Андрей Семенович остался без руки и с испугу кинулся бежать. Петр Павлович бежали за Андреем Семеновичем и кричали: «Я тебе, мерзавцу, руку оторвал, а вот, обожди, догоню, так и голову оторву!»

Андрей Семенович неожиданно сделал прыжок и перескочил канаву, а Петр Павлович не сумели перепрыгнуть канавы и остались по сию сторону.

Андрей Семенович : Что? Не догнал?

Петр Павлович : А это вот видел? (*И показали руку Андрея Семеновича.*)

Андрей Семенович : Это моя рука!

Петр Павлович : Да-с, рука ваша! Чем махать будете?

Андрей Семенович : Платочком.

Петр Павлович : Хорош, нечего сказать! Одну руку в карман сунул, а головы почесать нечем.

Андрей Семенович : Петя! Давай так: я тебе чего-нибудь дам, а ты мне мою руку отдай.

Петр Павлович : Нет, я руки тебе не отдам. Лучше и не проси. А вот, хочешь, пойдём к профессору Тартарелину, — он тебя вылечит.

Андрей Семенович прыгнул от радости и пошел к профессору Тартарелину.

Андрей Семенович : Многоуважаемый профессор, вылечите мою правую руку. Ее оторвал мой приятель Петр Павлович и обратно не отдает.

Петр Павлович стояли в прихожей профессора и демонически хохотали. Под мышкой у них была рука Андрея Семеновича, которую они держали презрительно, наподобие портфеля.

Осмотрев плечо Андрея Семеновича, профессор закурил трубку папиросу и вымолвил: — Это крупная сшадина.

Андрей Семенович : Простите, как вы сказали?

Профессор : Сшадина.

Андрей Семенович : Ссадина?

Профессор : Да, да, да. Шатина. Ша-тин-на!

Андрей Семенович : Хороша ссадина, когда и руки-то нет.

Из прихожей послышался смех.

Профессор : Ой! Кто там шмиеется?

Андрей Семенович : Это так просто. Вы не обращайте внимания.

Профессор : Хо! Ш удовольсьвием. Хотите, что-нибудь почитаем?

Андрей Семенович : А вы меня полечите?

Профессор : Да, да, да. Почитаем, а потом я вас полечу. Садитесь.

(Оба садятся.)

Профессор : Хотите, я вам прочту свою науку?

Андрей Семенович : Пожалуйста! Очень интересно.

Профессор : Только я изложил ее в стихах.

Андрей Семенович : Это страшно интересно!

Профессор : Вот, хе-хе, я вам прочту отсюда досюда. Тут вот о внутренних органах, а тут уже о суставах.

Петр Павлович : *(входя в комнату)*

Здыгр аппр устр устр
я несу чужую руку
здыгр аппр устр устр
где профессор Тартарелин?
здыгр аппр устр устр
где приемные часы?
если эти побрякушки
с двумя гирями до полу
эти часики старушки
пролетели параболу
здыгр аппр устр устр
ход часов нарушен мною
им в замену карабистр
на подставке сдыгр аппр
с бесконечною рукою
приспособленной как стрелы
от минуты до другою
в путь несется погорелый
а под белым циферблатом
блин мотает устр устр
и закутанный халатом
восседает карабистр
он в приемные секунды
смотрит в двигатель размерен
чтобы время не гуляло
где профессор Тартарелин,
где Андрей Семеныч здыгр
однорукий здыгр аппр
лечит здыгр аппр устр
приспосабливает руку
приколачивает пальцы
здыгр аппр прибивает
здыгр аппр устр бьет.

Профессор : Это вы искалечили гражданина, Петр Павлович?

Петр Павлович : Руку вырвал из манжеты.

Андрей Семенович : Бегал следом.

Профессор : Отвечайте!
Петр Павлович смеются.
Карабистр : Гвиндалея!
Петр Павлович : Карабистр!
Карабистр : Гвиндалан.
Профессор : Расскажите, как было дело.
Андрей Семенович :

Шел я по полю намедни
и внезапно вижу: Петя
мне навстречу идет спокойно
и меня как будто не заметя,
хочет мимо проскочить.
Я кричу ему: ах Петя!
Здравствуй, Петя, мой приятель,
ты, как видно, не заметил,
что иду навстречу я.

Петр Павлович :

Но господство обстоятельств
и скрещение событий
испокон веков донныне
нами правит, как детьми,
морит голодом в пустыне,
хлещет в комнате плетьюми.

Профессор : Так-так, — это понятно. Стечение обстоятельств. Это верно. Закон.

Тут вдруг Петр Павлович наклонились к профессору и откусили ему ухо. Андрей Семенович побежал за милиционером, а Петр Павлович бросили на пол руку Андрея Семеновича, положили на стол откушенное ухо профессора Тартарелина и незаметно ушли по чердачной лестнице.

Профессор лежал на полу и стонал:

— Ой-ой-ой-ой, как больно! — стонал профессор. — Моя рана горит и исходит соком. Где найдется такой сострадательный человек, который промоет мою рану и зальет ее коллодием?

Был чудный вечер. Высокие звезды, расположенные на небе установленными фигурами, светили вниз. Андрей Семенович, дыша полной грудью, тащил двух милиционеров к дому профессора Тартарелина. Помахивая своей единственной рукой, Андрей Семенович рассказывал о случившемся.

Милиционер спросил Андрея Семеновича:

— Как зовут этого проходимца?

Андрей Семенович не выдал своего товарища и даже не сказал его имени.

Тогда оба милиционера спросили Андрея Семеновича:

— Скажите нам, вы его давно знаете?

— С малых лет, когда я был еще вот таким, — сказал Андрей Семенович.

— А как он выглядит? — спросили милиционеры.

— Его характерной чертой является длинная черная борода, — сказал Андрей Семенович.

Милиционеры остановились, подтянули потуже свои кушаки и, открыв рты, запели протяжными ночными голосами:

Ах, как это интересно,
был приятель молодой,
а подрос когда приятель,
стал ходить он с бородой.

— Вы обладаете очень недурными голосами, разрешите поблагодарить вас, — сказал Андрей Семенович и протянул милиционерам пустой рукав, потому что руки не было.

— Мы можем и на научные темы поговорить, — сказали милиционеры хором.

Андрей Семенович махнул пустышкой.

— Земля имеет семь океанов, — начали милиционеры. — Научные физики изучали солнечные пятна и привели к заключению, что на планетах нет водорода, и там неуместно какое-либо сожительство.

В нашей атмосфере имеется такая точка, которую всякий центр зашибет.

Английский крематорий Альберт Эйнштейн изобрел такую махинацию, через которую всякая штука относительна.

— О, любезные милиционеры! — взмолился Андрей Семенович. — Бежимте скорее, а не то мой приятель окончательно убьет профессора Тартарелина.

Одного милиционера звали Володя, а другого Сережа. Володя схватил Сережу под руку, а Сережа схватил Андрея Семеновича за рукав и они все втроем побежали.

— Смотрите, три институтки бегут! — кричали им вслед извозчики. Один даже хватил Сережу кнутом по заднице.

— Постой! На обратном пути ты мне штраф заплатишь! — крикнул Сережа, не выпуская из рук Андрея Семеновича.

Добежав до дома профессора, все трое сказали:

— Тпррр! — и остановились.

— По лестнице, в третий этаж! — скомандовал Андрей Семенович.

— Ноч! — крикнули милиционеры и кинулись по лестнице. Моментально высадив плечом дверь, они ворвались в кабинет профессора Тартарелина.

Профессор Тартарелин сидел на полу, а жена профессора стояла перед ним на коленях и пришивала профессору ухо розовой шелковой ниточкой. Профессор держал в руках ножницы и вырезал платье на животе своей жены. Когда показался голый женин живот, профессор потер его ладонью и посмотрел в него, как в зеркало.

— Куда шьешь? Разве не видишь, что одно ухо выше другого получилось? — сказал сердито профессор.

Жена отпоролла ухо и стала пришивать его заново.

Голый женский живот, как видно, развеселил профессора. Усы его ошетинились, а глазки заулыбались.

— Катенька, — сказал профессор, — брось пришивать ухо где-то сбоку, пришей мне его лучше к щеке.

Катенька, жена профессора Тартарелина, терпеливо отпоролла ухо во второй раз и принялась пришивать его к щеке профессора.

— Ой, как щекотно! Ха-ха-ха! Как щекотно! — смеялся профессор. Но, вдруг, увидя стоящих на пороге милиционеров, замолчал и сделал серьезное лицо.

Милиционер Сережа : Где здесь пострадавший?

Милиционер Володя : Кому здесь ухо откусили?

Профессор (*поднимаясь на ноги*) : Господа! Я человек, изучающий науку вот уже, слава богу, пятьдесят шесть лет, ни в какие другие дела не вмешиваюсь. Если вы думаете, что мне откусили ухо, то вы жестоко ошибаетесь. Как видите, у меня оба уха целы. Одно, правда, на щеке, но такова моя воля.

Милиционер Сережа : Действительно, верно, оба уха налицо.

Милиционер Володя : У моего двоюродного брата так брови росли под носом.

Милиционер Сережа : Не брови, а просто усы.

Караби́стр : Фасфалакат!

Профессор : Приемные часы окончены.

Жена профессора : Пора спать.

Андрей Семенович (*входя*): Половина двенадцатого.

Милиционеры хором : Спокойной ночи.

Эхо : Спите сладко.

Профессор ложится на пол, остальные тоже ложатся и засыпают.

Сон

тихо плещет океян
скалы грозные ду-ду
тихо светит океян
человек поет в дуду
тихо по морю бегут
страха белые слоны
рыбы скользкие поют
звезды падают с луны
домик слабенький стоит
двери настежь распахнул
печи теплые сулит
в доме дремлет караул
а на крыше спит старуха
на носу ее кривом
тихим ветром плещет ухо
дует волосы кругом
А на дереве кукушка
сквозь очки глядит на север
не гляди моя кукушка
не гляди всю ночь на север
там лишь ветер караби́стр
время в цифрах бережет
там лишь ястреб здыгр устр
себе добычу стережет

Петр Павлович :

Кто-то тут впотьмах уснул,
шарю, чую: стол и стул
натыкаюсь на комод,
вижу древо бергамот,
я спешу, срываю груши,
что за дьявол! Это уши!
Я боюсь, бегу направо,
предо мной стоит дубрава.
я обратно так и сяк,
натыкаюсь на косяк,
ноги гнутся, тянут лечь,
думал: двери — это печь,
прыгнул влево — там кровать,
помогите!..

Профессор (*просыпаясь*): Ать?

Андрей Семенович (*вскакивая*): Фоу! Ну и сон же видел, будто нам все уши пообрывали. (*зажигает свет*)

Оказывается, что, пока все спали, приходили Петр Павлович и обрезали всем уши.

Замечание милиционера Сережи:

— Сон в руку.

апрель? 1929

Вещь

Мама, папа и прислуга по названию Наташа сидели за столом и пили.

Папа был несомненно забулдыга. Даже мама смотрела на него свысока. Но это не мешало папе быть очень хорошим человеком. Он очень добродушно смеялся и качался на стуле. Горничная Наташа, в наколке и передничке, все время невозможно стеснялась. Папа веселил всех своей бородой, но горничная Наташа конфузливо опускала глаза, изображая, что она стесняется.

Мама, высокая женщина с большой прической, говорила лошадиным голосом. Мамин голос трубил в столовой, отзываясь на дворе и в других комнатах.

Выпив по первой рюмочке, все на секунду замолчали и поели колбасы. Немного погодя все опять заговорили.

Вдруг, совершенно неожиданно, в дверь кто-то постучал. Ни папа, ни мама, ни горничная Наташа не могли догадаться, кто это стучит в двери.

— Как это странно, — сказал папа. — Кто бы там мог стучать в дверь?

Мама сделала соболезнующее лицо и не в очередь налила себе вторую рюмочку, выпила и сказал:

— Странно.

Папа ничего не сказал плохого, но налил себе тоже рюмочку, выпил и встал из-за стола.

Ростом был папа невысок. Не в пример маме. Мама была высокой, полной женщиной с лошадиным голосом, а папа был просто ее супруг.

В добавление ко всему прочему папа был веснущат.

Он одним шагом подошел к двери и спросил:

— Кто там?

— Я, — сказал голос за дверью.

Тут же открылась дверь и вошла горничная Наташа, вся смущенная и розовая. Как цветок.

Как цветок.

Папа сел.

Мама выпила еще.

Горничная Наташа и другая, как цветок, зарделись от стыда. Папа посмотрел на них и ничего не сказал, а только выпил, также как и мама.

Чтобы заглушить неприятное жжение во рту, папа вскрыл банку консервов с раковым паштетом. Все были очень рады, ели до утра.

Но мама молчала, сидя на своем месте. Это было очень неприятно.

Когда папа собирался что-то спеть, стукнуло окно. Мама вскочила с испуга и закричала, что она ясно видит, как с улицы в окно кто-то заглянул. Другие уверяли маму, что это невозможно, так как их квартира в третьем этаже, и никто с улице в окно посмотреть не может, — для этого нужно быть великаном или Голиафом.

Но маме взбрела в голову крепкая мысль.

Ничто на свете не могло ее убедить, что в окно никто не смотрел.

Чтобы успокоить маму, ей налили еще одну рюмочку. Мама выпила рюмочку. Папа тоже налил себе и выпил.

Наташи и горничная, как цветок, сидели, попив глаза от конфуза.

— Не могу быть в хорошем настроении, когда на нас смотрят с улицы через окно, — кричала мама.

Папа был в отчаянии, не зная, как успокоить маму. Он сбегал даже во двор, пытаясь заглянуть оттуда хотя бы в окно второго этажа. Конечно, он не смог дотянуться. Но маму это нисколько не убедило. Мама даже не видела, как папа не мог дотянуться до окна всего лишь второго этажа.

Окончательно расстроенный всем этим, папа вихрем влетел в столовую и залпом выпил две рюмочки, налив рюмочку и маме. Мама выпила рюмочку, но сказала, что пьет только в знак того, что убеждена, что в окно кто-то посмотрел.

Папа даже руками развел.

— Вот, — сказал он маме и, подойдя к окну, растворил настежь обе рамы.

В окно попытался влезть какой-то человек в грязном воротничке и с ножом в руках. Увидя его папа захлопнул раму и сказал:

— Никого нет там.

Однако человек в грязном воротничке стоял за окном и смотрел в комнату и даже открыл окно и вошел.

Мама была страшно взволнованна. Она грохнулась в истерику, но, выпив немного предложенного ей папой и закусив грибочком, успокоилась.

Вскоре и папа пришел в себя. Все опять сели к столу и продолжали пить.

Папа достал газету и долго вертел ее в руках, ища, где верх и где низ. Но сколько он ни искал, так и не нашел, а потому отложил газету в сторону и выпил рюмочку.

— Хорошо, — сказал папа, — но не хватает огурцов.

Мама неприлично заржала, отчего горничные сильно сконфузились и принялись рассматривать узор на скатерти.

Папа выпил еще и вдруг, схватив маму, посадил ее на буфет.

У мамы взбилась седая пышная прическа, на лице проступили красные пятна, и, в общем, рожа была возбужденная.

Папа подтянул свои штаны и начал тост.

Но тут открылся в полу люк, и оттуда вылез монах.

Горничные так переконфузились, что одну начало рвать. Наташа держала свою подругу за лоб, стараясь скрыть безобразие.

Монах, который вылез из-под пола, прицелился кулаком в папино ухо, да как треснет!

Папа так и шлепнулся на стул, не окончив тоста.

Тогда монах подошел к маме и ударил ее как-то снизу, — не то рукой, не то ногой.

Мама принялась кричать и звать на помощь.

А монах схватил за шиворот обеих горничных и, помотав ими по воздуху, отпустил.

Потом, никем не замеченный, монах скрылся опять под пол и закрыл за собою люк.

Очень долго ни мама, ни папа, ни горничная Наташа не могли прийти в себя. Но потом, отдышавшись и приведя себя в порядок, они все выпили по рюмочке и сели за стол закусить шинкованной капусткой.

Выпив еще по рюмочке, все посидели, мирно беседуя.

Вдруг папа побагровел и принялся кричать.

— Что! Что! — кричал папа. — Вы считаете меня за мелочного человека! Вы смотрите на меня как на неудачника! Я вам не приживальщик! Сами вы негодяи!

Мама и горничная Наташа выбежали из столовой и заперлись на кухне.

— Пошел, забулдыга! Пошел, чертово копыто! — шептала мама в ужасе окончательно сконфуженной Наташе.

А папа сидел в столовой до утра и орал, пока не взял папку с делами, одел белую фуражку и скромно пошел на службу.

31 мая 1929

«Елена Ивановна — Ну вот, Фадей Иванович, всё дожди...»

Елена Ивановна — Ну вот, Фадей Иванович все дожди идут.

Папаша — Да не говорите Елена Ивановна, покосы гибнут.

Елена Ивановна — Хорошо нам под крышей сидеть, а вот каково если кто в поле? А?

Папаша — Плохо бездомному страннику,

Елена Ивановна — Вам ещё чаю налить?

Папаша — Плесни ещё полстаканчика. (*Пауза*).

Папаша попил чаю и задремал.

Елена Ивановна — И Ольга чего-то не пьет.

Папаша бормочет.

Елена Ивановна — Не пьет и не пьет.

Папаша — Как не пьет?

Елена Ивановна — Ольга, говорю, не пьет.

Папаша — То есть как Ольга?

Елена Ивановна — Да Ольга, что, ты не знаешь Ольгу?

Папаша — Ах, Ольга? Ну и что же она?

Елена Ивановна — Да вот, не пьет, говорю.

Папаша — Ай ай ай.

Рахтанов (*проходя*) — А Сергей сделал Ольге предложение. (*Уходит*).

Елена Ивановна — Сергей, да что он! А она? (*Папаше*). Слышал?

Папаша — Что?

Елена Ивановна — Сергей! Предложение!

Папаша — Ну а он?

Елена Ивановна — Ольге.

Папаша — Что не пьет?

Елена Ивановна — Вступить в брак.

Папаша — Ай ай ай.

Елена Ивановна — Какая пертурбация.

Рахтанов — Коля продавил металлический диван. Вот.

Елена Ивановна — Постой, постой, как же это?

Папаша (*скоро*) — Ужасно, ужасно, какая катастрофа они продавили металлический диван.

Елена Ивановна — Вот доверь металлический диван, так тотчас и продавить норвят.

Рахтанов (*проходит и хлопает до и после*) — А Коля во вторник съел дом.

Елена Ивановна — Ну, так и есть. Он

22 мая 1929

«На набережной нашей реки...»

На набережной нашей реки собралось очень много народу. В реке тонул командир полка Сепунов. Он захлебывался, выкакивал из воды по живот, кричал и опять тонул в воде. Руками он колотил во все стороны и опять кричал, чтоб его спасли.

Народ стоял на берегу и мрачно смотрел.

— Утонет, — сказал Кузьма.

— Ясно, что утонет, — подтвердил человек в картузе.

И действительно, командир полка утонул.

Народ начал расходиться.

<1–6 июня 1929>

«Тетерник, входя и здороваясь: Здравствуйте! Здравствуйте!..»

Тетерник (*входя и здороваясь*): Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

Камушков: Вы однако не очень точны. Мы ждем вас уже порядочно.

Грек: Да-да-да. Мы вас поджидаем.

Лампов: Ну говори, чего опоздал?

Тетерник (*смотря на часы*): Да разве я опоздал? Да, вообще-то есть... Ну ладно!

Камушков: Хорошо. Я продолжаю.

Грек: Да-да-да. Давайте, правда.

Все рассаживаются по своим местам и замолкают.

Камушков: Не говоря по несколько раз об одном и том же, скажу: мы должны выдумать название.

Грек и Лампов: Слышали!

Камушков (*передразнивая*): Слышали! Вот и нужно название выдумать. Грек!

Грек встает.

Камушков: Какое ты выдумал название?

Грек: Ныпырсытет.

Камушков: Не годится. Ну подумай сам — что же это за название такое? Не звучит, ничего не значит, глупое. — Да встань ты как следует! — Ну теперь говори: почему ты предложил это глупое название?

Грек: Да-да-да. Название, верно, не годится.

Камушков: Сам понимаешь. Садись. — Люди, надо выдумать хорошее название. Лампов! (*Лампов встает.*) Какое название ты предлагаешь?

Лампов: Предлагаю: «Краковяк». Или «Студень», или «Мой Савок». Что? не нравится? Ну тогда: «Вершина всего», «Глицириновый отец», «Мортира и свеча»...

Камушков (*махая руками*): Садись! Садись!..

26 декабря 1929 года

1930

«Иван Григорьевич Кантов шёл...»

Иван Григорьевич Кантов шёл, опираясь на палку и переступая важно, по-гусиному. Он шел по Гусеву переулку и нёс под мышкой гуся.

— Куда идёшь? — окликнул Ивана Григорьевича Пономарёв.

— Туда вот — сказал Иван Григорьевич Кантов.

— Можно и мне с тобой идти? — спросил Пономарёв.

— Можно, — сказал Иван Григорьевич Кантов.

Оба пришли на рынок.

Около рынка сидела собака и зевала.

— Посмотри, Кантов, какая собака, — сказал Пономарёв.

— Очень смешная, — сказал Кантов.

— Эй, собачка, пойди сюда! — крикнул Пономарёв и поцокал зубами.

Собака перестала зевать и пошла к Пономарёву сначала обыкновенно, потом очень тихо, потом ползком, потом на животе, а потом перевернулась брюхом вверх и на спине подползла к Пономарёву.

— Очень скромная собачка, — сказал Пономарёв, — Я возьму её себе.

<Конец декабря 1929 — 2 января 1930>

Баронесса и Чернильница

Бобров (указывая на Христофора Колумба): Христофор Колумб.

Хр. Колумб (указывая на Боброва): Бобров.

Бобров: Если вас интересует моё воспитание, то я скажу. Я скажу.

Христофор Колумб: Да-да, скажите пожалуйста.

Бобров: Вот я и говорю. Что мне скрывать.

Христофор Колумб: Очень, очень интересно!

Бобров: Ну вот я скажу так: моё воспитание было какое? Приютское.

Христофор Колумб: Ах, пожалуйста, пожалуйста.

Бобров: Меня отец отдал в приют. А. (*держит рот открытым. Христофор становится на цыпочки и заглядывает в рот Боброву*).

Бобров: Впрочем, я торговец (*Христофор отскакивает*).

Христофор Колумб: Мне мне было интересно только посмотреть что у вас там... м... м...

Бобров: Так-с. Я значит в приюте и влюбился в баронессу и в чернильницу.

Христофор Колумб: Неужели вы влюбились!

Бобров: Не мешай. Да влюбился!

Христофор Колумб: Чудеса.

Бобров: Не мешай. Да чудеса.

Христофор Колумб: Как это интересно.

Бобров: Не мешай. Да это интересно.

Христофор Колумб: Скажите пожалуйста!

Бобров: Если ты, Христофор Колумб, ещё что-нибудь скажешь...

Сцена быстро меняется. Бобров сидит и ест суп. Входит его жена в одной рубашке и с зонтом.

Бобров: Ты куда?

Жена: Туда.

Бобров: Куда туда?

Жена: Да вон туда.

Бобров: Туда или туда?

Жена: Нет, не туда, а туда.

Бобров: А что?

Жена: Как что?

Бобров: Куда ты идешь?

Жена: Я влюбилась в Баронессу и Чернильницу.

Бобров: Это хорошо.

Жена: Это хорошо, но вот Христофор Колумб засунул в нашу кухарку велосипед.

Бобров: Бедная кухарка.

Жена: Она бедная сидит на кухне и пишет в деревню письмо, а велосипед так и торчит из неё?

Бобров: Да-да. Вот это случай. Я помню, у нас в приюте в 1887 году был тоже. Был у нас учитель. Так мы ему натёрли лицо скипидаром и положили в кухне под стол.

Жена: Боже, да к чему же ты это говоришь?

Бобров: А то ещё был случай.

Выходит Колбасный человек.

<11–30 ноября 1930>

«Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров...»

Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров. Трое сидят: двое справа и один слева. А пятеро стоят и держатся за кожаные вешалки: двое стоят справа, а трое слева. Сидящие группы смотрят друг на друга, а стоящие стоят друг к другу спиной. Сбоку на скамейке стоит кондукторша. Она маленького роста и если бы она стояла на полу, ей бы не достать сигнальной верёвки. Трамвай едет и все качаются.

В окнах проплывают Биржевой мост, Нева и сундук. Трамвай останавливается, все падают вперёд и хором произносят: «Сукин сын!»

Кондукторша кричит: «Марсово поле!»

В трамвае входит новый пассажир, и громко говорит: «Продвиньтесь, пожалуйста!» Все стоят молча и неподвижно. «Продвиньтесь, пожалуйста!» — кричит новый пассажир. «Пройдите вперед, впереди свободно!» — кричит кондукторша. Впереди стоящий пассажир басом говорит, не поворачивая головы и продолжая глядеть в окно: «А куда тут продвинешься, что ли, на тот свет». Новый пассажир: «Разрешите пройти». Стоящие пассажиры лезут на колени сидящим и новый пассажир проходит по свободному трамваю до середины, где и останавливается. Остальные пассажиры опять занимают прежнее положение. Новый пассажир лезет в карман, достает кошелек, вынимает деньги и просит пассажиров передать деньги кондукторше. Кондукторша берёт деньги и возвращает обратно билет.

<Декабрь 1930>

«Шёл трамвай, скрывая под видом двух фонарей жабу...»

Шёл трамвай, скрывая под видом двух фонарей жабу. В нём всё приспособлено для сидения и стояния. Пусть безупречен будет его хвост и люди, сидящие в нём, и люди, идущие к выходу. Среди них попадаются звери иного содержания. Также и те самцы, которым не хватило места в вагоне, лезут в другой вагон. Да ну их, впрочем, всех! Дело в том, что шёл дождик, но не понять сразу: не то дождик, не то странник. Разберём по отдельности: судя по тому, что если стоять в пиджаке, то спустя короткое время он промокнет и облипнет тело — шёл дождь. Но судя по тому, что если крикнуть: кто идёт? — открывалось окно в первом этаже, оттуда высывалась голова, принадлежащая кому угодно, только не человеку, постигшему истину, что вода освежает и облагораживает черты лица, — и свирепо отвечала: вот я тебя этим (с этими словами в окне показалось что-то похожее одновременно на кавалерийский сапог и на топор) дважды двину, так живо всё поймёшь! Судя по этому, шёл скорей странник, если не бродяга, во всяком случае такой где-то находился поблизости, может быть, за окном.

<1930>

«Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала...»

I.

Мы лежали на кровати. Она к стенке на горке лежала, а я к столику лежал. Обо мне можно сказать только два слова: торчат уши. Она знала всё.

II.

Вилка это? или ангел? или сто рублей? Нона это. Вилка мала. Ангел высок. Деньги давно кончились. А Нона — это она. Она одна Нона. Было шесть Нон, и она одна из них.

III.

Подошла собака в маленькой шапочке. Шаги раздавались и купались. Муха открывала окна. Давайте посмотрим в окно!

IV.

Нам в окне ничего не видать. Тебе что-нибудь видать? Мне ничего не видать, а тебе? Мне видать лыжи. А кто на лыжах? Солдат на лыжах, и ремень у него через плечо, а сам он не подпоясан.

1930

«Давайте посмотрим в окно: там увидем рельсы...»

Давайте посмотрим в окно: там увидим рельсы, идущие в одну и в другую сторону. По рельсам ходят трамваи. В трамваях сидят люди и считают по пальцам, сколько футов они проехали, ибо плата за проезд взимается по футам. Теперь посмотрим в трубу: там заметим небольшую лепёшечку, то светлую, то тёмную. Господа, это не лепёшечка, а шар.

В это время на дощечке стояли три предмета: графин, болид и человек в синем галстуке.

Графин сказал: Господа же, посмотрим в мемецкую землю.

Где? — рухнул болид.

На том шаре, который виден в трубу, — сказал графин. Этот шар есть земля.

Человек: Я житель земли.

Болид: Я житель пространства.

Графин: А я житель рая.

Все три замолчали и мимо них никто не прошел, не проехал и не пролетел.

Графин сказал:

— О Че! О Чело! О Челоче! скажи мне как у вас живут? Что делают?

Человек сказал, открывая рот:

Я человек с Земли. Вы это все знаете. Я не мемец. Я сосед мемецев — я русский. Меня зовут Григорьев. Хотите я вам всё расскажу?

Из воды вышли три мужика и крикнули, топнув ногами:

Пожалуйста!

Человек начал:

Вот я прихожу в кооператив и говорю: дайте мне вон ту баночку с кильками. А мне говорят: Килек нет, это пустые банки. Я им говорю: Да что же это вы головы морочите. А они мне отвечают: Это не от нас. А от кого же? Это от недостатка продуктов, потому что весь парнокопытный скот угнали киргизы. А овощи есть? — спросил я. Нет и овощей. Раскупили. Молчи Григорьев.

Человек закончил:

Я Григорьев замолчал
С этих пор несую трубу
Я смотрю в неё смотрю
вижу дым грядущих труб.

всё.

1930

«Бобров шёл по дороге и думал...»

Бобров шёл по дороге и думал: почему, если в суп насыпать песку, то суп становится невкусным.

Вдруг он увидел, что на дороге сидит очень маленькая девочка, держит в руках червяка, и громко плачет.

- О чем ты плачешь? — спросил Бобров маленькую девочку.
— Я не плачу, а пою, — сказала маленькая девочка.
— А зачем же ты так поёшь? — спросил Бобров.
— Чтобы червяку весело было, — сказала девочка, — а зовут меня Наташа.
— Ах вот как? — удивился Бобров.
— Да, вот как, — сказала девочка, — до свидание, — вскочила на велосипед и уехала.
— Такая маленькая, а уже на велосипедах катается, — подумал Бобров.

<1930>

«Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко...»

Иван Петрович Лундапундов хотел съесть яблоко. Но яблоко выскользнуло из рук Ивана Петровича. Иван Петрович нагнулся, чтобы поднять яблоко, но что-то больно ударило Ивана Петровича по голове. Иван Петрович вскрикнул, поднял голову и увидел, что это было яблоко. Оно висело в воздухе.

Оказывается, кто-то приделал к потолку длинную нитку с крючком на конце. Яблоко зацепилось за крючок и не упало.

Морозов, Угрозов и Запоров пришли к Ивану Петровичу Лундапундову.

<1930>

«Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина...»

I

Одна муха ударила в лоб бегущего мимо господина, прошла сквозь его голову и вышла из затылка. Господин, по фамилии Дернятин, был весьма удивлен: ему показалось, что в его мозгах что-то просвистело, а на затылке лопнула кожа и стало щекотно. Дернятин остановился и подумал: «Что бы это значило? Ведь совершенно ясно я слышал в мозгах свист. Ничего такого мне в голову не приходило, чтобы я мог понять, в чем тут дело. Во всяком случае, ощущение редкостное, похожее на какую-то головную болезнь. Но больше об этом я думать не буду, а буду продолжать свой бег». С этими мыслями господин Дернятин побежал дальше, но как он ни бежал, того уже все-таки не получилось. На голубой дорожке Дернятин оступился ногой и едва не упал, пришлось даже помахать руками в воздухе. «Хорошо, что я не упал, — подумал Дернятин, — а то разбил бы свои очки и перестал бы видеть направление путей». Дальше Дернятин пошел шагом, опираясь на свою тросточку. Однако одна опасность следовала за другой. Дернятин запел какую-то песню, чтобы рассеять свои нехорошие мысли. Песнь была веселой и звучной, такая, что Дернятин увлекся ей и забыл даже, что он идет по голубой дорожке, по которой в эти часы дня ездили другой раз автомобили с головокружительной быстротой. Голубая дорожка была очень узенькая, и отскочить в сторону от автомобиля было довольно трудно. Потому она считалась опасным путем. Осторожные люди всегда ходили по голубой дорожке с опаской, чтобы не умереть. Тут смерть поджидала пешехода на каждом шагу, то в виде автомобиля, то в виде ломовика, а то в виде телеги с каменным углем. Не успел Дернятин высморкаться, как на него катил огромный автомобиль. Дернятин крикнул: «Умираю!» — и прыгнул в сторону. Трава расступилась перед ним, и он упал в сырую канавку. Автомобиль с грохотом проехал мимо, подняв на крыше флаг бедственных положений. Люди в автомобиле были уверены, что Дернятин погиб, а потому сняли свои головные уборы и дальше ехали уже простоволосые. «Вы не заметили, под какие колеса попал этот странник, под передние или под задние?» — спросил господин, одетый в муфту, то есть не в муфту, а в башлык. «У

меня, — говорил этот господин, — здорово застужены щеки и ушные мочки, а потому я хожу всегда в этом башлыке». Рядом с господином в автомобиле сидела дама, интересная своим ртом. «Я, — сказала дама, — волнуюсь, как бы нас не обвинили в убийстве этого путника». — «Что? Что?» — спросил господин, оттягивая с уха башлык. Дама повторила свое опасение. «Нет, — сказал господин в башлыке, — убийство карается только в тех случаях, когда убитый подобен тыкве. Мы же нет. Мы же нет. Мы не виноваты в смерти путника. Он сам крикнул: умираю! Мы только свидетели его внезапной смерти». Мадам Анэт улыбнулась интересным ртом и сказала про себя: «Антон Антонович, вы ловко выходите из беды». А господин Дернятин лежал в сырой канаве, вытянув свои руки и ноги. А автомобиль уже уехал. Уже Дернятин понял, что он умер. Смерть в виде автомобиля миновала его. Он встал, почистил рукавом свой костюм, посплюснул пальцы и пошел по голубой дорожке нагонять время. Время на девять с половиной минут убежало вперед, и Дернятин шел, нагоняя минуты.

II

Семья Рундадаров жила в доме у тихой реки Свиречки. Отец Рундадаров, Платон Ильич, любил знания высоких полетов: Математика, Тройная философия, География Эдема, книги Винтвивека, учение о смертных толчках и небесная иерархия Дионисия Ареопагита были наилюбимейшие науки Платона Ильича. Двери дома Рундадаров были открыты всем странникам, посетившим святыне точки нашей планеты. Рассказы о летающих холмах, приносимые оборванцами из Никитинской слободы, встречались в доме Рундадаров с оживлением и напряженным вниманием. Платоном Ильичом хранились длинные списки о деталях летания больших и малых холмов. Особенно отличался от всех иных взлетов взлет Капустинского холма. Как известно, Капустинский холм взлетел ночью, часов в 5, выворотив с корнем кедр. От места взлета к небу холм поднимался не по серповидному пути, как все прочие холмы, а по прямой линии, сделав маленькие колебания лишь на высоте 15–16 километров. И ветер, дующий в холм, пролетал сквозь него, не сгоняя его с пути. Будто холм кремневых пород потерял свойство непроницаемости. Сквозь холм, например, пролетела галка. Пролетела, как сквозь облако. Об этом утверждают несколько свидетелей. Это противоречило законам летающих холмов, но факт оставался фактом, и Платон Ильич занес его в список деталей Капустинского холма. Ежедневно у Рундадаров собирались почетные гости и обсуждались признаки законов алогической цепи. Среди почетных гостей были: профессор железных путей Михаил Иванович Дундуков, игумен Миринос II и плехаризиаст Стефан Дернятин. Гости собирались в нижней гостиной, садились за продолговатый стол, на стол ставилось обыкновенное корыто с водой. Гости, разговаривая, поплеывали в корыто: таков был обычай в семье Рундадаров. Сам Платон Ильич сидел с кнутиком. Время от времени он мочил его в воде и хлестал им по пустому стулу. Это называлось «шуметь инструментом». В девять часов появлялась жена Платона Ильича, Анна Маляевна, и вела гостей к столу. Гости ели жидкие и твердые блюда, потом подползали на четвереньках к Анне Маляевне, целовали ей ручку и садились пить чай. За чаем игумен Миринос II рассказывал случай, происшедший четырнадцать лет тому назад. Будто он, игумен, сидел как-то на ступеньках своего крыльца и кормил уток. Вдруг из дома вылетела муха, покружилась и ударила игумена в лоб. Ударилась в лоб и прошла насквозь головы, и вышла из затылка, и улетела опять в дом. Игумен остался сидеть на крыльце с восхищенной улыбкой, что наконец-то воочию увидел чудо. Остальные гости, выслушав Мириноса II, ударили себя чайными ложками по губам и по кадыку в знак того, что вечер окончен. После разговор принимал фривольный характер. Анна Маляевна уходила из комнаты, а господин плехаризиаст Дернятин заговаривал на тему «Женщина и цветы». Бывало и так, что некоторые из гостей оставались ночевать. Тогда сдвигалось несколько шкапов, и на шкапы укладывали Мириноса II. Профессор Дундуков спал в столовой на рояле, а господин Дернятин ложился в кровать к рундадарской прислуге Маше. В большинстве же случаев

гости расходились по домам. Платон Ильич сам запирает за ними дверь и шел к Анне Маляевне. По реке Свиречке плыли с песнями никитинские рыбаки. И под рыбацкие песни засыпала семья Рундадаров.

III

Платон Ильич Рундадар застрял в дверях своей столовой. Он упёрся локтями в косяки, ногами врос в деревянный порог, глаза выкатил и стоял.

<1929–1930>

«Некий инженер задался целью...»

Некий инженер задался целью выстроить поперёк Петербурга огромную кирпичную стену. Он обдумывает, как это совершить, не спит ночами и рассуждает. Постепенно образуется кружок мыслителей-инженеров и вырабатывается план постройки стены. Стену решено строить ночью, да так, чтобы в одну ночь всё и построить, чтобы она явилась всем сюрпризом. Созываются рабочие. Идёт распределение. Городские власти отводятся в сторону, и наконец настает ночь, когда эта стена должна быть построена. О постройке стены известно только четырём человекам. Рабочие и инженеры получают точное распоряжение, где кому встать и что сделать. Благодаря точному расчёту, стену удаётся выстроить в одну ночь. На другой день в Петербурге переполох. И сам изобретатель стены в унынии. На что эту стену применить, он и сам не знал.

<1929–1930>

1931

«Однажды Андрей Васильевич шёл по улице...»

1. Однажды Андрей Васильевич шел по улице и потерял часы. Вскоре после этого он умер. Его отец, горбатый, пожилой человек целую ночь сидел в цилиндре и сжимал левой рукой тросточку с крючковой ручкой. Разные мысли посещали его голову, в том числе и такая: жизнь — это Кузница.

2. Отец Андрея Васильевича по имени Григорий Антонович, или вернее Василий Антонович, обнял Марию Михайловну и назвал ее своей владычицей. Она же молчала и с надеждой глядела вперед и вверх. И тут же паршивый горбун Василий Антонович решил уничтожить свой горб.

3. Для этой цели Василий Антонович сел в седло и приехал к профессору Мамаеву. Профессор Мамаев сидел в саду и читал книгу. На все просьбы Василия Антоновича профессор Мамаев отвечал одним словом: «Успеется.» Тогда Василий Антонович пошел и лег в хирургическое отделение.

4. Фельдшера и сестры милосердия положили Василия Антоновича на стол и покрыли простыней. Тут в комнату вошел сам профессор Мамаев. «Вас побрить?» — спросил профессор. «Нет, отрежьте мне мой горб», — сказал Василий Антонович.

Началась операция. Но кончилась она неудачно, потому что одна сестра милосердия покрыла свое лицо клетчатой тряпочкой и ничего не видела, и не могла подавать нужных инструментов. А фельдшер завязал себе рот и нос, и ему нечем было дышать, и к концу операции он задохнулся и упал мертвым на пол. Но самое неприятное — это то, что профессор Мамаев второпях забыл снять с пациента простыню и отрезал ему вместо горба что-то другое, — кажется затылок. А горб только потыкал хирургическим инструментом.

5. Придя домой, Василий Антонович до тех пор не мог успокоиться, пока в дом не ворвались испанцы и не отрубили затылок кухарке Андрюшке.

6. Успокоившись, Василий Антонович пошел к другому доктору, и тот быстро отрезал ему горб.

7. Потом все пошло очень просто. Мария Ивановна развелась с Василием Антоновичем и вышла замуж за Бубнова.

8. Бубнов не любил своей новой жены. Как только она уходила из дома, Бубнов покупал себе новую шляпу и все время здоровался со своей соседкой Анной Моисеевной. Но вдруг у Анны Моисеевны сломался один зуб, и она от боли широко открыла рот. Бубнов задумался о своей биографии.

9. Отец Бубнова, по имени Фы, полюбил мать Бубнова, по имени Хню. Однажды Хню сидела на плите и собирала грибы, которые росли около нее. Но он неожиданно сказал так:

— Хню, я хочу, чтобы у нас родился Бубнов.

Хню спросила:

— Бубнов? Да, да?

— Точно так, ваше сиятельство, — ответил Фы.

10. Хню и Фы сели рядом и стали думать о разных смешных вещах и очень долго смеялись.

11. Наконец, у Хню родился Бубнов.

<первая половина 1931>

«Как странно, как это невыразимо странно...»

Как странно, как это невыразимо странно, что за стеной, вот этой стеной, на полу сидит человек, вытянув длинные ноги в рыжих сапогах и со злым лицом.

Стоит только пробить в стене дырку и посмотреть в неё и сразу будет видно, как сидит этот злой человек.

Но не надо думать о нём. Что он такое? Не есть ли он частица мертвой жизни, залетевшая к нам из воображаемых пустот? Кто бы он ни был, Бог с ним.

22 июня 1931 года

Утро

Да, сегодня я видел сон о собаке.

Она лизала камень, а потом побежала к реке и стала смотреть в воду.

Она там видела что-нибудь?

Зачем она смотрит в воду?

Я закурил папиросу. Осталось ещё только две.

Я выкурю их, и больше у меня нет.

И денег нет.

Где я буду сегодня обедать?

Утром я могу выпить чай: у меня есть ещё сахар и булка. Но папирос уже не будет. И обедать негде.

Надо скорее вставать. Уже половина третьего.

Я закурил вторую папиросу и стал думать, как бы мне сегодня пообедать.

Фома в семь часов обедает в Доме Печати. Если придти в Дом Печати ровно в семь часов, встретить там Фому и сказать ему: «Слушай, Фома Антоныч, я хотел бы, чтобы ты накормил меня сегодня обедом. Я должен был получить сегодня деньги, но в сберегательной кассе нет денег». Можно занять десятку у профессора. Но профессор, пожалуй, скажет: «Помилуйте, я вам должен, а вы занимаете. Но сейчас у меня нет десяти. Я могу дать

вам только три». Или нет, профессор скажет: «У меня сейчас нет ни копейки». Или нет, профессор скажет не так, а так: «Вот вам рубль, и больше я вам ничего не дам. Ступайте и купите себе спичек».

Я докурил папиросу и начал одеваться.

Звонил Володя. Татьяна Александровна сказала про меня, что она не может понять, что во мне от Бога и что от дурака.

Я надел сапоги. На правом сапоге отлетает подметка.

Сегодня воскресенье.

Я иду по Литейному мимо книжных магазинов. Вчера я просил о чуде.

Да-да, вот если бы сейчас произошло чудо.

Начинает идти полуснег-полудождь. Я останавливаюсь у книжного магазина и смотрю на витрину. Я прочитываю десять названий книг и сейчас же их забываю.

Я лезу в карман за папиросами, но вспоминаю, что у меня их больше нет.

Я делаю надменное лицо и быстро иду к Невскому, постукивая тросточкой.

Дом на углу Невского красится в отвратительную желтую краску.

Приходится свернуть на дорогу. Меня толкают встречные люди. Они все недавно приехали из деревень и не умеют ещё ходить по улицам. Очень трудно отличить их грязные костюмы и лица. Они топчутся во все стороны, рычат и толкаются.

Толкнув нечаянно друг друга, они не говорят «простите», а кричат друг другу бранные слова.

На Невском страшная толчея на панелях. На дороге же довольно тихо.

Изредка проезжают грузовики и грязные легковые автомобили.

Трамваи ходят переполненные. Люди висят на подножках. В трамвае всегда стоит ругань. Все говорят друг другу «ты». Когда открывается дверца, то из вагона на площадку веет теплый и вонючий воздух. Люди вскакивают и соскакивают в трамвай на ходу. Но этого делать ещё не умеют, и скачут задом наперед. Часто кто-нибудь срывается и с ревом и руганью летит под трамвайные колеса. Милиционеры свистят в свисточки, останавливают вагоны и штрафуют прыгнувших на ходу. Но как только трамвай трогается, бегут новые люди и скачут на ходу, хватаясь левой рукой за поручни.

Сегодня я проснулся в два часа дня. Я лежал на кровати до трех, не в силах встать. Я обдумывал свой сон: почему собака посмотрела в реку и что она там увидела. Я уверял себя, что это очень важно — обдумать сон до конца. Ноя не мог вспомнить, что я видел дальше во сне, и я начинал думать о другом.

Вчера вечером я сидел за столом и много курил. Передо мной лежала бумага, чтобы написать что-то. Но я не знал, что мне надо написать. Я даже не знал, должны быть это стихи, или рассказ, или рассуждение. Я ничего не написал и лег спать. Но я долго не спал. Мне хотелось узнать, что я должен был написать. Я перечислял в уме все виды словесного искусства, но я не узнал своего вида. Это могло быть одно слово, а может быть, я должен был написать целую книгу. Я просил Бога о чуде, чтобы я понял, что мне нужно написать. Но мне начинало хотеться курить. У меня оставалось всего четыре папиросы. Хорошо бы хоть две, нет, три оставить на утро.

Я сел на кровать и закурил.

Я просил Бога о каком-то чуде.

Да-да, надо чудо. Все равно какое чудо.

Я зажег лампу и посмотрел вокруг. Все было по-прежнему.

Но ничего и не должно было измениться в моей комнате.

Должно измениться что-то во мне.

Я взглянул на часы. Три часа семь минут. Значит, спать я должен по крайней мере до половины двенадцатого. Скорей спать!

Я потушил лампу и лег.

Нет, я должен лечь на левый бок.

Я лег на левый бок и стал засыпать.

Я смотрю в окно и вижу, как дворник метет улицу.

Я стою рядом с дворником и говорю ему, что, прежде, чем написать что-либо, надо знать слова, которые надо написать.

По моей ноге скачет блоха.

Я лежу лицом на подушке с закрытыми глазами и стараюсь заснуть. Но слышу, как скачет блоха, и слежу за ней. Если я шевельнусь, я потеряю сон.

Но вот я должен поднять руку и пальцем коснуться лба. Я поднимаю руку и касаюсь пальцем лба. И сон прошел.

Мне хочется перевернуться на правый бок, но я должен лежать на левом.

Теперь блоха ходит по спине. Сейчас она укусит.

Я говорю: Ох, ох.

Закрытыми глазами я вижу, как блоха скачет по простыне, забирается в складочку и там сидит смирно, как собачка.

Я вижу всю мою комнату, но не сбоку, не сверху, а всю сразу, зараз. Все предметы оранжевые.

Я не могу заснуть. Я стараюсь ни о чем не думать. Я вспоминаю, что это невозможно, и стараюсь не напрягать мысли. Пусть думается о чем угодно. Вот я думаю об огромной ложке и вспоминаю басню о татарине, который видел во сне кисель, но забыл взять в сон ложку. А потом увидел ложку, но забыл... забыл... забыл... Это я забыл, о чем я думал. Уж не сплю ли я? Я открыл для проверки глаза.

Теперь я проснулся. Как жаль, ведь я уже засыпал и забыл, что это мне так нужно. Я должен снова стараться заснуть. Сколько усилий пропало зря. Я зевнул.

Мне стало лень засыпать.

Я вижу перед собой печку. В темноте она выглядит темно-зеленой. Я закрываю глаза. Но печку видеть продолжаю. Она совершенно темно-зеленая. И все предметы в комнате темно-зеленые. Глаза у меня закрыты, но я моргаю, не открывая глаз.

«Человек продолжает моргать с закрытыми глазами, — думаю я. — Только спящий не моргает».

Я вижу свою комнату и вижу себя, лежащего на кровати. Я покрыт одеялом почти с головой. Едва только торчит лицо.

В комнате всё серого тона.

Это не цвет, это только схема цвета. Вещи загрунтованы для красок. Но краски сняты. Но эта скатерть на столе хоть и серая, а видно, что она на самом деле голубая. И этот карандаш хоть и серый, а на самом деле он желтый.

— Заснул, — слышу я голос.

25 октября 1931 года, воскресенье

«К одному из домов, расположенных...»

К одному из домов, расположенных на одной из обыкновенных Ленинградских улиц, подошёл обыкновенный с виду молодой человек, в обыкновенном чёрном двубортном пиджаке, простом синем вязаном галстуке и маленькой фетровой шапочке коричневого цвета. Ничего особенного в этом молодом человеке не было, разве только то, что плечи его были немного узки, а ноги немного длинны, да курил он не папиросу, а трубку; и даже девицы, стоявшие под воротней, сказали ему вслед: «тоже американец!» Но молодой человек сделал вид, что не слышал этого замечания и спокойно вошёл в подъезд. Войдя в подъезд, он сунул трубку в карман, снял с головы шапочку, но сейчас же надел её опять, потом вошёл по лестнице, шагая через две ступеньки, на третий этаж. Тут он подошёл у двери, на которой висела бумажка, а на бумажке было написано жирными печатными буквами: «Яков Иванович 8итон». Буквы были нарисованы чёрной тушью, очень тщательно, но расположены были криво. И слово 8итон начиналось не с буквы Ф, а с 8иты, которая была похожа на

колесо с одной перекладной.

Молодой человек подошёл к двери совсем вплотную, так, что коснулся её коленями, вынул французский ключ и отпер им замок. Из квартиры послышался визгливый собачий лай, но когда молодой человек вошёл в прихожую, к нему подбежали две маленькие черные собачки, и ткнувшись носами в его ноги, замолчали и весело убежали по коридору. Молодой человек молча прошёл в свою комнату, на дверях которой было также написано: «Яков Иванович 8итон».

Молодой человек закрыл за собой дверь, повесил шляпу на крюк и сел в кресло возле стола. Немного погодя он закурил трубку и принялся читать какую-то книгу. Потом он сел за стол, на котором лежали записные книжки и листы чистой бумаги, стояла высокая лампа с зелёным абажуром, подносик с различными чернильницами, хрустальный стакан с карандашами и перьями и круглая деревянная пепельница. Так, ничего не делая, он просидел за столом часа три и даже по лицу не было видно, чтобы он о чём-нибудь думал. Часов в двенадцать он лёг спать. В кровати он ещё с час перелистывал какую-то книгу, а потом отложил её в сторону и потушил свет.

На другой день Яков Иванович проснулся в 10 часов. Рядом с кроватью, на стуле стоял телефон и звонил. Яков Иванович взял трубку.

— Я слушаю, — сказал Яков Иванович. — Здравствуйте, Вера Никитишна. Спасибо, что вы меня разбудили...

<1931>

«Вот я сижу на стуле. А стул стоит на полу...»

Вот я сижу на стуле. А стул стоит на полу. А пол приделан к дому. А дом стоит на земле. А земля тянется во все стороны, и направо, и налево, и вперед и назад. А кончается она где-нибудь?

Ведь не может же быть, чтоб нигде не кончалась! Обязательно где-нибудь да кончается! А дальше что? Вода? А земля по воде плавает? Так раньше люди и думали. И думали, что там, где вода кончается, там она вместе с небом сходится.

И действительно, если встать на пароходе в море, где ничего не мешает кругом смотреть, то так и кажется, что где-то очень далеко небо опускается вниз и сходится с водою.

А небо казалось людям большим твёрдым куполом, сделанным из чего-то прозрачного, вроде стекла. Но тогда ещё стекла не знали и говорили, что небо сделано из хрусталя. И называли небо твердью, И думали люди, что небо или твердь есть самое прочное, самое неизменное. Всё может измениться, а твердь не изменится. И до сих пор, когда мы хотим сказать про что-нибудь, что не должно меняться, мы говорим: это надо утвердить.

И видели люди, как по небу движутся солнце и луна, а звёзды стоят неподвижно. Стали люди к звездам внимательнее приглядываться и заметили, что звёзды расположены на небе фигурами. Вот семь звезд расположены в виде кастрюли с ручкой, вот три звезды прямо одна за другой стоят как по линейке. Научились люди одну звезду от другой отличать и увидели, что звезды тоже движутся, но только все зараз, будто они к небу прикреплены и вместе с самим небом движутся. И решили люди, что небо вокруг земли вертится.

Разделили тогда люди всё небо на отдельные звездные фигуры и каждую фигуру назвали созвездием и каждому созвездию своё имя дали.

Но только видят люди, что не все звезды вместе с небом двигаются, а есть и такие, которые между другими звездами блуждают. И называли люди такие звезды планетами.

<1931>

Можно ли до Луны докинуть камнем

Была страшно тёмная ночь. Звёзды, правда, сияли, да не светили. Ничего нельзя было разглядеть. Может быть, тут рядом дерево стоит, а может быть, лев, а может быть, слон, а может быть, и ничего нет. Но вот вошла луна и стало светло. Тогда стало возможным разглядеть скалу, а в скале пещеру, а налево поле, а направо речку, а за речкой лес.

Из пещеры вылезли на четверинках две обезьяны, потом поднялись, встали на задние ноги и пошли валкой походкой, размахивая длинными руками.

<1931>

«В 2 часа дня на Невском...»

В 2 часа дня на Невском проспекте или, вернее, на проспекте 25-го Октября ничего особенного не случилось. Нет-нет, тот человек возле «Колизея» остановился просто случайно. Может быть, у него развязался сапог или, может быть, он хочет закурить. Или нет, совсем не то! Он просто приезжий и не знает куда идти. Но где же его вещи? Да нет, постойте, вот он поднимает за чем-то голову, будто хочет посмотреть в третий этаж, даже в четвертый, даже в пятый. Нет, смотрите, он просто чихнул и теперь идет дальше. Он немножечко сутул и держит плечи приподнятыми. Его зеленое пальто раздувается от ветра. Вот он свернул на Надеждинскую и пропал за углом.

Восточный человек, чистильщик сапог, посмотрел ему вслед и разгладил рукой свои пышные черные усы.

Его пальто длинное, плотное, сиреневого цвета не то в клетку, не то в полоску, не то, черт подери, в горошину.

<1931>

«Прежде, чем притти к тебе, я постучу в твоё окно...»

Прежде чем притти к тебе, я постучу в твоё окно. Ты увидишь меня в окне. Потом я войду в дверь, и ты увидишь меня в дверях. Потом я войду в твой дом, и ты узнаешь меня. И я войду в тебя, и никто, кроме тебя, не увидит и не узнает меня.

Ты увидишь меня в окне.

Ты увидишь меня в дверях.

«Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате...»

Антон Гаврилович Немецкий бегаёт в халате по комнате. Он размахивает коробочкой, показывает на нее пальцем и очень, очень рад.

Антон Гаврилович звонит в колокольчик, входит слуга и приносит кадку с землей.

Антон Гаврилович достает из коробочки боб и сажает его в кадку. Сам же Антон Гаврилович делает руками замечательные движения. Из кадки растёт дерево.

<1931?>

«Веля — Меня зовут Веля...»

Веля — Меня зовут Веля.

Мркоков — Подожди, это ли надо было сказать?

Веля — Сядем сядем и подумаем.

(*Мркоков садится и Веля садится*).

Мркоков — Ну?

Веля — Ты ел сегодня труху?

Мркоков — Я очень обижен. Почему я должен есть труху?

Веля — Я не то хотела сказать. Я хотела сказать: ты видел сегодня паходу?

Мркоков — Как можешь ты так говорить. Ты знаешь ведь, что я редька.

Веля — Редька Мркоков. Вот это странно.

Мркоков —

Я был сегодня в магазине
там было много огурцов
они лежали все в корзине
и только восемь на полу
Я сосчитал их было восемь
и два приказчика
Ты веришь или нет?

<1930–1931>

«Иван Фёдорович пришёл домой...»

Иван Фёдорович пришёл домой. Дома ещё никого не было. Кот по имени Селиван сидел в прихожей на полу и что-то ел.

— Ты что это ешь? — спросил кота Иван Фёдорович. Кот посмотрел на Ивана Фёдоровича, потом на дверь, потом в сторону и взяв что-то невидное с полу начал опять есть.

Иван Фёдорович прошёл на кухню мыть руки. В кухне на плите лежала маленькая чёрненькая собачка по имени Кепка. Иван Фёдорович любил удивить людей и некоторые вещи делал шиворот на выворот. Он нарочно приучил кота Селивана сидеть в прихожей, а собаку Кепку лежать на плите.

— Что Кепка? Лежишь? — сказал Иван Фёдорович, намывлив руки. Кепка на всякий случай села и оскалила правый клык, что означало улыбку.

<1930–1931>

Пьеса для мужчины и женщины

Выходит Ж., постояла и ушла.

Выходит М. постоял и ушел.

Выходит Ж. постояла и ушла.

Выходит Ж. со стороны М.

Ж. (монолог):

Люблю цветы искать на речке
плыть мимо хижин, спать в траве.
Я жду мужчину. Он в косоворотке.
Он в колечке.
Он ходит весь на рукаве.
Он живет на горе.
Мы скорей на пароходе
в Амстердам
в Амстердам
к брату милому Володе

которого нету там,
он за мною в сапогах
я в косынке от него
ахах ахах!
вы не знаете всего.

М. (*входит*): бабушка

<1930–1931>

«В одном городе, но я не скажу в каком...»

В одном городе, но я не скажу в каком, жил человек, звали его Фома Петрович Пепермалдеев. Роста он был обыкновенного, одевался просто и незаметно, большей частью ходил в серой толстовке и темно-синих брюках, на носу носил круглые металлические очки, волосы зачёсывал на пробор, усы и бороду брил и в общем был человеком совершенно незаметным.

Я даже не знаю, чем он занимался: то ли служил где-то на почте, то ли работал кем-то на лесопильном заводе. Знаю только, что каждый день он возвращался домой в половине шестого и ложился на диван отдохнуть и поспать часок. Потом вставал, кипятил в электрическом чайнике воду и садился пить чай с пшеничным хлебцем.

<1930–1931>

1932

«Я один. Каждый вечер Александр Иванович...»

Я один. Каждый вечер Александр Иванович куда-нибудь уходит, и я остаюсь один. Хозяйка ложится рано спать и запирает свою комнату. Соседи спят за четырьмя дверями, и только я один сижу в своей маленькой комнатке и жгу керосиновую лампу.

Я ничего не делаю: собачий страх находит на меня. Эти дни я сижу дома, потому что я простудился и получил грипп, Вот уже неделю держится небольшая температура и болит поясница.

Но почему болит поясница, почему неделю держится температура, чем я болен, и что мне надо делать? Я думаю об этом, прислушиваюсь к своему телу и начинаю пугаться. От страха сердце начинает дрожать, ноги холодеют, и страх хватает меня за затылок. Я только теперь понял, что это значит. Затылок сдавливают снизу, и кажется: еще немного и сдавят всю голову сверху, тогда утеряется способность отмечать свои состояния, и ты сойдешь с ума. Во всем теле начинается слабость, и начинается она с ног. И вдруг мелькает мысль: а что, если это не от страха, а страх от этого. Тогда становится еще страшнее. Мне даже не удастся отвлечь мысли в сторону. Я пробую читать. Но то, что я читаю, становится вдруг прозрачным, и я опять вижу свой страх. Хоть бы Александр Иванович пришел скорее! Но раньше, чем через два часа, его ждать нечего. Сейчас он гуляет с Еленой Петровной и объясняет ей свои взгляды на любовь.

1932

1933

«Один монах вошёл в склеп к покойникам...»

Один монах вошёл в склеп к покойникам и крикнул: «Христос воскрес!» А они ему все хором: «Воистину воскрес!»

«Петр Михайлович: Вот этот цветок красиво...»

Петр Михайлович: Вот этот цветок красиво поставить сюда. Или, может быть, лучше так? Нет, так, пожалуй, уж очень пёстро. А если потушить эту лампу, а зажечь ту? Так уж лучше. Теперь сюда положим дорожку, сюда поставим бутылку, тут рюмки, тут вазочка, тут судочек, тут баночка, а тут хлеб. Очень красиво. Она любит покушать. Теперь надо рассчитать так, чтобы только одно место было удобно. Она туда и сядет. А я сяду как можно ближе. Вот поставлю себе тут вот этот стул. Выйдет, что мне больше некуда сесть, и я окажусь рядом с ней. Я встречу её будто накрываю на стол и не успел расставить стулья. Все выйдет очень естественно. А потом, когда я окажусь рядом с ней, я скажу: «Как хорошо сидеть с вами». Она скажет: «Ну чего же тут хорошего?» Я скажу: «Знаете, мне просто с вами лучше всего. Я, кажется, немножко влюбился в вас». Она скажет... Или нет, она просто смутится и покраснеет или опустит голову. А я, с этого места, наклонюсь к ней и скажу: «Вы знаете, я просто влюбился в вас. Простите меня». Если она опять промолчит, я склонюсь к ней ещё ближе... Лучше бы конечно пересесть к ней на диванчик. Но это может её испугать. Придется со стула. Вот не знаю, дотянусь ли? Если она будет сидеть прямо, то, пожалуй, дотянусь, но если она отклонится к стенке, то, пожалуй, не дотянусь. Я ей скажу: «Мария Ивановна, вы разрешаете мне влюбиться в вас?» — нет, это глупо! Я лучше так скажу: «Мария Ивановна! Хорошо ли, что наша дружба перешла вон во что!» Нет, так тоже не годится! Вообще надо её поцеловать, но сделать это надо постепенно. Неожиданно нельзя.

(Входит Илья Семёнович)

Ил. Сем. : Петя, к тебе сегодня никто не придет?

Петр Михайлович : Нет, придет, дядя.

Ил. Сем. : Кто?

П. М. : Одна знакомая дама.

Ил. Сем. : А я шел сейчас по улице и думал, что бы если у людей на голове вместо волос росла бы медная проволока?

П. М. : А зачем, дядя?

Ил. Сем. : А здорово было бы! Ты представь себе, на голове вместо волос яркая медная проволока! Ты знаешь, тебе это было бы очень к лицу. Только не тонкая проволока, а толстая. Толще звонковой. А ещё лучше не проволока, а гвозди. Медные гвозди! даже с шапочками. А знаешь что? Лучше не медные, это похоже на рыжие волосы, а лучше платиновые. Давай закажем себе такие парики!

П. М. : Нет, мне это не нравится.

Ил. Сем. : Напрасно. Ты не вошел во вкус. Ах! *(опрокидывает вазочку с цветком)*

П. М. : Ну смотри, сейчас ко мне придут гости, а ты всё тут перебил. И скатерть вся мокрая.

Ил. Сем. : Скорей Петя, снимай всё со стола. Мы повернем скатерть тем концом сюда, а тут поставим поднос.

П. М. : Подожди, не надо снимать.

Ил. Сем. : Нет нет, надо повернуть скатерть. Куда это поставить?

(Ставит блюдо с салатом на пол)

П. М. : Что ты хочешь делать?

Ил. Сем. : Сейчас. Сейчас!

(Снимает все со стола)

П. М. : Дядя. Дядя! Оставьте это! (*Звонок*) Это она.

Ил. Сем. : Скорей поворачивай скатерть. (*Попадает ногой в салат*) Ох, Боже мой! Я попал в салат!

П. М. : Ну зачем вы всё это выдумали!

Ил. Сем. : Тряпку! Все в порядке. Неси тряпку и иди отпирай дверь. (*роняет стул*)

П. М. : Смотрите, вы рассыпали сахар!

Ил. Сем. : Это ничего. Скорей давай тряпку!

П. М. : Это ужасно. (*Поднимает с пола тарелки*) Что вы делаете?

Ил. Сем. : Я пролил тут немного вина, но сейчас вытру диван своим носовым платком.

П. М. : Вы лучше оставьте это всё. (*Звонок*) Оставьте всё в покое! (*Убегает*)

Ил. Сем. : Ты скажи ей, что я твой дядя, или лучше скажи, что я твой двоюродный брат... (*снимает со стола тарелки и ставит их на диван*) Скатерть долой! Теперь можно всё поставить. (*Бросает скатерть на пол и ставит на стол блюда с пола*) Чорт возьми весь пол в салате!

(*Входит Мария Ивановна в пальто, а за ней Петр Михайлович*)

П. М. : Входите, Мария Ивановна. Это мой дядя. Познакомьтесь.

Ил. Сем. : Я Петин дядя. Очень рад. Мы с Петей не успели накрыть на стол... Тише, тут на пол попал салат!

М. И. : Благодарю вас.

П. М. : Снимите пальто.

Ил. Сем. : Разрешите я помогу вам.

П. М. : Да вы, дядя. не беспокойтесь, я уже помогаю Марии Ивановне.

Ил. Сем. : Простите, тут у нас не накрыт ещё стол. (*Запутывается ногами в скатерти*)

М. И. : Вы упадёте! (*Смеётся*)

Ил. Сем. : Простите, тут, я думал, ничего нет, а тут эта скатерть упала со стола. Петя, подними стул.

М. И. : Подождите, я сама сниму ботинки.

Ил. Сем. : Разрешите мне. Я уж это умею.

П. М. : Дядя, вы лучше стул поставьте на место!

Ил. Сем. : Хорошо хорошо! (*ставит стул к стене*)

(*Молчание. Все стоят на месте. Проходит минута*)

Ил. Сем. :

Мне нравится причёска на пробор.

Мне хочется иметь на голове забор

Мне очень хочется иметь на голове забор.

который делит волосы в серёдке на пробор.

П. М. : Ну вы просто дядя выдумали что-то очень странное!

М. И. : Можно мне сесть сюда?

П. М. : Конечно. Конечно. Садитесь!

Ил. Сем. : Садитесь конечно! Конечно!

П. М. : Дядя!

Ил. Сем. : Да да да.

(*М.И. садится на диван. Дядя достает из рта молоток*)

П. М. : Что это?

Ил. Сем. : Молоток.

М. И. : Что вы сделали? Вы достали его изо рта?

Ил. Сем. : Нет нет, это пустяки!

М. И. : Это фокус? (*Молчание*)

М. И. : Стало как-то неудобно.

П. М. : Сейчас я накрою на стол и будет лучше.

М. И. : Нет, Петр Михайлович, вы ужасны!

П. М. : Я! Почему я ужасен?

М. И. : Ужасно! Ужасно! (*Дядя на цыпочках выходит из комнаты*).

М. И. : Почему он ушёл на цыпочках?

П. М. : Я очень рад, что он ушел. (*Накрывает на стол*.) Вы простите меня за беспорядок.

М. И. : Я когда шла к вам, то подумала, что лучше не ходить. Надо слушаться таких подсказок.

П. М. : Наоборот, очень хорошо, что вы пришли.

М. И. : Не знаю, не знаю.

(*П. М. накрывает на стол*.)

П. М. : Весь стол в салате! и сахар просыпан! Слышите как скрипит под ногами? Это очень противно! Вы завтра станете всем рассказывать, как у меня было.

М. И. : Ну, может быть кому-нибудь и расскажу.

П. М. : Хотите выпить рюмку вина?

М. И. : Нет спасибо я вино не пить не буду. Сделайте мне бутерброд с сыром.

П. М. : Хотите чай?

М. И. : Нет, лучше не стоит. Я хочу скоро уходить. Только вы меня не провожайте.

П. М. : Я сам не знаю, как надо поступить. На меня напал столбняк.

М. И. : Да да, мне лучше уйти.

П. М. : Нет, по-моему лучше вам не уходить сразу. Вы должны меня великодушно простить...

М. И. : Зачем вы так говорите со мной?

П. М. : Да уж нарочно говорю так.

М. И. : Нет это просто ужасно всё.

П. М. : Ужасно! Ужасно! Ужасно!

(*Молчание*.)

П. М. :

Мне всё это страшно нравится! Мне нравится именно так сидеть с вами.

М. И. : И мне тоже.

П. М. : Вы шутите, а я правду говорю. Мне честное слово всё это нравится!

М. И. : У вас довольно прохладно (*вынимает изо рта молоток*).

П. М. : Что это?

М. И. : Молоток.

П. М. : Что вы сделали? Вы достали его изо рта!

М. И. : Он мне сегодня весь день мешал вот тут (*показывает на горло*)

П. М. :

Вы видите в моих глазах продолговатые лучи.
они струятся как бы косы
и целый сад шумит в моих ушах
и ветви трутся друг о друга.
и ветром движутся вершины
и ваши светлые глаза
как непонятные кувшины
мне снятся ночью. Боже мой!

М. И. :

К чему вы это говорите?
Мне непонятна ваша речь.

Вы просто надо мной смеетесь.
вы коршун я снегирь
вы на меня смотрите слишком яростно
и слишком часто дышите
Ах не смотрите так! Оставьте!
Вы слышите?

П. М. :

<1933>

Объяснение в любви

Водевиль

Он : Тут никого нет. Посажу-ка я тут.

Она : А, кажется, я одна. Никто меня не видит и не слышит.

Он : Вот хорошо, что я один. Я влюблён и хочу об этом подумать.

Она : Любит ли он меня? Мне так хочется, чтобы он сказал мне это. А он молчит, всё молчит.

Он : Как бы мне объясниться ей в любви. Я боюсь, что она испугается и я не смогу её больше видеть. Вот бы узнать, любит она меня или нет.

Она : Как я его люблю! Неужели он это не видит. А вдруг заметит и не захочет больше со мной встречаться.

<1933>

«Вбегают Рябчиков с кофейником в руке...»

Вбегают Рябчиков с кофейником в руке.

Рябчиков : Хочу пить кофе. Кто со мной?

Анна : Это настоящий кофе?

Хор :

Кофе кофе поднимает
поднимает нашу волю
пьющий кофе понимает
понимает свою долю.

Рябчиков : Где сахар?

Хор :

Сахар Сахар
тает от огня
Сахар Сахар
любимая птица коня.

Конь : Я сахаром жить готов. Почему же нет?

Анна : Конь пойдя сюда, возьми у меня с ладони кусочек сахара.

(Конь слизывает сахар с ладони Анны)

Конь : Ах как вкусно! Ах как сладко!

Рябчиков : Где молоко?

Хор :

Молоко стоит в кувшинах
Молоко забава коз
в снежных ласковых вершинах
молоко трясёт мороз
и молочные ледяшки
наше горло больно режут
Ах морозы больно тяжко
ломают кости, после нежат
от мороза гибнет зверь
запирайте крепче дверь!
чтобы в скважины и щели
не пробрался к нам мороз
мы трясемся, мы в постели
уж и лампы нам не нужны
тьма кругом во тьме доска
мы стрекозы
гибнем дружно
света нет. кругом тоска.

Анна :

Ну садитесь пить душистый
черный, клейкий и густой
кофе ласковый, пушистый

Хор :

Мы не можем, мы с тоской.

Рябчиков : А где, хозяйка, чайная серебряная ложечка?

Хозяйка (*все та же Анна*): Ложечка растопилась. Она лежала на плите и растопилась.

Хор :

Все серебряные вещи
Туго плавки туго плавки
вы купите воск и клещи
в мелочной дорожной лавке.

<1933>

Пьеса

1 Действие

Кока Брянский : Я сегодня женюсь.

Мать : Что?

Кока Бр. : Я сегодня женюсь.

Мать : Что?

Кока Бр. : Я говорю, что сегодня женюсь.
Мать : Что ты говоришь?
Кока : Се-го-во-дня-же-нюсь!
Мать : Же? что такое же?
Кока : Же-нить-ба!
Мать : Ба? Как это ба?
Кока : Не ба, а же-нить-ба!
Мать : Как это не ба?
Кока : Ну так, не ба и всё тут!
Мать : Что?
Кока : Ну не ба. Понимаешь! Не ба!
Мать : Опять ты мне это ба. Я не знаю, зачем ба.
Кока : Тьфу ты! *же* да *ба* ! Ну что такое же! Сама-то ты не понимаешь, что сказать просто же — бессмысленно.
Мать : Что ты говоришь?
Кока : *Же* , говорю, *бессмысленно* !!!
Мать : Сле?
Кока : Да что это в конце концов! Как ты умудряешься это услышать только кусок слова, да ещё самый нелепый: сле! Почему именно сле!
Мать : Вот опять сле.
Кока Брянский душит мать.
Входит невеста Маруся.

<1933>

«Четыре немца ели свинину и пили зеленое пиво...»

Четыре немца ели свинину и пили зелёное пиво. Немец по имени Клаус подавился куском свинины и встал из-за стола. Тогда три других немца принялись свистеть в кулаки и громко издеваться над пострадавшим. Но немец Клаус быстро проглотил кусок свинины, запил его зелёным пивом и был готов к ответу. Три других немца, поиздевавшись над горлом немца Клауса, перешли теперь к его ногам и стали кричать, что ноги у немца Клауса довольно кривые. Особенно один немец по имени Михель смеялся над кривыми ногами немца Клауса. Тогда немец Клаус показал пальцем на немца Михеля и сказал, что он не видал второго человека, так глупо выговаривающего слова «кривые ноги». Немец Михель посмотрел на всех вопрошающим взглядом, а на немца Клауса посмотрел взглядом, выражающим крайнюю неприязнь. Тут немец Клаус выпил немного зелёного пива с такими мыслями в своей голове: «вот между мной и немцем Михелем начинается ссора».

Остальные два немца молча ели свинину. А немец Клаус, отпив немного пива, посмотрел на всех с видом, говорящим следующее: «Я знаю, что вы от меня хотите, но я для вас запертая шкатулка.»

июнь 1933

«Гиммелькумов смотрел на девушку...»

Гиммелькумов смотрел на девушку в противоположном окне. Но девушка в противоположном окне ни разу не посмотрела на Гиммелькумова. «Это она от застенчивости», — думал Гиммелькумов.

* * *

Гиммелькумов раскрасил себе лицо зеленой тушью и подошел к окну. «Пусть думают все: какой он странный», — говорил сам себе Гиммелькумов.

* * *

Кончился табак и Гиммелькумову нечего было курить. Он сосал пустую трубку, но это еще больше увеличивало пытку. Так прошло часа два. А потом табак появился.

* * *

Гиммелькумов таращил на девушку глаза и приказывал ей мысленно повернуть голову. Однако, это не помогало. Тогда Гиммелькумов стал мысленно приказывать девушке не смотреть на него. Это тоже не помогло.

* * *

Гиммелькумов искал внутреннюю идею, чтобы на всю жизнь погрузиться в нее. Приятно быть в одном пункте как бы сумасшедшим. Всюду и во всем видит такой человек свой пункт. Все на его мельницу. Все имеет прямое отношение к любимому пункту.

Вдруг страшная жадность охватила Гиммелькумова. Но на что распространялась эта жадность, было непонятно. Гиммелькумов повторял правила о переносе слов и долго размышлял о буквах *ств*, которые не делятся. «Ныне я очень жадный», — говорил сам себе Гиммелькумов. Его кусала блоха, он чесался и раскладывал в уме слово «естество» для переноса с одной на другую строчку.

<1933>

«Герасим (входя и тот час же выходя)...»

Герасим (*входя и тот час же выходя*)

Макаров (*надсаживаясь поёт*):

Я несу в руках тарелку воздух воздух не звенит,
время быстро водит стрелку и часы возьми, взгляни

<Август 1933>

«Дорогой Никандр Андреевич...»

Дорогой Никандр Андреевич,

получил твоё письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то было подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты давно женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, что он добился того, чего хотел. И я вот очень рад, что ты женился, потому что, когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу — точно от тебя. Очень хорошо сделал, что написал мне. Сначала не писал, а потом вдруг написал, хотя ещё раньше, до того, как некоторое время не писал — тоже писал. Я сразу, как получил твоё письмо, сразу решил, что оно от тебя, и, потому, я очень рад, что ты уже женился. А то, если человек захотел жениться, то ему надо во что бы то ни стало жениться. Поэтому я очень рад, что ты наконец женился именно на том, на ком и хотел жениться. И очень хорошо сделал, что

написал мне. Я очень обрадовался, как увидел твоё письмо, и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, когда распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом, всё-таки, я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. Ты, может быть, не догадываешься, почему я так рад за тебя, но я тебе сразу скажу, что рад я за тебя потому, потому что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться, потому что тогда именно и добиваешься того, чего хотел. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я ещё издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя? А потом думаю: да нет, конечно от тебя. Сам распечатываю письмо и в то же время думаю: от тебя или не от тебя? Ну, а как распечатал, то и вижу, что от тебя. Я очень обрадовался и решил тоже написать тебе письмо. О многом надо сказать, но буквально нет времени. Что успел, написал тебе в этом письме, а остальное потом напишу, а то сейчас совсем нет времени. Хорошо, по крайней мере, что ты написал мне письмо. Теперь я знаю, что ты уже давно женился. Я и из прежних писем знал, что ты женился, а теперь опять вижу — совершенно верно, ты женился. И я очень рад, что ты женился и написал мне письмо. Я сразу, как увидел твоё письмо, так и решил, что ты опять женился. Ну, думаю, это хорошо, что ты опять женился и написал мне об этом письмо. Напиши мне теперь, кто твоя новая жена и как это всё вышло. Передай привет твоей новой жене.

<25 сентября и октября 1933>

Ссора

Куклов и Богадельнев сидят за столом, покрытым клеенкой, и едят суп.

Куклов : Я принц.

Богадельнев : Ах, ты принц!

Куклов : Ну и что же из этого, что я принц?

Богадельнев : А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

Куклов : Нет, не надо!

Богадельнев : Почему же это не надо?

Куклов : А это зачем же в меня супом плескать?

Богадельнев : А ты думаешь, ты принц, так тебя и супом облить нельзя?

Куклов : Да, я так думаю!

Богадельнев : А я думаю наоборот.

Куклов : Ты думаешь так, а я думаю так!

Богадельнев : А мне плевать на тебя!

Куклов : А у тебя нет никакого внутреннего содержания.

Богадельнев : А у тебя нос похож на корыто.

Куклов : А у тебя такое выражение лица, будто ты не знаешь, куда сесть.

Богадельнев : А у тебя веретенообразная шея!

Куклов : А ты свинья!

Богадельнев : А я вот сейчас тебе уши оторву.

Куклов : А ты свинья.

Богадельнев : Я вот тебе уши оторву!

Куклов : А ты свинья!

Богадельнев : Свинья? А ты кто же?

Куклов : А я принц.

Богадельнев : Ах ты принц!

Куклов : Ну и что же из того, что я принц?

Богадельнев : А то, что я в тебя сейчас супом плесну!

и т. д.

20 ноября 1933 года.

«В Америке жили два американца...»

В Америке жили два американца, мистер Пик и мистер Пак. Мистер Пик служил в конторе, а мистер Пак служил в банке. Но вот однажды мистер Пик пришел в свою контору, а ему говорят: «вы у нас больше не служите». А на другой день мистеру Паку то же самое сказали в банке. И вот мистер Пик и мистер Пак остались без места. Мистер Пик пришел к мистеру Паку и сказал:

— Мистер Пак!

— Что? Что? что? что? Ты спрашиваешь: что нам делать? что нам делать! Ты спрашиваешь: что нам делать?

— Да, — сказал мистер Пик.

— Ну вот, ну вот, ну вот, ну вот! Ну вот видишь, что получилось? Вот видишь? Вот видишь, какая наша история!

— Да, — сказал мистер Пик и сел на стул, а мистер Пак принялся бегать по комнате.

— Сейчас у нас, сейчас тут у нас... Я говорю у нас тут в Соединенных штатах. Американских Соединенных штатах. В Соединенных штатах Америки, тут, у нас... ты понимаешь где?

<1933>

Фома Бобров и его супруга

Комедия в 3-х частях

Бабушка Боброва (*раскладывает пасьянс*): Ну и карта же идет. Все шиворот навыворот! Король. Ну, куда мне его сунуть? Когда нужно, ни одной пятёрки нет. Вот бы сейчас пятерку! Сейчас будет пятерка. Тьфу ты, опять король!

(*Швыряет карты на стол с такой силой, что со стола падает фарфоровая вазочка и разбивается*)

Бабушка: Ах! Ах! Батюшки! Вот чортовы карты! (*Лезет под стол и собирает осколки*) Из этого уж не склеишь. А хорошая вазочка была. Такой больше не достать. Вон ведь куда залетел! (*тянется за осколком*)

(*В комнату входит Бобров*)

Бобров: Бабушка! Что это вы под стол залезли?

Бабушка: Ну, ладно, ладно. Тебе чего надо?

Бобров: Да вот, пришел спросить: не найдется ли у вас цибика чая?

Бабушка: Ну-ка, помоги мне из-под стола вылезти.

Бобров: Вы что, уронили что-нибудь? Ах, вазочку разбили!

Бабушка (*передразнивает*): Ва-азочку разбили?

(*Бобров помогает бабушке подняться. Но как только он ее отпустил, бабушка опять села на пол*)

Бобров: Ах, опять сели!

Бабушка: Села, ну и что же?

Бобров: Разрешите помочь. (*Поднимает бабушку*)

Бабушка: Вот карта плохо шла. Я и так и эдак... Да ты меня за руки не тяни, а возьми под мышки. Всё, знаешь ли, король за королем. Мне пятерка нужна, а тут всё короли идут. (*Бобров отпускает бабушку, и бабушка опять садится на пол*) Ах!

Бобров: Господи! Вы опять сели.

Бабушка: Да что ты пристал: сели да сели! Чего тебе от меня нужно?

Бобров : Я пришел попросить у вас цирик чая.

Бабушка : Знаю уж. Говорил уже. Не люблю двадцать раз то же самое выслушивать. Только и знаешь: Ах, опять сели! и цирик чая. Ну, чего смотришь! Подними, говорят тебе.

Бобров (*поднимая бабушку*) : Я уж вас, разрешите, и в кресло посажу.

Бабушка : А ты поменьше разговаривай, а лучше поднимай как следует. Я хотела тебе сказать, да чуть не забыла: ведь дверь-то у меня в спальне опять плохо запирается. Верно, ты всё кое-как сделал.

Бобров : Нет, я скобу на шурупчиках поставил.

Бабушка : А ты думаешь, я понимаю, что это за скобка да шурупчики. Меня это не касается. Мне надо, чтобы дверь запиралась.

Бобров : Она потому и не запирается, что шурупчики в древесине не сидят.

Бабушка : Ну, ладно, ладно, это уж там твое дело. Мне надо только... Ах! (*опять садится на пол*)

Бобров : Господи!

Бабушка : Да ты что, решил меня об пол бросать с умыслом? Издеваться решил? Ах, ты, негодяй. Ну, просто ты негодяй, и лучше уходи!

Бобров : Да я, бабушка, честное слово, хотел вас на кресло посадить.

Бабушка : Я тебе что сказала? Чтобы ты уходил вон. А ты чего не уходишь! Ну, чего же ты не уходишь? Ты слышишь? Уходи вон! Ну? Убирайся вон!

(*Бобров уходит*)

Бабушка : Вон! Вон! Вон! Убирайся вон! Скажите, какой мерзавец! (*Поднимается с пола и садится в кресло*) А жена его просто неприличная дама. Дома ходит совершенно голый и даже меня, старуху, не стесняется. Прикроет неприличное место ладонью, так и ходит. А потом этой рукой за обедом хлеб трогает. Просто смотреть противно. Думает, что уж если она молодая да красивая, так уж ей всё можно. А сама, неряха, у себя, где полагается, никогда, как следует, не вымоет. Я, говорит, люблю, чтобы от женщины женщиной пахло! Я, как она придет, так сразу баночку с одеколоном к носу. Может быть, мужчинам это приятно, а меня, уж извините, увольте от этого. Такая бесстыдница! Ходит голый без малейшего стеснения. А когда сидит, то даже ноги, как следует, не сожмет вместе, так что всё напоказ. А там у нее, ну, просто всегда мокро. Так, другой раз, и течет. Скажешь ей: ты бы хоть пошла да вымылась, а она говорит: ну, там не надо часто мыть, и возьмет, платочком просто вытерет. Это ещё хорошо, если платочком, а то и просто рукой. Только еще хуже размажет. Я никогда ей руки не подаю, у нее вечно от рук неприлично пахнет. И грудь у нее неприличная. Правда, очень красивая и упругая, но такая большая, что, по моему, просто неприлично. Вот уж Фома жену нашел себе! Чем она его окрутила, не понимаю!

<1933>

Бал

Хор :

Танцуйте, танцуйте!

Гости :

Танцуем, танцуем!

Хор :

Танцуйте фигуру.

Гости :

Танцуем фигуру.

Хор :

Откройте, откройте,
откройте, откройте.
Закройте, закройте,
закройте, закройте.

Гости :

Мы весело топчемся.

Баронесса Пирогова :

Мне стало душно.

Солдат Ферзев :

Хотите на веранду охладить горячее тело?

Баронесса Пирогова :

Вы правы: я немножечко вспотела.
Пусть ветер мне подует в рукава.

Солдат Ферзев :

Смотрите: ночка какова!

Der Goldberg :

Кто хочет что-нибудь особенного —
то я спою не хуже Собинова.

Хозяин :

Иван Антоныч, принесите плеть.
Сейчас Der Goldberg будет петь.

Der Goldberg (поет):

Любовь, любовь
царит всечасно...
Больше петь не буду. Зачем
он меня при каждом слове
ударяет плеткой.

Мария :

Ой, смотрите, кто это к нам
ползет на четвереньках.

Хозяин :

Это Мотыльков.

Мотыльков :

Да, это я. Мою природу
постиг удар. Я стал скотом.
Дозвольте мне воззвать к народу.

Хозяин :

Ах, не сейчас. Потом, потом.

Мотыльков :

Тогда я просто удаляюсь.

Хозяин :

А вдруг останетесь, боюсь.

Мотыльков :

Как неуместен этот страх.
Уйду и с туфель сдуну прах.

Хозяин :

Смотрите, он ползет обратно.

Жак .

Мария, будьте аккуратна.

Мария :

Я вам запачкала пиджак.

Жак :

Ну не беда!

Мария :

Мой милый Жак.

Жак :

Я предан вам за вашу ласку.

Мария :

Ах, сядьте тут и расскажите сказку.

Жак :

Был гром, и небо темно-буро.
Вдруг выстрел — хлоп! — из Порт-Артура.
На пароходе суета,
матросы лезут в лодку,
а лодка офицерами по горло занята.
Матросы пьют в испуге дико водку,
кто рубит мачту, кто без крика тонет,
кто с переломанной ногой лежит и стонет.
Уже вода раскрыла двери,
а люди просто озверели.
Волну прижав к своей груди,
тонул матрос и говорил: «Приди, приди»,
не то волне, не то кому-то
и бил ногами воду круто.
Его сосет уже пучина,
холодная вода ласкает,
но все вперед плывет мужчина
и милую волну из рук не выпускает.
«Приди, приди», — кому-то кличет,
кому-то яростно лопочет,
кому-то ласково лепечет,
зовет кого-то и хохочет.

Хозяин :

Вот эта дверь ведет во двор.

Иван Антонович :

О чем ведете разговор?

Хозяин :

Так, ни о том и ни о сем.

Иван Антонович :

Давайте карты принесем.

Мотыльков :

Тогда остаться я не прочь.

Хозяин :

Ну ты мне мысли не морочь.
Сказал — уходишь. И вали!

Солдат Ферзев (вбегая):

Стреляй! Держи! Руби! Коли!

Хозяин :

Что тут за крик? Что за тревога?
Кто тут скандалист, того нога не переступит моего порога.

Солдат Ферзев (указывая на баронессу Пирогову):

Она ко мне вот так прильнула,
потом она меня кольнула,
потом она меня лягнула,
она меня, солдата, обманула.

1933

Скасска

Жил-был один человек, звали его Семёнов.
Пошел однажды Семёнов гулять и потерял носовой платок.
Семёнов начал искать носовой платок и потерял шапку.
Начал искать шапку и потерял куртку. Начал куртку искать и потерял сапоги.
— Ну, — сказал Семёнов, — этак все растеряешь. Пойду лучше домой.
Пошел Семёнов домой и заблудился.
— Нет, — сказал Семёнов, — лучше я сяду и посижу.
Сел Семёнов на камушек и заснул.

<1933>

«Воронин (вбегая)...»

Воронин (вбегая):

Остановка истории!
Люди бегут по улице!
На Неве стреляют из пушек!

Степанов (подскакивая на стуле):

Которое сегодня число?

Воронин :

Девятнадцатое марта!

Степанов (падая на пол):

Проспал! Проспал!

<1933>

«Мы жили в двух комнатах. Мой приятель...»

Мы жили в двух комнатах. Мой приятель занимал комнату поменьше, я-же занимал довольно большую комнату, в три окна. Целые дни моего приятеля не было дома, и он возвращался в свою комнату, только чтобы переночевать. Я же почти всё время сидел в своей комнате, и если выходил, то либо на почту, либо купить себе что нибудь к обеду. В добавок я заполучил сухой плеврит, и это ещё больше удерживало меня на месте.

Я люблю быть один. Но вот прошёл месяц и мне моё одиночество надоело. Книга не развлекала меня, а садясь за стол, я часто просиживал по долгу, не написав ни строчки. Я опять брался за книгу, а бумага оставалась чистой. Да ещё это болезненное состояние! Одним словом, я начал скучать.

Город, в котором я жил это время, мне совершенно не нравился. Он стоял на горе и всюду открывались открыточные виды. Эти виды мне так опротивили, что я даже рад был сидеть дома. Да собственно кроме почты, рынка и магазина, мне и ходить то было некуда.

И так я сидел дома как затворник.

Были дни, когда я ничего не ел. Тогда я старался создать себе радостное настроение. Я ложился на кровать и начинал улыбаться. Я улыбался по двадцати минут зараз, но потом улыбка переходила в зевоту. Это было очень неприятно. Я приоткрывал рот настолько, что бы только улыбнуться, а он открывался шире и я зевал. Я начинал мечтать.

Я видел перед собой глиняный кувшин с молоком и куски свежего хлеба. А сам я сижу за столом и быстро пишу. На столе, на стульях и на кровати лежат листы исписанной бумаги. А я пишу дальше, подмигиваю и улыбаюсь своим мыслям. И как приятно, что рядом хлеб, и молоко и ореховая шкатулочка с табаком!

Я открыл окно и смотрел в сад. У самого дома росли жёлтые и лиловые цветы. Дальше рос табак и стоял большой военный каштан. А там начинался фруктовый сад.

Было очень тихо и только под горой пели поезда.

Сегодня я ничего не мог делать. Я ходил по комнате, потом садился за стол, но вскоре вставал и пересаживался на кресло качалку. Я брал книгу, но тотчас же отбрасывал её и принимался опять ходить по комнате.

Мне вдруг казалось, что я забыл что то, какой то случай или важное слово.

Я мучительно вспоминал это слово и мне даже начинало казаться, что это слово начиналось на букву М. Ах нет! совсем не на М, а на Р.

Разум? радость? рама? ремень? Или: Мысль? Мука? Материя?

Нет, конечно на букву Р, если это только слово!

Я варил себе кофе и пел слова на букву Р. О, сколько слов сочинил я на эту букву! Может быть, среди них было и то, но я не узнал его, я принял его за такое же, как и все другие. А может быть, того слова и не было.

<1932–1933>

1934

Американский рассказ

В Американский суд была подана жалоба сторожем скотобойни, буд-то ему какой-то парень сломал руку. Судья вызвал этого парня и спросил: «Ты сломал сторожу руку?» Парень сказал: «нет я не ломал ему руки». А сторож сказал: «как же ты не ломал мне руки! Ведь я из за тебя же сломал руку!» Тогда судья спросил: «Как-же было дело?» Оказалось, что дело было так:

Молодой здоровый парень забрался на скотобойню, срезал с коровьего вымяни сиську, вставил её себе в прорешку штанов и так идёт.

Сторож увидел парня, вылупил глаза и говорит: «Да ты смотри, как ты идёшь!»

А парень достал нож и говорит: «Эх, всё равно!», отрезал ножом сиську и бросил её в сторону.

Сторож упал и сломал себе руку.

<Январь 1934>

«Миронов завернул в одеяло часы...»

Миронов завернул в одеяло часы и понёс их в керосинную лавку. По дороге Миронов встретил Головлёва. Головлёв при виде Миронова спрятался за папиросную будку. «Что вы тут стоите?» — начал приставать к нему папиросник. Чтобы отвязаться, Головлёв купил у папиросника мундштук и коробку зубного порошка. Миронов видел всё это, на чём, собственно говоря, рассказ и заканчивается.

* * *

Миронов бил Головлёва по морде, приговаривая: «Вот тебе порох, собачий мошенник!»

20 августа <1934>

«Андрей Иванович плюнул в чашку с водой...»

Андрей Иванович плюнул в чашку с водой. Вода сразу почернела. Андрей Иванович сощурил глаза и пристально посмотрел в чашку. Вода была очень черна. У Андрей Ивановича забилося сердце.

В это время проснулась собака Андрея Семёновича. Андрей Семёнович подошел к окну и задумался.

Вдруг что-то большое и темное пронеслось мимо лица Андрея Ивановича и вылетело в окно. Это вылетела собака Андрея Ивановича и понеслась как ворона на крышу противоположного дома. Андрей Иванович сел на корточки и завыл.

В комнату вбежал товарищ Попугаев.

— Что с вами? Вы больны? — спросил товарищ Попугаев.

Андрей Иванович молчал и тер лицо руками.

Товарищ Попугаев заглянул в чашку, стоявшую на столе.

— Что это тут у Вас налито? — спросил он Андрея Ивановича.

— Не знаю, — сказал Андрей Иванович.

Попугаев мгновенно исчез. Собака опять влетела в окно, легла на свое прежнее место и заснула.

Андрей Иванович подошел к столу и вылил из чашки почерневшую воду. И на душе у Андрея Ивановича стало светло.

<21 августа 1934>

«Как известно, у Безименского очень тупое рыло...»

Как известно, у Безименского очень тупое рыло.

Вот однажды, Безименский стукнулся своим рылом о табурет.

После этого рыло поэта Безименского пришло в полную негодность.

<август-сентябрь 1934>

«Ольга Форш подошла к Алексею Толстому...»

Ольга Форш подошла к Алексею Толстому и что-то сделала.

Алексей Толстой тоже что-то сделал.

Тут Константин Федин и Валентин Стенич выскочили на двор и принялись разыскивать подходящий камень. Камня они не нашли, но нашли лопату. Этой лопатой Константин Федин съездил Ольге Форш по морде.

Тогда Алексей Толстой разделся голым и, выйдя на Фонтанку, стал ржать по-лошадиному. Все говорили: «Вот ржет крупный современный писатель.» И никто Алексея Толстого не тронул.

<1934>

«У дурака из воротника его рубашки торчала шея...»

У дурака из воротника его рубашки торчала шея, а на шее голова. Голова была когда-то коротко подстрижена. Теперь волосы отросли щеткой. Дурак много о чем-то говорил. Его никто не слушал. Все думали: Когда он замолчит и уйдет? Но дурак ничего не замечая продолжал говорить и хохотать.

Наконец Ёлбов не выдержал и, подойдя к дураку, сказал коротко и свирепо: «Сию же минуту убирайся вон.» Дурак растерянно смотрел вокруг, не соображая что происходит. Ёлбов двинул дурака по уху. Дурак вылетел из кресла и повалился на пол. Ёлбов поддал его ногой и дурак, вылетев из дверей, скатился с лестницы.

Так бывает в жизни: Дурак дураком, а ещё чего-то хочет выразить. По морде таких. Да, по морде!

Куда бы я ни посмотрел всюду эта дурацкая рожа арестанта. Хорошо бы сапогом по этой морде.

(август 1934)

О равновесии

Теперь все знают, как опасно глотать камни.

Один даже мой знакомый сочинил такое выражение: «Кавео», что значит: «Камни внутрь опасно». И хорошо сделал. «Кавео» легко запомнить, и как потребуется, так и вспомнишь сразу.

А служил этот мой знакомый истопником при паровозе. То по северной ветви ездил, а то в Москву. Звали его Николай Иванович Серпухов, а курил он папиросы «Ракета», 35 коп. коробка, и всегда говорил, что от них он меньше кашлем страдает, а от пятирублевых, говорит, я всегда задыхаюсь.

И вот случилось однажды Николаю Ивановичу попасть в Европейскую гостиницу, в ресторан. Сидит Николай Иванович за столиком, а за соседним столиком иностранцы сидят и яблоки жрут.

Вот тут-то Николай Иванович и сказал себе: «Интересно, — сказал себе Николай Иванович, — как человек устроен».

Только это он себе сказал, откуда ни возьмись, появляется перед ним фея и говорит:

— Чего тебе, добрый человек, нужно?

Ну, конечно, в ресторане происходит движение, откуда, мол, эта неизвестная дамочка возникла. Иностранцы так даже яблоки жрать перестали. Николай-то Иванович и сам не на шутку струхнул и говорит просто так, чтобы отвязаться:

— Извините, — говорит, — особого такого ничего мне не требуется.

— Нет, — говорит неизвестная дамочка, — я, — говорит, — что называется, фея.

Одним моментом что угодно смастерю.

Только видит Николай Иванович, что какой-то гражданин в серой паре внимательно к их разговору прислушивается. А в открытые двери метродотель бежит, а за ним ещё какой-то субъект с папирской во рту.

«Что за черт! — думает Николай Иванович, — неизвестно что получается».

А оно и действительно неизвестно что получается. Метродотель по столам скачет, иностранцы ковры в трубочку закатывают, и вообще черт его знает! Кто во что горазд!

Выбежал Николай Иванович на улицу, даже шапку в раздевалке из хранения не взял, выбежал на улицу Лассалья и сказал себе: «Ка же О! Камни внутрь опасно! И чего-чего только на свете не бывает!»

А придя домой, Николай Иванович так сказал жене своей:

— Не пугайтесь, Екатерина Петровна, и не волнуйтесь. Только нет в мире никакого равновесия. И ошибка-то всего на какие-нибудь полтора килограмма на всю вселенную, а все же удивительно, Екатерина Петровна, совершенно удивительно!

ВСЕ.

<18 сентября 1934>

О явлениях и существованиях. № 1

Художник Миккель Анжело садится на груды кирпичей и, подперев голову руками, начинает думать.

Вот проходит мимо петух и смотрит на художника Миккеля Анжело своими круглыми золотистыми глазами. Смотрит и не мигает.

Тут художник Миккель Анжело поднимает голову и видит петуха. Петух не отводит глаз, не мигает и не двигает хвостом.

Художник Миккель Анжело опускает глаза и замечает, что глаза что-то щиплет. Художник Миккель Анжело трет глаза руками. А петух не стоит уж больше, не стоит, а уходит, уходит за сарай, за сарай на птичий двор, на птичий двор к своим курам.

И художник Миккель Анжело поднимается с груды кирпичей, отряхивает со штанов красную, кирпичную пыль, бросает в сторону ремешок и идет к своей жене.

По дороге художник Миккель Анжело встречает Комарова, хватает его за руку и кричит:

— Смотри!

Комаров смотрит и видит шар.

«Что это?» — шепчет Комаров.

А с неба грохочет: «Это шар».

— Какой такой шар? — шепчет Комаров.

А с неба грохот: «Шар гладкоповерхностный!»

Комаров и художник Миккель Анжело садятся в траву, и сидят они в траве, как грибы. Они держат друг друга за руки и смотрят на небо. А на небе вырисовывается огромная ложка. Что же это такое? Никто этого не знает. Люди бегут и застревают в своих домах. И двери запирают и окна. Но разве это поможет? Куда там! Не поможет это.

Я помню, как в 1884-том году показалась на небе обыкновенная комета величиной с пароход. Очень было страшно. А тут ложка! Куда комете до такого явления.

Запирают окна и двери!

Разве это может помочь? Против небесного явления доской не загородишься.

У нас в доме живет Николай Иванович Ступин, у него теория, что все дым.

А по-моему не все дым. Может, и дыма-то никакого нет. Ничего, может быть, нет. Есть одно только разделение. А может быть, и разделения-то никакого нет. Трудно сказать.

Говорят, один знаменитый художник, рассматривал петуха. Рассматривал, рассматривал и пришел к убеждению, что петуха не существует.

Художник сказал об этом своему приятелю, а приятель давай смеяться. Как же, говорит, не существует, когда, говорит, он вот тут вот стоит и я, говорит, его отчетливо наблюдаю.

А великий художник опустил тогда голову и как стоял, так и сел на груды кирпичей.
ВСЕ.

<18 сентября 1934>

О явлениях и существованиях. № 2

Вот бутылка с водкой, так называемый спиртуоз. А рядом вы видите Николая Ивановича Серпухова.

Вот из бутылки поднимаются спиртуозные пары. Поглядите, как дышит носом Николай Иванович Серпухов. Видно, ему это очень приятно, и главным образом потому что спиртуоз.

Но обратите внимание на то, что за спиной Николая Ивановича нет ничего.

Не то чтобы там не стоял шкаф или комод, или вообще что-нибудь такое, а совсем ничего нет, даже воздуха нет. Хотите верьте, хотите не верьте, но за спиной Николая Ивановича нет даже безвоздушного пространства, или, как говорится, мирового эфира. Откровенно говоря, ничего нет.

Этого, конечно, и вообразить себе невозможно.

Но на это нам наплевать, нас интересует только спиртуоз и Николай Иванович Серпухов.

Вот Николай Иванович берет рукой бутылку со спиртуозом и подносит ее к своему носу. Николай Иванович нюхает и двигает ртом, как кролик.

Теперь пришло время сказать, что не только за спиной Николая Ивановича, но впереди, так сказать перед грудью и вообще кругом, нет ничего. Полное отсутствие всякого существования, или, как острили когда-то: отсутствие всякого присутствия.

Однако давайте интересоваться только спиртуозом и Николаем Ивановичем.

Представьте себе, Николай Ивановича заглядывает во внутрь бутылки со спиртуозом, потом подносит ее к губам, запрокидывает бутылку доньшком вверх и выпивает, представьте себе, весь спиртуоз.

Вот ловко! Николай Иванович выпил спиртуоз и похлопал глазами. Вот ловко! Как это он!

А мы теперь должны сказать вот что: собственно говоря, не только за спиной Николая Ивановича, или спереди и вокруг только, а также и внутри Николая Ивановича ничего не было, ничего не существовало.

Оно, конечно, могло быть так, как мы только что сказали, а сам Николай Иванович мог при этом восхитительно существовать. Это, конечно, верно. Но, откровенно говоря, вся штука в том, что Николай Иванович не существовал и не существует. Вот в чем штука-то.

Вы спросите: «А как же бутылка со спиртуозом? Особенно, куда вот делся спиртуоз, если его выпил несуществующий Николай Иванович? Бутылка, скажем, осталась, а где же спиртуоз? Только что был, а вдруг его и нет. Ведь Николай Иванович не существует, говорите вы. Вот как же это так?»

Тут мы и сами теряемся в догадках.

А впрочем, что же это мы говорим? Ведь мы сказали, что как внутри, так и снаружи Николая Ивановича ничего не существует. А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то значит, и бутылки не существует. Так ведь?

Но с другой стороны, обратите внимание на следующее: если мы говорим, что ничего не существует ни изнутри, ни снаружи, то является вопрос: изнутри и снаружи чего? Что-то, видно, все же существует? А может, и не существует.

Тогда для чего же мы говорим изнутри и снаружи?

Нет, тут явно тупик. И мы сами не знаем, что сказать.

До свидания.

Даниил Дандан
<18 сентября 1934>

Грехопадение или познание добра и зла

Дидакалия

Аллея красиво подстриженных деревьев изображает райский сад. Посередине Древо жизни и Древо Познания Добра и Зла. Сзади направо церковь.

FIGVRA (*указывая рукой на дерево, говорит*). Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев ешьте плоды, а от этого дерева плодов не ешьте. (*Уходит в церковь*.)

АДАМ (*указывая рукой на дерево*). Вот это дерево познания добра и зла. От других деревьев мы будем есть плоды, а от этого дерева мы плодов есть не будем. Ты, Ева, обожди меня, а я пойду соберу малину. (*Уходит*.)

ЕВА. Вот это дерево познания добра и зла. Адам запретил мне есть плоды с этого дерева. А интересно, какого они вкуса? Мастер Леонардо.

(*Из-за дерева появляется Мастер Леонардо.*)

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Ева! Вот я пришел к тебе.

ЕВА. А скажи мне, Мастер Леонардо, зачем?

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Ты такая красивая, белотелая и полногрудая. Я хлопочу о пользе.

ЕВА. Дай-то Бог.

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Ты знаешь, Ева, я люблю тебя.

ЕВА. А я знаю, что это такое?

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Неужто не знаешь?

ЕВА. Откуда мне знать?

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Ты меня удивляешь.

ЕВА. Ой, посмотри, как смешно фазан на фазаниху сел!

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Вот это и есть то самое.

ЕВА. Что то самое?

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Любовь.

ЕВА. Тогда это очень смешно. Ты что? Хочешь тоже на меня верхом сесть?

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Да, хочу. Но только ты ничего не говори Адаму.

ЕВА. Нет, не скажу.

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Ты, я вижу, молодец.

ЕВА. Да, я бойкая баба!

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. А ты меня любишь?

ЕВА. Да, я не прочь, чтобы ты меня покатал по саду на себе верхом.

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Садись ко мне на плечи.

Ева садится верхом на Мастера Леонардо, и он скачет с ней по саду.

Входит Адам с картузом, полным малины, в руках.

АДАМ. Ева! Где ты? Хочешь малины? Ева! Куда же она ушла? Пойду ее искать. (*Уходит*.)

Появляется Ева верхом на Мастере Леонардо.

ЕВА (*спрыгивая на землю*). Ну, спасибо. Очень хорошо.

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. А теперь попробуй вот это яблоко.

ЕВА. Ой, что ты! С этого дерева нельзя есть плодов.

МАСТЕР ЛЕОНАРДО. Послушай, Ева! Я давно уже узнал все тайны рая. Кое-что я расскажу тебе.

ЕВА . Ну говори, а я послушаю.
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . Будешь меня слушать?
ЕВА . Да, я тебя ни в чем не огорчу.
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . А не выдашь меня?
ЕВА . Нет, поверь мне.
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . А вдруг все откроется?
ЕВА . Не через меня.
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . Ну хорошо. Я верю тебе. Ты была в хорошей школе. Я видел Адама, он очень глуп.
ЕВА . Он грубоват немного.
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . Он ничего не знает. Он мало путешествовал и ничего не видел. Его одурачили. А он одурачивает тебя.
ЕВА . Каким образом?
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . Он запрещает тебе есть плоды с этого дерева. А ведь это самые вкусные плоды. И когда ты съешь этот плод, ты сразу поймешь, что хорошо и что плохо. Ты сразу узнаешь очень много и будешь умнее самого Бога.
ЕВА . Возможно ли это?
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . Да уж я говорю тебе, что возможно.
ЕВА . Ну, право, я не знаю, что мне делать.
МАСТЕР ЛЕОНАРДО . Ешь это яблоко! Ешь, ешь!
Появляется Адам с картузом в руках.
АДАМ . Ах вот ты где, Ева! А это кто?
Мастер Леонардо скрывается за кусты.
АДАМ . Это кто был?
ЕВА . Это был мой друг, Мастер Леонардо.
АДАМ . А что ему нужно?
ЕВА . Он посадил меня верхом к себе на шею и бегал со мной по саду. Я страшно смеялась.
АДАМ . Больше вы ничего не делали?
ЕВА . Нет.
АДАМ . А что это у тебя в руках?
ЕВА . Это яблоко.
АДАМ . С какого дерева?
ЕВА . Вон с того.
АДАМ . Нет, врешь, с этого.
ЕВА . Нет, с того.
АДАМ . Врешь поди.
ЕВА . Честное слово, не вру.
АДАМ . Ну хорошо, я тебе верю.
ЗМЕЙ (*сидящий на дереве познания добра и зла*). Она врет. Ты не верь. Это яблоко с этого дерева!
АДАМ . Брось яблоко. Обманщица.
ЕВА . Нет, ты очень глуп. Надо попробовать, каково оно на вкус.
АДАМ . Ева! Смотри!
ЕВА . И смотреть тут нечего!
АДАМ . Ну как знаешь.
Ева откусывает от яблока кусок.
Змей от радости хлопает в ладоши.
ЕВА . Ах, как вкусно! Только что же это такое? Ты все время исчезаешь и появляешься вновь. Ой! Все исчезает и откуда-то появляется все опять. Ох, как это интересно! Ай! Я голая! Адам, подойди ко мне ближе, я хочу сесть на тебя верхом!
АДАМ . Что такое?

ЕВА . На, ешь ты тоже это яблоко!

АДАМ . Я боюсь.

ЕВА . Ешь! Ешь!

Адам съедает кусок яблока и сразу же прикрывается картузом.

АДАМ . Мне стыдно.

Из церкви выходит *Figvra*.

FIGVRA . Ты, человек, и ты, человечича, вы съели запрещенный плод. А потому вон из моего сада!

Figvra уходит обратно в церковь.

АДАМ . Куда же нам идти?

Появляется ангел с огненным челом и гонит их из рая.

АНГЕЛ . Пошли вон! Пошли вон! Пошли вон!

МАСТЕР ЛЕОНАРДО (*появляясь из-за кустов*). Пошли, пошли! Пошли, пошли!
(*Машет руками.*) Давайте занавес!

Занавес

27 сентября 1934 года.

Экспромт

Как известно, у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

— Вон смотрите, под осиной
Роем землю Балаган!

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

<Сентябрь 1934?>

«Тут все начали говорить по-своему...»

Тут все начали говорить по-своему.

Хвилищевский подошёл к дереву и поцарапал кору. Из коры выбежал муравей и упал на землю. Хвилищевский нагнулся, но муравья не было видно.

В это время Факиров ходил взад и вперёд. Лицо Факирова было строго, даже грозно. Факиров старался ходить по прямому, а когда доходил до дома, то делал сразу резкий поворот.

Хвищилевский всё ещё стоял у дерева и смотрел на кору сквозь пенсне своими близорукими глазами. Шея Хвищилевского была тонкая и морщинистая.

Тут все начали говорить о числах. Хвищилевский уверял, что ему известно такое число, что если его написать по китайски сверху вниз, то оно будет похоже на булочника.

— Ерунда, — сказал Факиров, — почему на булочника?

— А вы попробуйте и тогда сами убедитесь, — сказал Хвищилевский, проглотив слюну, отчего его воротничок подпрыгнул, а галстук съехал на сторону.

— Ну, какое же число? — спросил Факиров, доставая карандаш.

— Позвольте, это число я держу в тайне, — сказал Хвищилевский.

Неизвестно, чем бы это всё кончилось, но тут вошёл Уемов и принёс много новостей.

Факиров сидел в своём синем бархатном жилете и курил трубку.

Числа, такая важная часть природы! И рост и действие, всё число.

А слово, это сила.

Число и слово, — наша мать.

5 октября <1933–1934>

Обезоруженный или Неудавшаяся любовь

Трагический водевиль в одном действии

Лев Маркович (*подскакивая к даме*): Разрешите!

Дама (*отстраняясь ладонями*): Отстаньте!

Л. М. (*наскакивая*): Разрешите!

Дама (*пихаясь ногами*): Уйдите!

Л. М. (*хватаясь руками*): Дайте разок!

Дама (*пихаясь ногами*): Прочь! Прочь!

Л. М.: Один только пистон!

Дама (*мычит, дескать «нет»*).

Л. М.: Пистон! Один пистон!

Дама (*закатывает глаза*).

Л. М. (*Суется, лезет рукой за своим инструментом и вдруг оказывается, не может его найти*).

Л. М.: Обождите! (*Шарит у себя руками*). Что за чччорт!

Дама (*с удивлением смотрит на Льва Марковича*).

Л. М.: Вот ведь история!

Дама: Что случилось?

Л. М.: Хм... (*смотрит растерянно во все стороны*).

Занавес

«Маляр сел в люльку и сказал...»

Маляр сел в люльку и сказал: «Вот до той зазубрины дотяните и стоп».

Петров и Комаров взялись за канат.

— Валяй! — сказал маляр и люлька поскакала вверх.

Маляр отпихивался от стены ногами. Люлька с маляром откачивалась и опять летела к стене. А маляр опять отпихивался от стены ногами.

Петров и Комаров тянули за канат. То Петров, то Комаров. Пока один тянул, другой на всякий случай держал свободный конец каната. Маляр поднимался всё выше. В первом этаже был кооператив. Маляр поднялся до вывески и уперся ногой в букву О.

В это время Комаров повис на канате и люлька с маляром остановилась против окна во втором этаже.

Маляр поджал ноги, чтобы не высадить ими оконного стекла, но в это время на канате повис Петров, и маляр очутился в простенке между вторым и третьим этажом. На стене было написано мелом: «Ванька болван, а Наташка дура».

— Ишь ты! — сказал маляр и покрутил головой. — И сюда ведь, черти, забрались!

Но на канате повис опять Комаров и маляр увидел перед собой открытое окно, а в окне комнату. В комнате стояли два человека, один в пиджаке, а другой, кажется, без пиджака. Тот, который был в пиджаке, схватил того, который был, кажется, без пиджака, и душил его.

Но в это время на канате повис Петров и маляр увидел перед собой ржавый карниз.

— Стой! — закричал маляр. — Давай обратно!

Петров и Комаров задрали кверху головы и смотрели на маляра.

— Чего смотрите! Вниз! скорее! Там в окне душат! — кричал маляр и бил ногой в открытое окно.

Петров и Комаров засуетились и вдвоём повисли на канате. Маляр взлетел прямо к

четвёртому этажу, больно ударившись ногой о карниз.

— Вниз, черти! — крикнул маляр на всю улицу.

Петров и Комаров видно поняли, в чём дело, и начали понемногу опускать канат. Люлька поползла вниз. На улице начала собираться толпа.

Маляр перегнулся и заглянул в окно.

Человек без пиджака лежал на полу, а человек в пиджаке сидел на нём верхом и продолжал его душить.

— Ты чего делаешь? — крикнул ему маляр. Человек в пиджаке даже не обернулся и продолжал душить человека без пиджака.

— Чего там такое? — кричали снизу Петров и Комаров.

— Да тут один человек другого душит! — кричал маляр. — Вот я тебя сейчас!

С этими словами маляр слез с люльки и прыгнул в комнату.

Облегчённая люлька качнулась в сторону, ударилась об стену, отлетела от дома и с размаху двинула по водосточной трубе.

В трубе что-то зашумело, застучало, заклокотало, покатилося и посыпалось.

Народ с криком отбежал на середину улицы. А из водосточной трубы на панель выскочили три маленьких кирпичных осколка.

Народ опять приблизился к дому.

Петров и Комаров всё ещё держались за канат и показывали, как они тянули люльку наверх, как маляр крикнул им опускать вниз, и как один человек душит другого.

В толпе ахали и охали, смотрели наверх и наконец решено было как-нибудь помочь маляру.

Человек в соломенном картузе предлагал свою помощь и говорил, что может по водосточной трубе забраться хоть на край света.

Старушка с маленьким лицом и таким большим носом, что его можно было взять двумя руками, требовала всех мошенников сдать милиции и лишить их паспорта, чтобы они знали, как мучать других.

Петров и Комаров, всё ещё держась за канат, говорили:

«Мы его не упустим! Теперь уж нет! Шалишь!»

В это время из ворот дома выбежал дворник в огромной косматой папахе, в голубой майке и красных резиновых галошах, надетых на рваные валенки. С криком: «Что тут случилось?» он подбежал к Петрову и Комарову.

Дворнику объяснили, что в четвёртом этаже, в том вон окне, один человек задушил другого.

— За мной! — крикнул дворник и бросился в парадную. Толпа кинулась за дворником.

Петров и Комаров привязали канат к какой-то деревянной дуге, торчащей из-под земли, и говоря: «Ну нет, брат не уйдешь!» — тоже скрылись в парадной.

Добежав до площадки четвёртого этажа, дворник на секунду остановился, и вдруг ринулся к двери, на которой висела дощечка с надписью: «квартира № 8. Звонить 8 раз». А под этой дощечкой висела другая, на которой было написано: «Звонок не звонит. Стучите».

Собственно, на двери и не было никакого звонка.

Дворник встал на одной ноге спиной к двери, а другой ногой принялся колотить в дверь.

Народ столпился на площадке одним маршем ниже и оттуда следил за дворником.

Дворник бил ногой в дверь так усердно, и красная калоша так быстро мелькала взад и вперёд, что у старушки с длинным носом закружилась голова.

Но дверь не открывалась.

Человек в соломенном картузе сказал, что простым гвоздём берется открыть любой замок.

На что старушка с длинным носом сказала, что замки теперь стали делать так плохо, что вору ничего не стоит открывать и закрывать их просто ногтями.

Тогда молодой человек с сумкой через плечо, из которой торчала свечка и хвост какой-

то солёной рыбы, сказал, что французский замок легче всего открыть, если ударить его молотком по затылку. Тогда чугунная коробка треснет и замок откроется сам.

Этажом ниже Петров и Комаров объясняли друг другу, как маляр залез в окно, и как надо хватать человека, если у него в руках охотничье ружье, заряженное крупной дробью.

А дворник всё ещё продолжал бить ногой в дверь.

— Нет, не открывают, — сказал дворник и повернул на голове папаху задом наперёд.

<1934>

«Я родился в камыше. Как мышь...»

Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая-то рыба с четырьмя усами на носу кружилась около меня. Я заплакал. И рыба заплакала.

Вдруг мы увидели, что плывет по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться.

Нам было очень весело, мы плыли по течению и встретили рака. Это был древний, великий рак, он держал в своих клешнях топор.

За раком плыла голая лягушка.

— Почему ты всегда голая? — спросил ее рак. — Как тебе не стыдно?

— Здесь ничего нет стыдного, — ответила лягушка. — Зачем нам стыдиться своего хорошего тела, данного нам природой, когда мы не стыдимся своих мерзких поступков, созданных нами самими?

— Ты говоришь правильно, — сказал рак. — И я не знаю, как тебе на это ответить. Я предлагаю спросить об этом человека, потому что человек умнее нас. Мы же умны только в баснях, которые пишет про нас человек, так что и тут выходит, что опять-таки умнее человек, а не мы. — Но тут рак увидел меня и сказал:

— Да и плыть никуда не надо, потому что вот он — человек.

Рак подплыл ко мне и спросил:

— Надо ли стесняться своего голого тела? Ты человек и ответь нам.

— Я человек и отвечу вам: не надо стесняться своего голого тела.

<1934?>

«Американская улица. По улице ходят американцы...»

Американская улица. По улице ходят американцы. Направо касса, над кассой надпись «Мюзик-Холл, Джаз-оркестр М-ра Вудлейга и его жены баронессы фон дер Клюкен». Рекламы. К кассе стоит очередь американцев. На сцену выходит Феноров и озирается по сторонам.

Все американцы довольно обтрепанные.

Феноров — Это вот значит и есть Америка!.. Да! Ну и Америка!.. Вот это да-а!.. Эй, послушайте!.. Вы!.. Это Америка?

Американец — Йез, Америка.

Феноров — Город Чикаго?

Ам. — Йез, Чикаго.

Феноров — А вы будите Американец?

Ам. — Американец.

Феноров — (басом) Вот это да!.. А вон они, это тоже американцы?

Ам. — Американцы.

Феноров — (фальцетом) Ишь ты!., (ниже) Американци!.. (осматриваясь) А что, скажем, для примера, миллиардеры здесь тоже есть?

Ам. — Этого, друг мой, сколько угодно.

Феноров — А почему вот, для примера, скажем, вы миллиардеры и американцы, а ходите вроде как бы все ободранные?

Ам. — А это всё по причине так называемого кризиса.

Феноров — (фальц.) Ишь ты!

Ам. — Право слово, что так!

Феноров — (бас.) Вот это да-а!..

Ам. — А позвольте вас спросить... кто вы сами-то будите?

Феноров — Да моя фамилия Феноров, а социальное происхождение — я хрюнцуз.

Ам. — Хм... И что же, парлэ ву франсе?

Феноров — (фальцетом) Чивоэто?

Ам. — Да по французски то вы калякаете?

Феноров . — Чиво не можем, того не можем. Вот по американски, этого сколько хош. Это мы умеем!.. А ты мне, добрый человек, скажи лучше, зачем эта вот очередь стоит и чего такое интересное выдают?

Ам. — Не зачем эта очередь не стоит и ничего такого интересного не выдают, а стоит эта очередь за билетами.

Феноров — (фальцетом). Ишь ты!

Ам. — Это, видишь ли ты, Мьюзик-Холл, и выступает там сегодня джаз-оркестр знаменитого мистера Вудлейга и его жены, дочери барона фон дел Клюкен.

Феноров — (басом) Вот это да-а!.. Спасибочки вам!.. Пойду тоже билетик куплю. (Идет к спереди).

(Длинная очередь американцев к мюзикольной кассе).

Феноров — Кто тут последний?

Субъект — Куда лезишь!.. Изволь в очередь встать!..

Феноров — Да я вот и спрашиваю, кто тут последний...

Субъект — Ну ты не очень то тут разговаривай!

Феноров . Кто тут последний?.. (Трогает за локоть барышню).

Барышня — Оставьте меня в покое, я вот за этим субъектом стою!..

Субъект — Я вам не субъект, а король мятных лепёшек!..

Феноров — (фальцетом) Ишь-ты!

Барышня — Ну, вы полегче, полегче! Я сама королева собачей шерсти!

Феноров — (басом) Вот это да-а!

Субъект — Хоть ты и королева собачей шерсти, а мне плевать на это!

Барышня — Подумаешь тоже, мятная лепёшка!

Субъект — Ах ты собачья шерсть!

Цирковой номер. Драка в очереди. Королева собачей шерсти расправляется с королём мятных лепёшек. Другие американцы скачат вокруг и кричат: — «Держу парей: Он — её!...»

Внутренность Мьюзик-Холла. Видна эстрада и зрительный зал. Двери распахиваются и в зал врываются ободранные американцы, с криком и гвалтом занимают свои места. Заняв свои места, все застывают и наступает полная тишина. На эстраду выходит конференсье-американец.

Конф — Лэди и джентельмэны! Мы, как есть американцы, то знаем, как провести время. Вот мы тут все собравшись, чтобы маленько повеселиться. А как вас, чертей, рассмешишь! Жуёте своё табак и ризинки и хоть бы хны!.. Нешто вас рассмешишь!.. Куда там!.. Нипочём не рассмешишь!..

Американцы — Ы-ы-ы!.. Ы-ы-ы! Смеяться хотим!

Конф — А как это сделать? Я знаю?

Американцы — (жалобно). Ы-ы-ы!..

Конф — Ну хотите я вам смешные рожи покажу?

Американцы — Хотим! Хотим!

Конф. показывает рожу.

Американцы — (*громко хохочат*) Хы-хы-хы!.. Ой умора! ой ой ой умора!

Конф — Довольно?

Американцы — Ещё! Ещё!

Конф — Нет, хватит! Сейчас выступит джаз-оркестр под управлением мистера Вудлейка...

Американцы — (*хлопая в ладоши*). Bravo! Bravo! Урра!

Конф — В джазе участвует жена мистера Вудлейка, баронесса фон дер Клкжен, и их дети!

Аплодисменты. Конферансье уходит. Занавес.

Голос Фенорова из зрительного зала:

Феноров — Это чего такое будет?

Король мят. леп. — (*вскакивая со стула*) Братцы, да ведь это опять он!

Королева собачей шерсти — Опять мятная лепёшка крик поднимает!..

(*Король быстро садится на своё место*).

Королева — (*угрожающе*) Я тебя!

Занавес вновь поднимается.

<1934>

Хвастун Колпаков

Жил однажды человек по имени Фёдор Фёдорович Колпаков.

— Я, — говорил Фёдор Фёдорович Колпаков, — ничего не боюсь! Хотя в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай, хоть меня огнём жги — ничего я не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь!

Вот однажды Фёдор Фёдорович Колпаков стоял на мосту и смотрел, как водолазы в воду опускаются. Смотрел, смотрел, а потом, когда водолазы вылезли из воды и сняли свои водолазные костюмы, Фёдор Фёдорович не утерпел и давай им с моста кричать:

— Эй, — кричит, — это что! Я бы ещё и не так мог! Я ничего не боюсь! Я и тигров не боюсь, и орлов не боюсь, и китов не боюсь и пауков не боюсь, — ничего я не боюсь! Хотя меня огнём жги, хоть в меня из пушки стреляй, хоть меня в воду бросай — ничего я не боюсь!

— А ну-ка, — говорят ему водолазы, — хочешь попробовать в воду спуститься?

— Зачем же это? — говорит Фёдор Фёдорович и собирается прочь уйти.

— Что, брат, струсил? — говорят ему водолазы.

— Ничего я не струсил, — говорит Фёдор Фёдорович, — а только чего же я под воду полезу?

— Боишься! — говорят водолазы.

— Нет, не боюсь! — говорит Фёдор Фёдорович Колпаков.

— Тогда надевай водолазный костюм и полезай в воду.

Опустился Фёдор Фёдорович Колпаков под воду. А водолазы ему сверху в телефон кричат:

— Ну как, Фёдор Фёдорович? Страшно?

А Фёдор Фёдорович им снизу отвечает:

— Няв... няв... няв...

— Ну, — говорят водолазы, — хватит с него.

Вытащили они Фёдора Фёдоровича из воды, сняли с него водолазный костюм, а Фёдор Фёдорович смотрит вокруг дикими глазами и всё только «няв... няв... няв...», говорит.

— То-то, брат, зря не хвастай, — сказали ему водолазы и ссадили его на берег.

Пошёл Фёдор Фёдорович Колпаков домой и с тех пор больше никогда не хвастал.

Дуэт. Дербантова и Кукушин-Дергушин

Дербантова (*бегая по саду и тыча пальцем в разные стороны*): Жик! Жик! Жик!

Кукушин-Дергушин: Что-то вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дербантова: Жик! Жик! Жик!

К.-Д.: Анна Павловна!

Дерб. (*останавливаясь*): Что?

К.-Д.: Я говорю, что вы, Анна Павловна, больно разошлись.

Дерб.: Нет.

К.-Д.: Что нет?

Дерб.: Не разошлась.

К.-Д.: То есть как?

Дербантова: Да вот так, не разошлась!

К.-Д.: Странно.

Дерб.: Очень.

К.-Д. (*подумав*): Анна Павловна!

Дерб.: Что?

К.-Д.: Видите ли, Анна Павловна, вы человек уже не молодой, я тоже.

Дерб.: Я помоложе вас.

К.-Д.: Ну да, конечно помоложе!

Дерб.: Ну то-то же!

К.-Д. (*раскланиваясь в публику*): Первое действие закончено.

Дерб.: Теперь начнём второе действие.

К.-Д.: Начинаем!

Дербантова (*тыкая пальцем во все стороны*): Жик! Жик! Жик!

Кукушин-Дергушин: В ваши лета, Анна Павловна, так шалить не полагается.

<1930–1934>

«Старичок чесался обеими руками...»

Старичок чесался обеими руками. Там, где нельзя было достать обеими, старичок чесался одной, но зато быстро-быстро. И при этом быстро мигал глазами.

* * *

Из паровозной трубы шел пар, или так называемый дым. И нарядная птица, влетая в этот дым, вылетала из него обсосанной и помятой.

* * *

Хвилищевский ел клюкву, стараясь не морщиться. Он ждал, что все скажут: «Какая сила характера!» Но никто не сказал ничего.

* * *

Было слышно, как собака обнюхивала дверь. Хвилищевский зажал в кулаке зубную щетку и тарачил глаза, чтобы лучше слышать. «Если собака войдет, — подумал Хвилищевский, я ударю ее этой костяной ручкой прямо в висок!»

* * *

...Из коробки вышли какие-то пузыри. Хвилищевский на цыпочках удалился из комнаты и тихо прикрыл за собой дверь. «Черт с ней! — сказал себе Хвилищевский. — Меня не касается, что в ней лежит. В самом деле! Черт с ней!»

* * *

Хвилищевский хотел крикнуть: «Не пушу!» Но язык как-то подвернулся и вышло: «не пустю». Хвилищевский прищурил правый глаз и с достоинством вышел из залы. Но ему всё-таки показалось, что он слышал, как хихикнул Цуккерман.

<1933–1934>

Разница в росте мужа и жены

Муж : Я выпорол свою дочь, а сейчас буду пороть жену.

Жена и дочь (из-за двери) : Бэбэбэбэбэ! Мэмэмэмэмэ!

Муж : Иван! Камердинер Иван!

Входит Иван. У Ивана нет рук.

Иван : Так точно!

Муж : Где твои руки, Иван?!

Иван : В годы войны утратил их в пылу сражения!

<1933–1914>

1935

История

Абрам Демьянович Пентопасов громко вскрикнул и прижал к глазам платок.

Но было поздно. Пепел и мягкая пыль залепила глаза Абрама Демьяновича. С этого времени глаза Абрама Демьяновича начали болеть, постепенно покрылись они противными болячками, и Абрам Демьянович ослеп.

Слепому инвалида Абрама Демьяновича вытолкали со службы и назначили ему мизерную пенсию в 36 рублей в месяц.

Совершенно понятно, что этих денег не хватало на жизнь Абраму Демьяновичу. Кило хлеба стоило рубль десять копеек, а лук-порей стоил 48 копеек на рынке.

И вот инвалид труда стал все чаще прикладываться к выгребным ямам.

Трудно было слепому среди всей шелухи и грязи найти съедобные отбросы.

А на чужом дворе и саму-то помойку найти нелегко. Глазами-то не видать, а спросить: где тут у вас помойная яма? — как-то неловко.

Оставалось только нюхать.

Некоторые помойки так пахнут, что за версту слышно, другие, которые с крышкой, совершенно найти невозможно.

Хорошо, если дворник добрый попадет, а другой так шуганет, что всякий аппетит пропадет.

Однажды Абрам Демьянович залез на чужую помойку, а его там укусила крыса, и он вылез обратно. Так в тот день и не ел ничего.

Но вот как-то утром у Абрама Демьяновича что-то отскочило от правого глаза.

Абрам Демьянович потерял этот глаз и вдруг увидел свет. А потом и от левого глаза что-то отскочило, и Абрам Демьянович прозрел. С этого дня Абрам Демьянович пошел в гору. Всюду Абрама Демьяновича нарасхват. А в Наркомтяжпроме, так там Абрама Демьяновича чуть не на руках носили. И стал Абрам Демьянович великим человеком.

<1936>

Карьера Ивана Яковлевича Антонова

Это случилось ещё до революции. Одна купчиха зевнула, а к ней в рот залетела кукушка. Купец прибежал на зов своей супруги и, моментально сообразив, в чем дело, поступил самым остроумным способом. С тех пор он стал известен всему населению города и его выбрали в сенат. Но прослужив года четыре в сенате, несчастный купец однажды вечером зевнул, и ему в рот залетела кукушка. На зов своего мужа прибежала купчиха и поступила самым остроумным способом. Слава о ее находчивости распространилась по всей губернии, и купчиху повезли в столицу показать метрополиту. Выслушивая длинный рассказ купчихи, метрополит зевнул, и ему в рот залетела кукушка. На громкий зов метрополита прибежал Иван Яковлевич Григорьев и поступил самым остроумным способом. За это Ивана Яковлевича Григорьева переименовали в Ивана Яковлевича Антонова и представили царю. И вот теперь становится ясным, каким образом Иван Яковлевич Антонов сделал себе карьеру.

<8 января 1935>

Праздник

На крыше одного дома сидели два чертежника и ели гречневую кашу. Вдруг один из чертежников радостно вскрикнул и достал из кармана длинный носовой платок. Ему пришла в голову блестящая идея — завязать в кончик платка двадцатикопеечную монетку и швырнуть все это с крыши вниз на улицу, и посмотреть, что из этого получится. Второй чертежник, быстро уловив идею первого, доел гречневую кашу, высморкался и, облистав себе пальцы, принялся наблюдать за первым чертежником. Однако внимание обоих чертежников было отвлечено от опыта с платком и двадцатикопеечной монеткой. На крыше, где сидели оба чертежника, произошло событие, не могущее быть незамеченным. Дворник Ибрагим приколачивал к трубе длинную палку с выцветшим флагом. Чертежники спросили Ибрагима, что это значит, на что Ибрагим отвечал: «Это значит, что в городе праздник». — «А какой же праздник, Ибрагим?» — спросили чертежники. «А праздник такой, что наш любимый поэт сочинил новую поэму», — сказал Ибрагим. И чертежники, устыженные своим незнанием, растворились в воздухе.

<9 января 1935>

Неожиданная попойка

Однажды Антонина Алексеевна ударила своего мужа служебной печатью и выпачкала ему лоб печатной краской.

Сильно оскорбленный Петр Леонидович, муж Антонины Алексеевны, заперся в ванной комнате и никого туда не пускал.

Однако жильцы коммунальной квартиры, имея сильную нужду пройти туда, где сидел Петр Леонидович, решили силой взломать запертую дверь.

Видя, что его дело проиграно, Петр Леонидович вышел из ванной комнаты и, пройдя к себе, лег на кровать.

Но Антонина Алексеевна решила преследовать своего мужа до конца. Она нарвала мелких бумажек и посыпала ими лежащего на кровати Петра Леонидовича...

Взбешенный Петр Леонидович выскочил в коридор и принялся там рвать обои.

Тут выбежали жильцы и, видя, что делает несчастный Петр Леонидович, накинулись на него и разодрали на нем жилетку.

Петр Леонидович выбежал в жакт.

В это время Антонина Алексеевна разделась догола и спряталась в сундук.

Через десять минут вернулся Петр Леонидович, ведя за собой управдома.

Не найдя жены в комнате, управдом и Петр Леонидович решили воспользоваться свободным помещением и выпить водочки. Петр Леонидович взялся сбегать за этим напитком на угол.

Когда Петр Леонидович ушел, Антонина Алексеевна вылезла из сундука и предстала в голом виде перед управдомом.

Потрясенный управдом вскочил со стула и подбежал к окну, но, видя мощное сложение молодой двадцатилетней женщины, вдруг пришел в дикий восторг.

Тут вернулся Петр Леонидович с литром водки.

Увидя, что творится в его комнате, Петр Леонидович нахмурил брови.

Но его супруга Антонина Алексеевна показала ему служебную печать, и Петр Леонидович успокоился.

Антонина Алексеевна высказала желание принять участие в попойке, но обязательно в голом виде, да ещё вдобавок сидя на столе, на котором предполагалось разложить закуску к водке.

Мужчины сели на стулья, Антонина Алексеевна села на стол, и попойка началась.

Нельзя назвать это гигиеничным, если молодая голая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно чистоплотной, так что было вообще чорт знает что.

Скоро, однако, все напились и заснули: мужчины на полу, а Антонина Алексеевна на столе.

И в коммунальной квартире водворилась тишина.

<22 января 1935>

«Лидочка сидела на корточках...»

Лидочка сидела на корточках и деревянным стаканчиком копала песок.

Рядом на скамейке сидела плечистая девка с пухлыми губами и толстыми икрами. Это была Анюта, Лидочкина нянька. Обыкновенно к ней подсаживался военный, брал её за руки и так они сидели, пока Лидочка играла в песочке. На этот раз военный почему-то не пришёл и Анюта сидела на скамейке, положив ногу на ногу и злыми глазами поглядывая на проходящих мимо мужчин.

Лидочка подбросила песок на воздух, песок полетел по ветру и попал няньке в глаза.

— Лидка! не смей бросаться песком! — крикнула Анюта.

Лидочка нарочно подбросила на воздух ещё целую горсть песку.

Анюта вскочила со скамейки, схватила Лидочку за руку и потащила её к выходу. Лидочка молча шла за Анютой.

Мимо пробежала маленькая собачка с бубенчиком на спине. Лидочка хотела остановиться и посмотреть на собачку, но Анюта дернула Лидочку за руку и повела её дальше.

— Нечего на каждую собаку останавливаться, — говорила нянька, таща Лидочку к выходу.

Лидочка злилась, но сознавая, что Анюта сильнее, покорно шла дальше, стараясь только правой ногой поднять с дорожки как можно больше пыли.

У самого выхода к ним подошёл военный, который обыкновенно подсаживался к Анюте и брал её за руки. Увидя военного, Анюта выпустила из своих рук Лидочкину ручку и пошла навстречу военному, на ходу одергивая свою юбку.

Лидочка выбежала из сада и побежала по панели. Старуха с корзинкой, в которой лежали красные леденцы и мятные пряники, увидя Лидочку, хлопнула в ладоши и крикнула:

— Куда! Куда! Ишь как быстро!

Лидочка перебежала через мостик, спотыкнулась о какую-то деревянную шашку, ударилась о чью-то ногу, повернула за какой-то дом и вдруг увидела перед собой совершенно незнакомую улицу.

Лидочка хотела повернуть обратно, но из ворот дома выехал задом грузовой автомобиль, встал поперёк панели и преградил Лидочке дорогу.

Лидочка потопталась на месте, поморгала глазами и вдруг громко заплакала.

— Девочка, девочка! О чем плачете? Не плачьте, барышня! Пойдемте со мной, угощу вас шоколадкой!

Лидочка подняла глаза и увидела перед собой старичка в золотых очках, в белом картузе, засаленном клетчатом пиджаке и коротких, до щиколотки, брюках, из-под которых виднелись грязные шёлковые носки ярко зелёного цвета.

— Пойдемте, барышня, ко мне, мы вас успокоим! — говорил старичок, шевеля серыми колючими усиками и маленькой бородкой, похожей на воробьиный хвостик.

Старичок протянул руку и взял Лидочку за плечо.

— Девочка, девочка! Пойдемте скорее со мной. Перестаньте плакать. Сейчас мы вас успокоим. Найдем папу, маму и домой приведём, — говорил старичок, подталкивая Лидочку к дому. Руки у старичка дрожали. Старичок хватал Лидочку то за головку, то за плечо, то прямо за подбородок. От старичка пахло одеколоном и корытом, в котором моют грязное бельё. Старичок семенил ножками и, все подталкивая Лидочку, очутился с ней в подъезде дома.

— Не хочу сюда! — закричала Лидочка.

С улицы в подъезд заглянула дама с портфелем подмышкой.

Старичок улыбнулся в сторону дамы и сжав пальцем шею Лидочки сказал:

— Ну зюся! зюся! не капризничай. Промочила ножки и пойдем скорее домой кашку есть. Ты видишь, папа тебя очень любит!

И несмотря на сопротивление Лидочки, поволок её вверх по лестнице.

Лидочка начала кричать, но старичок зажал ей рот и глаза рукой. Лидочка слышала как старичок возился и пыхтел около двери, стараясь её открыть, не выпуская Лидочки из рук. Потом Лидочку подняли на воздух, пронесли несколько шагов и положили на что-то шершавое и колючее. Лидочка открыла глаза и увидела себя на старом бархатном диване, в длинной узкой комнате с грязными пустыми стенами и серым потрескавшимся потолком. Кроме дивана, в комнате стояло большое корявое кресло с деревянным сиденьем и два ломберных стола. На одном столе лежала груда грязного тряпья, а на другом битая и не мытая посуда с объедками пищи. Больше в комнате ничего не было, если не считать висевшего на стене огромного, треснутого в длину и заклеенного полоской жёлтой бумаги зеркала, вонючего ведра между окном и диваном и разбросанных по всему полу спичек,

окурков и пустых консервных банок. В комнате, несмотря на день, горело электричество. тусклая лампочка под потолком. Окно было занавешено толстым стёганым одеялом.

Старичок стоял над диваном и, как кролик, двигая губами, усами и носом, смотрел на Лидочку.

Лидочка села на диван и хотела уже заплакать, но старичок опять зажал ей рот рукой и прошипел:

— Заплачете, барышня, так я вам больно сделаю, возьму и оторву вашу головку. Вы умрете и ваша мама вас больше не увидит.

Лидочка заплакала. Старичок ещё сильнее сжал ей рот. Лидочка начала отбиваться, но старичок повалил её на диван и грязным пальцем полез ей в рот. Лидочка закричала во весь голос. Но старичок засунул свой палец прямо Лидочке в глотку. Лидочка поперхнулась и закашлялась.

— Замолчи! — сказал ей старичок и вдруг прибавил страшным голосом: — Если закричишь, я тебя начну разрывать!

Голос был такой страшный, что Лидочка замолчала.

Старичок сел на диван рядом с Лидочкой.

— Ну вот, — сказал старичок, двигая около Лидочкиного лица своими вонючими пальцами с длинными коричневыми ногтями, — ну вот барышня и успокоились. Вы меня, барышня, напрасно боитесь. Я ведь добрый-добрый. И зовут меня дядя Мика. Дядя Мика любит таких маленьких барышень, как вы. Дядя Мика играет с такими барышнями в разные игры и угощает маленьких барышень вкусными шоколадными пумпошками. Дядя Мика очень добрый. Сейчас добрый дядя Мика разденет маленькую барышню и положит ее голенькую на шёлковую подушку.

С этими словами дядя Мика начал раздевать Лидочку. Лидочка была так напугана, что молчала и не сопротивлялась. Дядя Мика снял с неё платице, рубашечку и штанишки и Лидочка осталась голенькая, в одних только туфельках и носочках.

Старичок кинулся на Лидочку и Лидочке показалось, что он сейчас укусит её за живот. Лидочка закричала. Сейчас же дядя Мика всунул ей в рот свой палец.

— Молчать! — крикнул дядя Мика и ласковым голосом прибавил: — А если маленькая барышня не замолчит, мы ещё дальше воткнём ей в горлышко свой палец, а потом выбросим маленькую барышню в окошко. Маленькая барышня упадёт и сломает все свои маленькие косточки.

Лидочка молчала и с ужасом смотрела на старичка. А старичок опять уткнулся лицом в Лидочкин животик. Колючие борода и усы кололи Лидочку.

— Дядя Мика! Дядя Мика! — тихо кричала Лидочка¹.

Но дядя Мика опять сунул палец Лидочке в рот. В это время в дверь постучали.

— Кто там? — резким голосом спросил дядя Мика, зажимая Лидочке рот.

— Откройте! у вас девочка! — крикнул за дверью женский голос.

— У меня никого нет! — ответил дядя Мика.

Лидочка высвободила рот и собралась громко заплакать. Дядя Мика схватил Лидочку за горло и начал её душить.

— Не смей пикнуть! — прохрипел дядя Мика.

— Откройте дверь! — раздался из коридора мужской голос.

Потом этого противного старика высекли и посадили в тюрьму, а Лидочку вернули к папе и маме.

<Сентябрь 1935>

¹ В черновике здесь приписка: *Хотел написать гадость и написал, но дальше писать не буду: слишком уж гадко. 9 сентября 1935.*

«Теперь я расскажу, как я родился, как я рос...»

Теперь я расскажу о том, как я родился, как я рос и как обнаружились во мне первые признаки гения. Я родился дважды. Произошло это вот как.

Мой папа женился на моей маме в 1902 году, но меня мои родители произвели на свет только в конце 1905 года, потому что папа пожелал, чтобы его ребенок родился обязательно на Новый год. Папа рассчитал, что зачатие должно произойти 1-го апреля и только в этот день подъехал к маме с предложением зачать ребенка.

Первый раз папа подъехал к моей маме 1—го апреля 1903-го года. Мама давно ждала этого момента и страшно обрадовалась. Но папа, как видно, был в очень шутливом настроении и не удержался и сказал маме: «С первым апреля!»

Мама страшно обиделась и в этот день не подпустила папу к себе.

Пришлось ждать до следующего года.

В 1904 году, 1-го апреля, папа начал опять подъезжать к маме с тем же предложением. Но мама, помня прошлогодний случай, сказала, что теперь она уже больше не желает оставаться в глупом положении, и опять не подпустила к себе папу. Сколько папа ни бушевал, ничего не помогло.

И только год спустя удалось моему папе уломать мою маму и зачать меня.

Итак мое зачатие произошло 1-го апреля 1905 года.

Однако все папины расчеты рухнули, потому что я оказался недоноском и родился на четыре месяца раньше срока.

Папа так разбушевался, что акушерка, принявшая меня, растерялась и начала запихивать меня обратно, откуда я только что вылез.

Присутствующий при этом один наш знакомый, студент Военно-Медицинской Академии, заявил, что запихать меня обратно не удастся. Однако несмотря на слова студента, меня все же запихали, но, правда, как потом выяснилось, запихать-то запихали, да второпях не туда.

Тут началась страшная суматоха.

Родительница кричит: «Подавайте мне моего ребенка!»

А ей отвечают: «Ваш, говорят, ребенок находится внутри вас».

«Как! — кричит родительница. — Как ребенок внутри меня, когда я его только что родила!»

«Но, — говорят родительнице, — может быть вы ошибаетесь?»

«Как! — кричит родительница, — ошибаюсь! Разве я могу ошибаться! Я сама видела, что ребенок только что вот тут лежал на простыне!»

«Это верно, — говорят родительнице. — Но, может быть, он куда-нибудь заполз».

Одним словом, и сами не знают, что сказать родительнице.

А родительница шумит и требует своего ребенка.

Пришлось звать опытного доктора. Опытный доктор осмотрел родительницу и руками развел, однако все же сообразил и дал родительнице хорошую порцию английской соли. Родительницу пронесло, и таким образом я вторично вышел на свет.

Тут опять папа разбушевался, — дескать, это, мол, ещё нельзя назвать рождением, что это, мол, ещё не человек, а скорее наполовину зародыш, и что его следует либо опять обратно запихать, либо посадить в инкубатор.

И они посадили меня в инкубатор.

<25 сентября 1935>

Инкубаторный период

В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был

стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате.

Больше я ничего не помню.

Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года. Таким образом, я как бы родился в третий раз. Днем моего рождения стали считать именно 1 января.

<1935>

О драме

Лошкин (*прихрамывая входит в комнату*) : Товарищи! Послушайте! Я скажу несколько слов о драме.

Все снимают шляпы и слушают.

Лошкин : В драме должно иметься оправдание драмы. В комедии легче, там оправдание смех. Труднее в трагедии.

Кугель : Можно мне вставить своё слово?

Лошкин : Ну говорите.

Кугель : Вы обратили внимание, что тема, недостаточная для прозаического произведения, бывает достаточна для стихотворной вещи.

Лошкин : Совершенно правильно! Если тема была недостаточной, то вещь оправдывают стихи. Потому-то во времена расцвета драматического искусства трагедии писались стихами.

Все хором : Да, прозаическая драма — самый трудный вид творчества.

28 сентября 1935 года

«Липавского начала мучить кислая отрыжка...»

1. Липавского начала мучать кислая отрыжка. Бедный Липавский мучался ужасно. Этот вечно смертельный вкус во рту и постоянное жжение в пищеводе способно довести человека до иступления.

Жена Липавского, Тамара, заявила, что если это будет так продолжаться, то она начнет подыскивать себе нового мужа. Липавский отнёсся к словам своей жены довольно скептически и даже попробовал сострить. Но в тот момент, когда он острил, произошла отрыжка. Желая скрыть это неприятное явление, Липавский мотнул головой и дернул плечами, надув при этом щеки. Однако отрыжка оказалась сильнее, чем можно было ожидать, и с громким звуком вылетела изо рта.

Тамара вскочила и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Липавский кинулся было вдогонку, но по дороге опять громко икнул и, махнув рукой, вернулся обратно. А Тамара выбежала на улицу и помчалась по Большому проспекту.

2. Тамара пришла к Заболоцкому и сказала: «Хотите стать моим мужем?» Заболоцкий отказался, мотивируя свой отказ тем, что он уже женат на Екатерине Васильевне. Тогда Тамара, оскорбленная, вышла от Заболоцких и позвонила к Олейниковым. Дверь открыла Лариса. Тамара бросилась Ларисе на шею и разрыдалась. Лариса, узнав в чем дело, посоветовала Тамаре обратиться к холостому Якову Семёновичу Друскину. Тамара помчалась к Друскину.

<Середина 1930-х>

«Одна особа, ломая в горести руки, говорила...»

Одна особа, ломая в горести руки, говорила: «Мне нужен интерес в жизни, а вовсе не деньги. Я ищу увлечения, а не благополучия. Мне нужен муж не богач, а талант, режиссер, Мейерхольд!»

«Жил-был человек, звали его Кузнецов...»

Жил-был человек, звали его Кузнецов. Однажды сломалась у него табуретка. Он вышел из дома и пошел в магазин купить столярного клея, чтобы склеить табуретку.

Когда Кузнецов проходил мимо недостроенного дома, сверху упал кирпич и ударил Кузнецова по голове.

Кузнецов упал, но сразу же вскочил на ноги и пощупал свою голову. На голове у Кузнецова вскочила огромная шишка.

Кузнецов погладил шишку рукой и сказал:

— Я гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в магазин, чтобы... чтобы... чтобы... Ах, что же это такое! Я забыл, зачем я пошел в магазин!

В это время с крыши упал второй кирпич и опять стукнул Кузнецова по голове.

— Ах! — вскрикнул Кузнецов, схватился за голову и нащупал на голове вторую шишку.

— Вот так история! — сказал Кузнецов. — Я гражданин Кузнецов, вышел из дома и пошел в... пошел в... пошел в... куда же я пошел? Я забыл, куда я пошел!

Тут сверху на Кузнецова упал третий кирпич. И на голове Кузнецова вскочила третья шишка.

— Ай-ай-ай! — закричал Кузнецов, хватаясь за голову. — Я гражданин Кузнецов, вышел из... вышел из... вышел из погреба? Нет. Вышел из бочки? Нет! Откуда же я вышел?

С крыши упал четвертый кирпич, ударил Кузнецова по затылку, и на затылке у Кузнецова вскочила четвертая шишка.

— Ну и ну! — сказал Кузнецов, почесывая затылок. — Я... я... я... Кто же я? Никак я забыл, как меня зовут? Вот так история! Как же меня зовут? Василий Петухов? Нет. Николай Сапогов? Нет. Пантелей Рысаков? Нет. Ну кто же я?

Но тут с крыши упал пятый кирпич и так стукнул Кузнецова по затылку, что Кузнецов окончательно позабыл все на свете и, крикнув «О-го-го!», побежал по улице.

* * *

Пожалуйста! Если кто-нибудь встретит на улице человека, у которого на голове пять шишек, то напомните ему, что зовут его Кузнецов и что ему нужно купить столярного клея и починить лomanую табуретку.

<1 ноября 1935>

Новая анатомия

У одной маленькой девочки на носу выросли две голубые ленты. Случай особенно редкий, ибо на одной ленте было написано «Марс», а на другой — «Юпитер».

<1935>

Басня

Один человек небольшого роста сказал: «Я согласен на все, только бы быть капельку повыше». Только он это сказал, как смотрит — перед ним волшебница. А человек небольшого роста стоит и от страха ничего сказать не может.

«Ну?» — говорит волшебница. А человек небольшого роста стоит и молчит.

Волшебница исчезла. Тут человек небольшого роста начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках ногти сгрыз, а потом на ногах.

* * *

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе.

«Окно, занавешенное шторой...»

Окно, занавешенное шторой, всё больше и больше светлело, потому что начался день. Заскрипели полы, запели двери, в квартирах задвигали стульями. Ружецкий, вылезая из кровати, упал на пол и разбил себе лицо. Он торопился на службу и потому вышел на улицу, прикрыв лицо просто руками. Руки мешали Ружецкому видеть, куда он идёт, и потому он дважды налетал на афишную будку, толкнул какого-то старичка в коленкоровой шапке с меховыми наушниками, чем и привёл старичка в такую ярость, что случившийся тут поблизости дворник, старающийся поймать лопатой кошку, сказал расходившемуся старичку: «Стыдно, батька, в твои-то годы так безобразничать!»

<1936>

«— Видите ли, — сказал он...»

— Видите ли, — сказал он, — я видел, как вы с ними катались третьего дня на лодке. Один из них сидел на руле, двое гребли, а четвертый сидел рядом с вами и говорил. Я долго стоял на берегу и смотрел, как гребли те двое. Да, я могу смело утверждать, что они хотели утопить вас. Так гребут только перед убийством.

Дама в желтых перчатках посмотрела на Клопова.

— Что это значит? — сказала она. — Как это так можно особенно грести перед убийством? И потом, какой смысл им топить меня?

Клопов резко повернулся к даме и сказал:

— Вы знаете, что такое медный взгляд?

— Нет, — сказала дама, невольно отодвигаясь от Клопова.

— Ага, — сказал Клопов. — Когда тонкая фарфоровая чашка падает со шкапа и летит вниз, то в тот момент, пока она ещё летит по воздуху, вы уже знаете, что она коснется пола и разлетится на куски. А я знаю, что если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьет его.

— Они смотрели на меня медным взглядом? — спросила дама в желтых перчатках.

— Да, сударыня, — сказал Клопов и надел шляпу.

Некоторое время оба молчали.

Клопов сидел, опустив низко голову.

— Простите меня, — вдруг сказал он тихо.

Дама в желтых перчатках с удивлением смотрела на Клопова и молчала.

— Это все неправда, — сказал Клопов. — Я выдумал про медный взгляд сейчас, вот тут, сидя с вами на скамейке. Я, видите ли, разбил сегодня свои часы, и мне все представляется в мрачном свете.

Клопов вынул из кармана платок, развернул его и протянул даме разбитые часы.

— Я носил их шестнадцать лет. Вы понимаете, что это значит? Разбить часы, которые шестнадцать лет тикали у меня вот тут под сердцем? У вас есть часы?

«Когда жена уезжает куда-нибудь одна...»

Когда жена уезжает куда-нибудь одна, муж бегаёт по комнате и не находит себе места. Ногти у мужа страшно отрастают, голова трясётся, а лицо покрывается мелкими черными точками.

Квартиранты утешают покинутого мужа и кормят его свиным зельцем. Но покинутый муж теряет аппетит и преимущественно пьёт пустой чай.

В это время его жена купается в озере и случайно задевает ногой подводную корягу. Из-под коряги выплывает щука и кусает жену за пятку. Жена с криком выскакивает из воды и бежит к дому. Навстречу жене бежит хозяйская дочка. Жена показывает хозяйской дочке пораненную ногу и просит ее забинтовать.

Вечером жена пишет мужу письмо и подробно описывает свое злключение.

Муж читает письмо и волнуется до такой степени, что роняет из рук стакан с водой, который падает на пол и разбивается.

Муж собирает осколки стакана и ранит ими себе руку.

Забинтовав пораненный палец, муж садится и пишет жене письмо. Потом выходит на улицу, чтобы бросить письмо в почтовую кружку.

Но на улице муж находит папиросную коробку, а в коробке 30 000 рублей.

Муж экстренно выписывает жену обратно, и они начинают счастливую жизнь.

«— Пейте уксус, господа, — сказал Шуев...»

— Пейте уксус, господа, — сказал Шуев.

Ему никто ничего не ответил.

— Господа! — крикнул Шуев. — Я предлагаю вам выпить уксусу!

С кресла поднялся Макаронов и сказал:

— Я приветствую мысль Шуева. Давайте пить уксус.

Растопякин сказал:

— Я не буду пить уксуса.

Тут наступило молчание, и все начали смотреть на Шуева. Шуев сидел с каменным лицом. Было неясно, что думает он.

Прошло минуты три. Сучков кашлянул в кулак. Рывин почесал рот. Калтаев поправил свой галстук. Макаронов подвигал ушами и носом. А Растопякин, откинувшись на спинку кресла, смотрел как бы равнодушно в камин.

Прошло ещё минут семь или восемь.

Рывин встал и на цыпочках вышел из комнаты.

Калтаев посмотрел ему вслед.

Когда дверь за Рывиным закрылась, Шуев сказал:

— Так. Бунтовщик ушел. К чорту бунтовщика!

Все с удивлением переглянулись, а Растопякин поднял голову и уставился на Шуева.

Шуев строго сказал

— Кто бунтует, — тот негодяй!

Сучков осторожно, под столом, пожал плечами.

— Я за то, чтобы пить уксус, — негромко сказал Макаронов и выжидательно посмотрел на Шуева.

Растопякин икнул и, смутившись, покраснел как девица.

— Смерть бунтовщикам! — крикнул Сучков, оскалив свои черноватые зубы.

«Хотите, я расскажу вам рассказ про эту крюкицу?..»

Хотите, я расскажу вам рассказ про эту крюкицу? То есть не крюкицу, а кiryюкицу. Или нет, не кiryюкицу, а курыкицу. Фу ты! Не курыкицу, а кукрикицу. Да не кукрикицу, а кирикрюкицу. Нет, опять не так! Курикрятицу? Нет, не курикрятицу! Кирикурюкицу? Нет, опять не так! Забыл я, как эта птица называется. А уж если б не забыл, то рассказал бы вам

рассказ, про эту кирикукукрекицу.

<1934–1935>

Середина 1930-х

«Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы...»

Говорят, скоро всем бабам обрежут задницы и пустят их гулять по Володарской.

* * *

Это неверно! Бабам задниц резать не будут.

<Середина 1930-х>

О наших гостях

Наши гости все различные: у одного, например, щека такая, что хуже не придумаешь. А то ходит к нам одна дама, так она, просто смешно даже сказать, на что похожа. И поэт ходит к нам один: весь в волосах и всегда чем-то встревожен. Умора! А то ещё один инженер ходит, так он однажды у нас в чаю какую-то дрянь нашёл. А когда гости у нас очень уж долго засидятся, я их просто вон гоню. Вот и всё тут...

<Середина 1930-х>

«Однажды Антон Бобров сел в автомобиль...»

Однажды Антон Бобров сел в автомобиль и поехал в город.
Автомобиль наскочил на ломаные грабли.
Лопнула шина.
Антон Бобров сел на кочку возле дороги и задумался.
Вдруг что-то сильно ударило Антона Боброва по голове.
Антон Бобров упал и потерял сознание.

<Середина 1930-х>

«Один толстый человек придумал способ похудеть...»

Один толстый человек придумал способ похудеть. И похудел. К нему стали приставать дамы, расспрашивая его, как он добился того, что похудел. Но похудевший отвечал дамам, что мужчине худеть к лицу, а дамам не к лицу, что, мол, дамы должны быть полными. И он был глубоко прав.

«Человек с глупым лицом съел антрекот...»

Человек с глупым лицом съел антрекот, икнул и умер. Официанты вынесли его в коридор, ведущий к кухне, и положили его на пол вдоль стены, прикрыв грязной скатертью.

<Середина 1930-х>

«Вот однажды один человек по фамилии Петров...»

Вот однажды один человек по фамилии Петров надел валенки и пошёл покупать картошку. А за ним следом наш художник Трёхкапейкин пошёл. Идёт художник за Петровым и его ноги на бумажку зарисовывает. Вот Петров по улице идёт и на собак смотрит. Вот Петров бегом к трамвайной остановке бежит. А вот Петров в трамвае на скамейке сидит. А вот он из трамвая вылез и даже танцевать начал. «Эх, — кричит, — хорошо прокатился!» А вот он купил картошку и понёс её домой. Шёл шёл и вдруг упал. Хорошо ещё, что картошку не рассыпал! Вот Петров стоит и художнику Трёхкапейкину говорит: «Я, — говорит, — картошку больше капусты люблю. Я её с подсолнечным маслом ем».

Середина 1930-х

«Я шёл по Жуковской улице. Вот дом...»

Я шёл по Жуковской улице. Вот дом, который мне нужен. Тут живёт мой приятель. Я уже давно собирался зайти к нему, но так как у него нет телефона, а мне не хотелось притти и не застать его дома, то я всё откладывал свой визит.

Сегодня я наконец решился. Приятеля моего зовут Антон Антонович Козлов.

«Однажды Семёнов пошёл гулять...»

Однажды Семёнов пошёл гулять. День был очень жаркий и потому Семёнов решил искупаться в реке.

Семёнов гулял очень долго, наконец устал и сел на травку, возле речки, чтобы отдохнуть.

День был жаркий и Семёнов решил выкупаться в реке.

«Квартира состояла из двух комнат и кухни...»

Квартира состояла из двух комнат и кухни. В одной комнате жил Николай Робертович Смит, а в другой Иван Игнатьевич Петров.

Обыкновенно Петров заходил к Смицу и у них начиналась беседа. Говорили о разных вещах, иногда рассказывали друг другу о прошлом, но больше говорил Петров. Смит в это время курил и что-нибудь делал, либо чистил свои ногти, либо разбирал старые письма, либо мешал кочергой в печке. Петров ходил всегда в коричневом пиджаке, и концы галстука болтались у него во все стороны. Смит был аккуратен; ходил он в коротких клетчатых штатах и носил крахмальные воротнички.

<1937>

Происшествие в трамвае

Ляпунов подошел к трамваю, Ляпунов подошел к трамваю. В трамвае сидел Сорокин, в трамвае сидел Сорокин.

Сорокин купил электрический чайник и ехал домой к жене. Купил электрический чайник и ехал домой.

В трамвае жарко, несмотря на то что окна и двери открыты. Несмотря на то что открыты. Сорокин купил электрический чайник.

<Середина 1930-х>

«Нам бы не хотелось затрагивать чьих либо имён...»

Нам бы не хотелось затрагивать чьих-либо имён, потому что имена, которые мы могли бы затронуть, принадлежали столь незначительным особам, что нет никакого смысла поминать их тут, на страницах предназначенных для чтения наших далёких потомков. Все равно эти имена были бы к тому времени забыты и потеряли бы своё значение. Поэтому мы возьмём вымышленные имена и назовем своего героя Андреем Головым. Наш герой только что переехал из Гусева переулка на Петроградскую сторону, и вот, в первую же ночь, проведённую им на новой квартире, ему приснился человек с лицом Танталя.

Сначала сон был не страшный и даже весёлый. Андрей увидел себя на зеленой лужайке. Где-то чирикали птицы, и, кажется, по небу бежали маленькие облака. Вдали Андрей увидел сосновую рощу и пошел к ней. Тут, как бывает во сне, произошло что-то непонятное, что Андрей проснувшись уже вспомнить не мог. Дальше Андрей помнит себя уже в Сосновой роще. Сосны стояли довольно редко и небо было хорошо видно. Андрей видел, как по небу пролетела туча. Тут опять произошло что-то непонятное, чего Андрей потом тоже не мог вспомнить. Андрей

(сер. 1930-х)

Первое действие «Короля Лира», переложенное для вестников и жуков

Тронная зала во дворце короля Лира. Входят Кент, Глостер и Эдмунд.

Кент — Мне казалось, что у короля сердце лежит больше к Альбину, а не к герцогу Коруэллскому.

Глостер — Мне тоже так казалось, а вышло не так: при разделении королевства все получили по равной доле. Все равны. Никому предпочтения.

Кент — это кто? (*указывая на Эдмунда*)

Эдмунд (*вздвигнув*) — Он указывает на меня.

Глостер — Это мой незаконный сын. Я раньше краснел, глядя на него, но теперь я привык. Больше не краснею, а раньше краснел.

Эдмунд — А я раньше не краснел, а теперь краснею

Кент — А я никогда не краснел. Даже не знаю, как это так. Но тише, идёт король.

Входят Лир, Гонерилья, Регана и Корделия.

Лир — Король французский полон славы.

<Середина 1930-х>

«Каштанов — Лиза! Я вас умоляю. Скажите мне: кто...»

Каштанов — Лиза! Я вас умоляю. Скажите мне: кто вы?

Елизавета — Вы отстаните от меня или не отстаните?

Каштанов — Нет! Я не могу! не могу!

Елизав. — Чего вы не можете?

Кашт. — Лиза! Кто вы?

Елизав. — Да что вы привезались ко мне с идиотской фразой. Вы не знаете, кто я, что ли?

Кашт. — Незнаю! Незнаю!

<Середина 1930-х>

Окунев ищет Лобарь

С самого утра Окунев бродил по улицам и искал Лобарь. Это было нелегкое дело, потому что никто не мог дать ему полезные указания.

<Середина 1930-х>

«Димитрий Петрович Амелованев родился...»

Димитрий Петрович Амелованев родился в прошлом столетии в городе Б. Родители его, люди небогатые, вскоре после рождения сына умерли и малолетний Митя Амелованев остался круглой сиротой. Сначала приютил его дворник Николай.

<Середина 1930-х>

«Феодор Моисеевич был покороче...»

Феодор Моисеевич был покороче, так его уложили спать на фисгармонию, зато Авакума Николаевича, который был необычайно длинного роста, пришлось уложить в передней на дровах. Феодор Моисеевич сразу же заснул и увидел во сне блох, а длинный Авакум Николаевич долго возился и пристраивался, но никак не мог улечься: то голова его попадала в корытце с каким-то белым порошком, а если Авакум Николаевич подавался вниз, то распахивалась дверь и ноги Авакума Николаевича приходились прямо в сад. Провозившись пол-ночи, Авакум Николаевич ошалел настолько, что перестал уже соображать, где находится его голова и где ноги и заснул, уткнувшись головой в белый порошок, а ноги выставив из дверей на свежий воздух.

Ночь прошла. Настало утро. Проснулись гуси и пришли в сад пощипать свежую травку. Потом проснулись коровы, потом собаки и, наконец, встала скотница Пелагея.

(сер. 1930-х)

«Григорьев (ударя Семёнова по морде): Вот вам...»

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): Вот вам и зима настала. Пора печи топить. Как по-вашему?

Семёнов: По-моему, если отнестись серьезно к вашему замечанию, то, пожалуй, действительно, пора затопить печку.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): А как по-вашему, зима в этом году будет холодная или тёплая?

Семёнов: Пожалуй, судя по тому, что лето было дождливое, то зима всегда холодная.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): А вот мне никогда не бывает холодно.

Семёнов: Это совершенно правильно, что вы говорите, что вам не бывает холодно. У вас такая натура.

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): Я не зябну.

Семёнов: Ох!

Григорьев (*ударя Семёнова по морде*): Что ох?

Семёнов (*держась за щеку*): Ох! Лицо болит!

Григорьев: Почему болит? (*И с этими словами хватъ Семёнова по морде*).

Семёнов (*падая со стула*): Ох! Сам не знаю!

Григорьев (*ударя Семёнова ногой по морде*): У меня ничего не болит.

Семёнов : Я тебя, сукин сын, отучу драться (*пробует встать*).
Григорьев (*ударяя Семёнова по морде*): Тоже, учитель нашелся!
Семёнов (*валится на спину*): Сволочь паршивая!
Григорьев : Ну ты, выбирай выражения полегче!
Семёнов (*силясь подняться*): Я, брат, долго терпел. Но хватит.
Григорьев (*ударяя Семёнова каблуком по морде*): Говори, говори! Послушаем.
Семёнов (*валится на спину*): Ох!
(*входит Льянев*)
Льянев : Что это тут такое происходит?

«Но художник усадил натурщицу на стол...»

Но художник усадил натурщицу на стол и раздвинул её ноги. девица почти не сопротивлялась и только закрыла лицо руками. Амонова и Страхова сказали, что прежде следовало-бы девицу отвести в ванну и вымыть ей между ног, а то нюхать подобные ароматы просто противно. Девица хотела вскочить, но художник удержал её и просил, не обращая внимания, сидеть так, как он её посадил. Девица, не зная, что ей делать, села обратно. Художник и художницы расселись по своим местам и начали срисовывать натурщицу. Петрова сказала, что натурщица очень соблазнительная женщина, но Страхова и Амонова заявили, что она очень полна и неприлична. Золотогромов сказал, что это и делает её соблазнительной, но Страхова сказала, что это просто противно, а вовсе не соблазнительно. «Посмотрите, — сказала Страхова, — Фи! Из неё так и льётся на скатерть. Чего уж тут соблазнительного, когда я отсюда слышу, как от неё пахнет». Петрова сказала, что это показывает только её женскую силу. Абельфар покраснела и согласилась. Амонова сказала, что она ничего подобного не видела, что надо дойти до высшей точки возбуждения и то так не польётся, как у этой девицы. Петрова сказала, что глядя на это, можно и самой возбудиться и что Золотогромов, должно быть, уже возбуждён. Золотогромов сознался, что девица сильно на него действует. Абельфар сидела красная и тяжело дышала. «Однако, воздух в комнате делается невыносимым!» — сказала Страхова. Абельфар ёрзала на стуле, потом вскочила и вышла из комнаты. «Вот, — сказала Петрова, — вы видите результат женской соблазнительности. Это действует даже на дам. Абельфар пошла поправиться. Чувствую, что и мне скоро придётся сделать то же самое». «Вот, сказала Амонова, — наше преимущество худеньких женщин. У нас всегда всё в порядке. А вы и Абельфар пышные дамочки и вам приходится много следить за собой». «Однако, — сказал Золотогромов, — пышность и некоторая нечистоплотность именно и ценится в женщине!»

1936

Судьба жены профессора

Однажды один профессор съел чего-то, да не то, и его начало рвать.
Пришла его жена и говорит:
— Ты чего?
А профессор говорит:
— Ничего.
Жена обратно ушла.
Профессор лег на оттоманку, полежал, отдохнул и на службу пошел.
А на службе ему сюрприз, жалованье скостили: вместо 650 руб. всего только 500 оставили.
Профессор туда-сюда — ничего не помогает. Профессор и к директору, а директор его в шею. Профессор к бухгалтеру, а бухгалтер говорит:

— Обратитесь к директору.

Профессор сел на поезд и поехал в Москву.

По дороге профессор схватил грипп. Приехал в Москву, а на платформу вылезти не может.

Положили профессора на носилки и отнесли в больницу.

Пролежал профессор в больнице не больше четырех дней и умер.

Тело профессора сожгли в крематории, пепел положили в баночку и послали его жене.

Вот жена профессора сидит и кофе пьет. Вдруг звонок. Что такое?

— Вам посылка.

Жена обрадовалась, улыбается во весь рот, почтальону полтинник в руку сует и скорее посылку распечатывает.

Смотрит, а в посылке баночка с пеплом и записка: «Вот все, что осталось от Вашего супруга».

Жена профессора очень расстроилась, поплакала часа три и пошла баночку с пеплом хоронить. Завернула она баночку в газету и отнесла в сад имени 1-ой пятилетки, б. Таврический.

Выбрала жена профессора аллею поглуше и только хотела баночку в землю зарыть, вдруг идет сторож.

— Эй, — кричит сторож, — ты чего тут делаешь?

Жена профессора испугалась и говорит:

— Да вот хотела лягушек в баночку изловить.

— Ну, — говорит сторож, — это ничего, только смотри: по траве ходить воспрещается.

Когда сторож ушел, жена профессора зарыла баночку в землю, ногой вокруг притоптала и пошла по саду погулять.

А в саду к ней какой-то матрос пристал.

— Пойдем да пойдем, — говорит, — спать.

Она говорит:

— Зачем же днем спать?

А он опять свое: спать да спать. И действительно, захотелось профессорше спать.

Идет она по улицам, а ей спать хочется. Вокруг люди бегают, какие-то синие, да зеленые, а ей все спать хочется. Идет она и спит. И видит сон, будто идет к ней навстречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: «Что же это такое?» А он показывает ей пальцем на горшок и говорит:

— Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал и теперь несу всему свету показывать. Пусть, — говорит, — все смотрят.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица.

Стала профессорша курицу ловить, а курица забилась под диван и оттуда уже кроликом выглядывает.

Ползла профессорша за кроликом под диван и проснулась. Проснулась.

Смотрит: действительно лежит она под диваном.

Вылезла профессорша из-под дивана, видит — комната ее собственная. А вот и стол стоит с недопитым кофе. На столе записка лежит: «Вот все, что осталось от Вашего супруга».

Всплакнула профессорша ещё раз и села холодный кофе допивать.

Вдруг звонок. Что такое?

— Поедемте.

— Куда? — спрашивает профессорша.

— В сумасшедший дом, — отвечают люди.

Профессорша стала кричать и упираться, но люди схватили ее и отвезли в сумасшедший дом.

И вот сидит совершенно нормальная профессорша на койке в сумасшедшем доме,

держит в руках удочку и ловит на полу каких-то невидимых рыбок.

Эта профессорша — только жалкий пример того, как много в жизни несчастных, которые занимают в жизни не то место, которое им занимать следует.

<21 августа 1936>

О том, как рассыпался один человек

— Говорят, все хорошие бабы — толстозадые. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет, — сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков.

Пришёл дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унёс эти шарики куда-то на задний двор.

А солнце продолжало светить по-прежнему, и пышные дамы продолжали по-прежнему восхитительно пахнуть.

23 августа 1938

«— Ва-ва-ва! Где та баба, которая сидела вот тут...»

— Ва-ва-ва! Где та баба, которая сидела вот тут, на этом кресле?

— Почём вы знаете, что тут сидела баба?

— Знаю, потому что от кресла пахнет бабой (*нюхает кресло*).

— Тут сидела молодая дама, а теперь она ушла в свою комнату, перебирать гардероб.

<Август 1936>

«Один механик решил на работе стоять по очерёдно...»

Один механик решил на работе стоять поочерёдно то на одной, то на другой ноге, чтобы не очень уставать.

Но из этого ничего не вышло, он стал уставать больше прежнего, и работа у него не клеилась, как раньше.

Механика вызвали в контору и сделали ему выговор с предупреждением.

Но механик решил побороть свою натуру и продолжал стоять за работой на одной ноге.

Долго боролся механик со своей натурой и, наконец, почувствовав боль в пояснице, которая возрастала с каждым днём, принужден был обратиться к доктору.

27 августа 1938.

Кассирша

Нашла Маша гриб, сорвала его и понесла на рынок. На рынке Машу ударили по голове, да ещё обещали ударить ее по ногам. Испугалась Маша и побежала прочь.

Прибежала Маша в кооператив и хотела там за кассу спрятаться. А заведующий увидел Машу и говорит:

— Что это у тебя в руках?

А Маша говорит:

— Гриб.

Заведующий говорит:

— Ишь какая бойкая! Хочешь, я тебя на место устрою?

Маша говорит:
— А не устроишь.
Заведующий говорит:
— А вот устрою! — и устроил Машу кассу вертеть.
Маша вертела, вертела кассу и вдруг умерла. Пришла милиция, составила протокол и велела заведующему заплатить штраф — 15 рублей.
Заведующий говорит:
— За что же штраф?
А милиция говорит:
— За убийство.
Заведующий испугался, заплатил поскорее штраф и говорит:
— Унесите только поскорее эту мертвую кассиршу.
А продавец из фруктового отдела говорит:
— Нет, это неправда, она была не кассирша. Она только ручку в кассе вертела. А кассирша вон сидит.
Милиция говорит:
— Нам все равно: сказано унести кассиршу, мы ее и унесем.
Стала милиция к кассирше подходить.
Кассирша легла на пол за кассу и говорит:
— Не пойду.
Милиция говорит:
— Почему же ты, дура, не пойдешь?
Кассирша говорит:
— Вы меня живой похороните.
Милиция стала кассиршу с пола поднимать, но никак поднять не может, потому что кассирша очень полная.
— Да вы ее за ноги, — говорит продавец из фруктового отдела.
— Нет, — говорит заведующий, — эта кассирша мне вместо жены служит. А потому прошу вас, не оголяйте ее снизу.
Кассирша говорит:
— Вы слышите? Не смейте меня снизу оголять.
Милиция взяла кассиршу под мышки и волоком выперла ее из кооператива.
Заведующий велел продавцам прибрать магазин и начать торговлю.
— А что мы будем делать с этой покойницей? — говорит продавец из фруктового отдела, показывая на Машу.
— Батюшки, — говорит заведующий, — да ведь мы все перепутали! Ну, действительно, что с покойницей делать?
— А кто за кассой сидеть будет? — спрашивает продавец.
Заведующий за голову руками схватился. Раскидал коленом яблоки по прилавку и говорит:
— Безобразие получилось!
— Безобразие, — говорит хором продавцы.
Вдруг заведующий почесал усы и говорит:
— Хе-хе! Не так-то легко меня в тупик поставить! Посадим покойницу за кассу, может, публика и не разберет, кто за кассой сидит.
Посадили покойницу за кассу, в зубы ей папироску вставили, чтобы она на живую больше походила, а в руки для правдоподобности дали ей гриб держать. Сидит покойница за кассой, как живая, только цвет лица очень зеленый, и один глаз открыт, а другой совершенно закрыт.
— Ничего, — говорит заведующий, — сойдет.
А публика уже в двери стучит, волнуется. Почему кооператив не открывают? Особенно одна хозяйка в шелковом манто раскричалась: трясет кошелкой и каблуком уже в дверную

ручку нацелилась. А за хозяйкой какая-то старушка с наволочкой на голове, кричит, ругается и заведующего кооперативом называет сквалыжником.

Заведующий открыл двери и впустил публику. Публика побежала сразу в мясной отдел, а потом туда, где продается сахар и перец. А старушка прямо в рыбный отдел пошла, но по дороге взглянула на кассиршу и остановилась.

— Господи, — говорит, — с нами крестная сила!

А хозяйка в шелковом манто уже во всех отделах побывала и несетя прямо к кассе. Но только на кассиршу взглянула, сразу остановилась, стоит молча и смотрит. А продавцы тоже молчат и смотрят на заведующего. А заведующий из-за прилавка выглядывает и ждет, что дальше будет.

Хозяйка в шелковом манто повернулась к продавцам и говорит:

— Это кто у вас за кассой сидит?

А продавцы молчат, потому что не знают, что ответить.

Заведующий тоже молчит.

А тут народ со всех сторон сбегается. Уже на улице толпа. Появились дворники. Раздались свистки. Одним словом, настоящий скандал.

Толпа готова была хоть до самого вечера стоять около кооператива, но кто-то сказал, что в Озерном переулке из окна старухи вываливаются. Тогда толпа возле кооператива поредела, потому что многие перешли в Озерный переулок.

<31 августа 1936>

Отец и Дочь

Было у Наташи две конфеты. Потом она одну конфету съела, и осталась одна конфета. Наташа положила конфету перею собой на стол и заплакала.

Вдруг смотрит — лежит перед ней на столе опять две конфеты.

Наташа съела одну конфету и опять заплакала.

Наташа плачет, а сама одним глазом на стол смотрит, не появилась ли вторая конфета. Но вторая конфета не появлялась.

Наташа перестала плакать и стала петь. Пела, пела и вдруг умерла.

Пришел Наташин папа, взял Наташу и отнес ее к управдому.

— Вот, — говорит Наташин папа, — засвидетельствуйте смерть.

Управдом подул на печать и приложил ее к Наташиному лбу.

— Спасибо, — сказал Наташин папа и понес Наташу на кладбище.

А на кладбище был сторож Матвей, он всегда сидел у ворот и никого на кладбище не пускал, так что покойников приходилось хоронить прямо на улице.

Похоронил папа Наташу на улице, снял шапку, положил ее на том месте, где зарыл Наташу, и пошел домой.

Пришел домой, а Наташа уже дома сидит. Как так? Да очень просто: вылезла из-под земли и домой прибежала.

Вот так штука! Папа так растерялся, что упал и умер.

Позвала Наташа управдома и говорит:

— Засвидетельствуйте смерть.

Управдом подул на печать и приложил ее к листку бумаги, а потом на этом же листке бумаги написал: «Сим удостоверяется, что такой-то действительно умер».

Взяла Наташа бумажку и понесла ее на кладбище хоронить. А сторож Матвей говорит Наташе:

— Ни за что не пущу.

Наташа говорит:

— Мне бы только эту бумажку похоронить.

А сторож говорит:

— Лучше не проси.

Зарыла Наташа бумажку на улице, положила на то место, где зарыла бумажку, свои носочки и пошла домой.

Приходит домой, а папа уже дома сидит и сам с собой на маленьком бильярдишке с металлическими шариками играет.

Наташа удивилась, но ничего не сказала и пошла к себе в комнату расти.

Росла, росла и через четыре года стала взрослой барышней. А Наташин папа состарился и согнулся. Но оба как вспомнят, как они друг друга за покойников приняли, так повалятся на диван и смеются. Другой раз минут двадцать смеются.

А соседи, как услышат смех, так сразу одеваются и в кинематограф уходят. А один раз ушли, так и больше не вернулись. Кажется, под автомобиль попали.

<1 сентября 1936>

Новые альпинисты

Бибиков залез на гору, задумался и свалился под гору. Чеченцы подняли Бибикова и опять поставили его на гору. Бибиков поблагодарил чеченцев и опять свалился под откос. Только его и видели.

Теперь на гору залез Аугенапфель, посмотрел в бинокль и увидел всадника.

— Эй! — закричал Аугенапфель. — Где тут поблизости духан?

Всадник скрылся под горой, потом показался возле кустов, потом скрылся за кустами, потом показался в долине, потом скрылся под горой, потом показался на склоне горы и подъехал к Аугенапфелю.

— Где тут поблизости духан? — спросил Аугенапфель.

Всадник показал себе на уши и рот.

— Ты что, глухонемой? — спросил Аугенапфель.

Всадник почесал затылок и показал себе на живот.

— Что такое? — спросил Аугенапфель.

Всадник вынул из кармана деревянное яблоко и раскусил его пополам.

Тут Аугенапфелю стало не по себе, и он начал пятиться.

А всадник снял с ноги сапог да как крикнет:

— Хаа-галлай!

Аугенапфель скаканул куда-то вбок и свалился под откос.

В это время Бибиков, вторично свалившийся под откос ещё раньше Аугенапфеля, пришел в себя и начал подниматься на четвереньки. Вдруг чувствует: на него сверху кто-то падает. Бибиков отполз в сторону, посмотрел оттуда и видит: лежит какой-то гражданин в клетчатых брюках. Бибиков сел на камушек и стал ждать.

А гражданин в клетчатых брюках полежал не двигаясь часа четыре, а потом поднял голову и спрашивает неизвестно кого:

— Это чей духан?

— Какой там духан? Это не духан, — отвечает Бибиков.

— А вы кто такой? — спрашивает человек в клетчатых брюках.

— Я альпинист Бибиков. А вы кто?

— А я альпинист Аугенапфель.

Таким образом Бибиков и Аугенапфель познакомились друг с другом.

<1–2 сентября 1936>

О Пушкине

Трудно сказать что-нибудь о Пушкине тому, кто ничего о нем не знает. Пушкин

великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александр I, и II, и III — просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.

А потому вместо того, чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нем и писать-то ничего нельзя, поэтому я буду все-таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

<1936>

«Кулаков уселся в глубокое кресло...»

Кулаков уселся в глубокое кресло и моментально сидя заснул. Сидя заснул, а спустя несколько часов проснулся лёжа в гробу.

Кулаков понял сразу, что он лежит в гробу. Дикий страх сковал Кулакова. Мутными глазами он посмотрел вокруг, и всюду, куда ни направлял он свой взор, он видел только цветы: цветы в корзинах, букеты цветов, перевязанные лентой, венки из цветов и цветы рассыпью.

«Меня хоронят», — подумал с ужасом Кулаков и вдруг почувствовал гордость, что его, такого незначительного человека, хоронят так пышно, с таким количеством цветов.

<1936>

«Вот начальник военного округа...»

Вот начальник военного округа подошел к своей жене, поцеловал её в рот, погладил её рукой по шее и залез лошадь.

— До свидания! — крикнул начальник военного округа и уехал.

Вечером начальник военного округа приехал обратно. Опять поцеловал жену в рот, погладил её рукой по шее и лёг спать.

Ночью жена начальника скоропостижно умерла.

Утром начальник военного округа проснулся и, увидя свою жену мёртвой, с ужасом выскочил из кровати.

<1934–1939>

«Миронов сел на трамвай и поехал...»

Миронов сел на трамвай и поехал, а куда нужно, не приехал, потому что по дороге скончался.

Пассажиры этого трамвая, в котором спал Миронов, позвали милиционера и велели ему составить протокол о том, что Миронов умер не от насильственной смерти.

<1934–1936>

Рыцарь

Алексей Алексеевич Алексеев был настоящим рыцарем. Так, например, однажды, увидя из трамвая, как одна дама запнулась о тумбу и выронила из кошелки стеклянный колпак для настольной лампы, который тут же и разбился, Алексей Алексеевич, желая

помочь этой даме, решил пожертвовать собой и, выскочив из трамвая на полном ходу, упал и раскроил себе о камень всю рожу. В другой раз, видя, как одна дама, перелезая через забор, зацепилась юбкой за гвоздь и застряла так, что, сидя верхом на заборе, не могла двинуться ни взад ни вперед, Алексей Алексеевич начал так волноваться, что от волнения выдавил себе языком два передних зуба.

Одним словом, Алексей Алексеевич был самым настоящим рыцарем, да и не только по отношению к дамам. С небывалой легкостью Алексей Алексеевич мог пожертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, что и доказал в 14-м году, в начале германской войны, с криком «За Родину!» выбросившись на улицу из окна третьего этажа. Каким-то чудом Алексей Алексеевич остался жив, отделавшись только несерьезными ушибами, и вскоре, как столь редкостно-ревностный патриот, был отослан на фронт.

На фронте Алексей Алексеевич отличался небывало возвышенными чувствами и всякий раз, когда произносил слова «стяг», «фанфара» или даже просто «эполеты», по лицу его бежала слеза умиления.

В 16-м году Алексей Алексеевич был ранен в чресла и удален с фронта. Как инвалид I категории Алексей Алексеевич не служил и, пользуясь свободным временем, излагал на бумаге свои патриотические чувства.

Однажды, беседа с Константином Лебедевым, Алексей Алексеевич сказал свою любимую фразу: «Я пострадал за Родину и разбил свои чресла, но существую силой убеждения своего заднего подсознания».

— И дурак! — сказал ему Константин Лебедев. — Наивысшую услугу родине окажет только ЛИБЕРАЛ.

Почему-то эти слова глубоко запали в душу Алексея Алексеевича, и вот в 17-м году он уже называет себя «либералом, чреслами своими пострадавшим за отчизну».

Революцию Алексей Алексеевич воспринял с восторгом, несмотря даже на то, что был лишен пенсии. Некоторое время Константин Лебедев снабжал его тростниковым сахаром, шоколадом, консервированным салом и пшенной крупой.

Но, когда Константин Лебедев вдруг неизвестно куда пропал, Алексею Алексеевичу пришлось выйти на улицу и просить подаяния. Сначала Алексей Алексеевич протягивал руку и говорил: «Подайте, Христа ради, чреслами своими пострадавшему за родину». Но это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич заменил слово «родину» словом «революцию». Но и это успеха не имело. Тогда Алексей Алексеевич сочинил революционную песню и, завидя на улице человека, способного, по мнению Алексея Алексеевича, подать милостыню, делал шаг вперед и, гордо, с достоинством, откинув назад голову, начинал петь:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем!

И лихо, по-польски притопнув каблуком Алексей Алексеевич протягивал шляпу и говорил: «Подайте милостыню, Христа ради». Это помогало, и Алексей Алексеевич редко оставался без пищи.

Все шло хорошо, но вот в 22-м году Алексей Алексеевич познакомился с неким Иваном Ивановичем Пузыревым, торговавшим на Сенном рынке подсолнечным маслом. Пузырев пригласил Алексея Алексеевича в кафе, угостил его настоящим кофеем и сам, чавкая пирожными, изложил какое-то сложное предприятие, из которого Алексей Алексеевич понял только, что и ему надо что-то делать, за что и будет получать от Пузырева ценнейшие продукты питания. Алексей Алексеевич согласился, и Пузырев тут же, в виде поощрения, передал ему под столом два цибика чая и пачку папирос «Раджа».

С этого дня Алексей Алексеевич каждое утро приходил на рынок к Пузыреву и, получив от него какие-то бумаги с кривыми подписями и бесчисленными печатями, брал

саночки, если это происходило зимой, или, если это происходило летом, — тачку и отправлялся, по указанию Пузырева, по разным учреждениям, где, предъявив бумаги, получал какие-то ящики, которые грузил на свои саночки или тележку и вечером отвозил их Пузыреву на квартиру. Но однажды, когда Алексей Алексеевич подкатил свои саночки к пузыревской квартире, к нему подошли два человека, из которых один был в военной шинели, и спросили его: «Ваша фамилия — Алексеев?» Потом Алексея Алексеевича посадили в автомобиль и увезли в тюрьму.

Но допросах Алексей Алексеевич ничего не понимал и все только говорил, что он пострадал за революционную родину. Но, несмотря на это, был приговорен к десяти годам ссылки в северные части своего отечества.

Вернувшись в 28-м году обратно в Ленинград, Алексей Алексеевич занялся своим прежним ремеслом и, встав на углу пр. Володарского, закинул с достоинством голову, притопнул каблуком и запел:

На баррикады
мы все пойдем!
За свободу
мы все покалечимся и умрем.

Но не успел он пропеть это и два раза, как был увезен в крытой машине куда-то по направлению к Адмиралтейству. Только его и видели.

Вот краткая повесть жизни доблестного рыцаря и патриота Алексея Алексеевича Алексева.

<1934–1936>

«Не знаю, почему все думают, что я гений...»

Не знаю, почему все думают, что я гений; а по-моему, я не гений. Вчера я говорю им: Послушайте! Какой же я гений? А они мне говорят: Такой! А я им говорю: Ну какой же такой? А они не говорят, какой, и только и говорят, что гений и гений. А по-моему, я всё же не гений.

Куда не покажусь, сейчас же все начинают шептаться и на меня пальцами показывают. «Ну что это в самом деле!» — говорю я. А они мне и слова не дают сказать, того и гляди схватят и понесут на руках.

<1934–1936>

«Нина — Вы знаете! А? Вы знаете? Нет, вы слышали?..»

Нина : Вы знаете! А? Вы знаете? Нет, вы слышали? А?

Вар. Мих. : Что такое? А? Что такое?

Нина : Нет, вы только подумайте! Варвара Михайловна! Вы только подумайте!

Вар. Мих. : Что такое? А? Что такое?

Нина : Да вы представьте себе. Варвара Михайловна! Вы представьте себе!

Вар. Мих. : Да что такое, в конце концов! Что такое?

Нина : Нет, вы послушайте, Варвара Михайловна! Ха-ха-ха.

Вар. Мих. : Да я слушаю, слушаю! Что такое?

Нина : Ха-ха-ха! Ну и королева!

Вар. Мих. : Глупость какую-то несешь!

Нина : Действительно королева!

Вар. Мих. : Глупость какую-то несешь!

Нина : Наш-то! Столбовой! Старый хрен! Тоже туда!
Вар. Мих. Куда туда?
Нина : Да, всё туда же! За Елизаветой поволокся!
Вар. Мих. : Как поволокся?
Нина : Да влюбился!
Вар. Мих. : Да кто влюбился?
Нина : Да наш столбовой дворянин! Старый хрыч Обернибесов!
Вар. Мих. : Обернибесов?!
Нина : В том-то и шутка, что Обернибесов!
Вар. Мих. : Аполлон Васильевич!
Нина : Ну да! Ведь вы подумайте!
Вар. Мих. : Просто не понимаю, что в ней хорошего! Почему все мужчины с ума сошли?
Нина : Вы смотрите: Володя Кнутиков с ума сошел! Сергей Иванович с ума сошел!..
Вар. Мих. : Ничего в ней нет интересного!
Нина : Елдыгин с ума сошел!..
Вар. Мих. : Ничего в ней нет интересного!
Нина : В том-то и шутка! Ничего в ней нет интересного!
Вар. Мих. : Просто не понимаю, почему все мужчины с ума сошли!
Нина : Не такая уж она красавица!
Вар. Мих. : По-моему, просто некрасива!
Нина : Ничего в ней нет интересного!
Вар. Мих. : Совершенно не интересна!

<1934–1936>

Личное переживание одного музыканта

Меня назвали извергом.
А разве это не так?
Нет, это не так. Доказательств я приводить не буду.

* * *

Я слышал, как моя жена говорила в телефонную трубку какому-то Михюсе, что я глуп.
Я сидел в это время под кроватью и меня не было видно.
О! что я испытывал в этот момент!
Я хотел выскочить и крикнуть: «Нет, я не глуп!»
Воображаю, что бы тут было!

* * *

Я опять сидел под кроватью и не был виден.
Но зато мне-то было видно, что этот самый Михюся проделал с моей женой.

* * *

Сегодня моя жена опять принимала этого Михюсю.
Я начинаю думать, что я, в глазах жены, перехожу на задний план.
Михюся даже лазал в ящиках моего письменного стола.
Я сам сидел под кроватью и не был виден.

* * *

Я сидел опять под кроватью и не был виден.
Жена и Михюся говорили обо мне в самых неприятных выражениях.
Я не вытерпел и крикнул им, что они всё врут.

* * *

Вот уже пятый день, как меня избили, а кости всё ещё ноют.

<1935–1936>

«Однажды Марина сказала мне, что к ней в кровать...»

Однажды Марина сказала мне, что к ней в кровать приходил Шарик. Кто такой этот Шарик, или что это такое, мне это выяснить не удалось.

* * *

Несколько дней спустя этот Шарик приходил опять. Потом он стал приходиться довольно часто, примерно раз в три дня.

* * *

Меня не было дома. Когда я пришел домой, Марина сказала мне, что звонил по телефону Синдерюшкин и спрашивал меня. Я, видите ли, был нужен какому-то Синдерюшкину!

* * *

Марина купила яблок. Мы съели после обеда несколько штук и, кажется, два яблока оставили на вечер. Но когда вечером я захотел получить свое яблоко, то яблока не оказалось. Марина сказала, что приходил Миша-официант и унес яблоки для салата. Сердцевины яблок ему были не нужны, и он вычистил яблоки в нашей же комнате, а сердцевины выбросил в корзинку для ненужной бумаги.

* * *

Я выяснил, что Шарик, Синдерюшкин и Миша живут, обыкновенно, у нас в печке. Мне это мало понятно, — как они там устроились.

* * *

Я расспрашивал Марину о Шарике, Синдерюшкине и Мише. Марина увивала от прямых ответов. Когда я высказывал свои опасения, что компания эта, может быть, не совсем добропорядочная, Марина уверила меня, что это, во всяком случае, «Золотые сердца». Больше я ничего не мог добиться от Марины.

* * *

Со временем я узнал, что «Золотые сердца» получили неодинаковое образование. Вернее, Шарик получил среднее образование, а Синдерюшкин и Миша не получили

никакого. У Шарика есть даже свои ученые труды. И поэтому он несколько свысока относится к остальным «Золотым сердцам».

Меня очень интересовало, какие это у Шарика ученые труды. Но это так и осталось неизвестным. Марина говорит, что он родился с пером в руках, но больше никаких подробностей об его ученой деятельности не сообщает. Я стал допытываться и, наконец, узнал, что он больше по сапожной части. Но имеет ли это отношение к ученой деятельности, мне узнать не удалось.

* * *

Однажды я узнал, что у «Золотых сердец» была вечеринка. Они сложились и купили маринованного угря. А Миша даже принес баночку с водкой. Вообще, Миша — любитель выпить.

* * *

У Шарика сапоги сделаны из пробочки.

* * *

Как-то вечером Марина сказала мне, что Синдерюшкнн обругал меня хулиганом за то, что я наступил ему на ногу. Я тоже обозлился и просил Марину передать Синдерюшкину, чтобы он не болтался под ногами.

18 февраля 1936

Смерть старичка

У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю. Старичок нагнулся, чтобы поднять этот шарик, и тут у него из глаза выскочила маленькая палочка и тоже упала на землю. Старичок испугался и, не зная, что делать, пошевелил губами. В это время у старичка изо рта выскочил маленький квадратик. Старичок схватил рот рукой, но тут у старичка из рукава выскочила маленькая мышка. Старичку от страха сделалось нехорошо, и он, чтобы не упасть, сел на корточки. Но тут в старичке что-то хрустнуло, и он, как мягкая плюшевая шуба, повалился на землю. Тут у старичка из прорешки выскочил длинненький прутик, и на самом конце этого прутика сидела тоненькая птичка. Старичок хотел крикнуть, но у него одна челюсть зашла за другую, и он вместо того, чтобы крикнуть, только слабо икнул и закрыл один глаз. Другой глаз у старичка остался открытым и, перестав двигаться и блестеть, стал неподвижным и мутным, как у мертвого человека. Так настигла коварная смерть старичка, не знавшего своего часа.

«В одном большом городе на главной улице...»

В одном большом городе на главной улице стояла интересная дама, в длинном котиковом манто с голыми руками. На голове у этой дамы была маленькая шапочка, сделанная из меха, имеющего очень короткий ворс. В зубах эта дама держала папироску, но папироска давно уже потухла и дым её давно уже разлетелся. Дама была очень красива: нос у неё был прямой, с маленькой горбинкой внизу и с изящным поворотом наверху. Глаза у дамы были голубые, но такие глубокие, что казались не то чёрными, не то не чёрными, а карими. Ноздри у дамы были большие, но так устроены, что каждый прохожий мог заглянуть в них, не замедляя шага, и, оставшись довольным содержимым носа красавицы, продолжать свой путь.

Красивая дама, как видно, ждала трамвая или автобуса. Она вынула изо рта папироску, бросила её на землю и затоптала ногой.

Вдруг к этой даме подошёл интересный молодой человек, одетый во всё клетчатое. Видно было, что он только что из парикмахерской, где его побрили, но нечаянно полоснули бритвой по щеке, потому что поперёк лица молодого человека шёл свежий ещё пластырь. Подойдя к даме, молодой человек, в знак приветствия, поднял обе руки, причём от этого движения справа под мышкой у него лопнул пиджак и оттуда выглянуло что-то фиолетовое.

— А, это вы, — радостно сказала дама, облизывая губы.

— А я думал, что это не вы, — сказал молодой человек и наклонил голову на бок, при этом он шаркнул ножкой, но, как видно, неудачно, потому что от сапога той ноги, которой шаркнул молодой человек, отлетел каблук.

— Фу, какая досада! — сказал молодой человек, поднимая каблук и вертя его в руке.

— Бывает, — сказала дама, пожимая плечами. — Я вот жду трамвая или автобуса.

— Ну? — сказал молодой человек, ещё раз посмотрев на каблук и отбрасывая его в сторону, — Пойдемте в Европейку.

— В Европейку? — спросила дама. — Ну ладно. Идёт. В Европейку так в Европейку!

Дама тряхнула головой и взяла молодого человека под руку.

— Как я вас неожиданно встретил. — сказал молодой человек, идя прихрамывая рядом с красивой дамой.

<1935–1936>

«Петя входит в ресторан и присаживается к столику...»

Петя входит в ресторан и присаживается к столику. Официант приносит карточку и кладёт её перед Петей. Петя выбирает «бёф-буи» и говорит официанту:

Петя : Дайте мне, если можно, бёф-буи.

Официант : Чего изволите?

Петя : Если можно, бёф-буи.

Официант : Как вы сказали?

Петя (*краснея*) : Я говорю, мне бёф-буи.

Официант (*выпрямляясь*) : Что прикажете?

Петя (*испуганно*) : Дайте мне бёф...

(Официант выпрямляется, Петя вздрагивает и замолкает. Некоторое время — молчание.)

Официант : Что прикажете подать?

Петя : Я бы хотел, если можно...

Официант : Чего изволите?

Петя : Бёф-буи, бёф-буи.

Официант : Как?

Петя : Бёф...

Официант : Бёф?

Петя (*радостно*) : Буи!

Официант (*с удивлением*) : Буи?

Петя (*кивая головой*) : Бёф-буи. Бёф-буи.

Официант (*задумчиво*) : Бёф-буи?

Петя : Если можно.

(Официант стоит задумавшись некоторое время, потом уходит. Петя придвигает стул к столу и собирается ждать. Через некоторое время появляется второй официант, подходит к Пете и кладёт перед ним карточку. Петя с удивлением смотрит на официанта.)

<1935–1936>

Евстигнеев смеётся

Водевиль о трех головах

Действующие лица:

Евстигнеев

I-ый Володя

II-й Володя

Евдокия — жена Евстигнеева

Вера Александровна Сулипанова — двоюродная сестра Евдокии

Дворник Петр Перец

Дворничиха

Амуры, зебры и античные девушки.

Действие первое

Евстигнеев стоит посередине комнаты и старается издать звук на флейте.

Жена Евстигнеева Евдокия стоит перед ним на коленях.

ЕВДОКИЯ : Евстигнеев! Дорогой муж мой! Супруг мой! Любимый человек и друг! Евстигнеев! Ну молю тебя, не дуй в флейту! Евстигнеев!

ЕВСТИГНЕЕВ смеётся: Хы-хы-хы!

ЕВДОКИЯ : Евстигнеев! Четыре с половиной года ты дуешь в эту флейту и, все равно, ни звука издать не можешь! Брось! На коленях прошу тебя! Вот видишь? Я целую твои ноги. Неужели ты меня не слышишь? Ты злой, нехороший человек, Евстигнеев! Я тружусь дни и ночи, чтобы мы не голодали с тобой. Я служу, бегаю по лавкам, готовлю обед, мою посуду, убираю комнату, стираю твоё бельё... Ты видишь на что стали похожи мои руки? Я больная и несчастная делаю непосильную для себя работу. А ты? Знай дуешь в свою флейту! И ведь хоть бы прок был какой! А то не только сыграть чего-нибудь, а даже звука издать не можешь! Опомнись! Опомнись Евстигнеев!

ЕВСТИГНЕЕВ смеётся: Хы-хы-хы!

ЕВДОКИЯ : Нет, больше не могу! Это не человек, а зверь какой-то! (Поднимаясь с колен). Слушай Евстигнеев! Я делала все, чтобы образумить тебя. Ничего не помогает. Я слабая и не могу сама отнять у тебя флейту. Ты меня просто поколотишь. Поэтому я решила прибегнуть к крайнему средству. Ты слышишь, что я тебе говорю, Евстигнеев! Ты слышишь?

ЕВСТИГНЕЕВ дует в флейту: фю-фю-фю!

ЕВДОКИЯ : Да ты слышишь, что я тебе говорю? Ах, так! И слушать не желаешь! Ну ладно: сейчас прибегну к тому крайнему средству, о котором я тебе говорила. Не слушаешь? Ладно! Сейчас пойду и позову дворника!

ЕВСТИГНЕЕВ перестаёт дуть в флейту.

ЕВДОКИЯ : Ты слышал? Сейчас позову дворника.

ЕВСТИГНЕЕВ : Зачем?

ЕВДОКИЯ : А затем, что мы с дворником отнимем у тебя флейту, сломаем ее и выбросим на помойку.

ЕВСТИГНЕЕВ : Нет? Хы-хы-хы!

ЕВДОКИЯ : Не нет, а именно да!

ЕВСТИГНЕЕВ : Как же так? (*рассматривает флейту и пробует в неё дунуть*).

ЕВДОКИЯ : Ах, ты опять! Ну, ладно...

(Стук в дверь)

Евстигнеев и Евдокия молча стоят и слушают. Стук повторяется.

ЕВДОКИЯ : Кто там?

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ : Дорочка! Это я! Открой, силь-ву-пле!

ЕВДОКИЯ ; Ах, это ты, Вера! Сейчас, одну минуту. *(Евстигнееву)* . Спрячь флейту!

ЕВСТИГНЕЕВ смеётся: Хы-хы-хы!

ЕВДОКИЯ : Дай сюда флейту! Сию же минуту дай сюда флейту!

ЕВСТИГНЕЕВ *(пряча флейту за спину)* : Хы-хы!

ЕВДОКИЯ : Сейчас Верочка! *(Евстигнееву)* : Ты дашь мне флейту? Ах так!..
(подходит к двери и открывает её.) Входи Верочка!

(Входит Вера Александровна Сулипанова)

ЕВДОКИЯ : Вот познакомься: Евстигнеев, мой муж. А это Вера Александровна Сулипанова — моя двоюродная сестра.

СУЛИПАНОВА *(подходя к Евстигнееву)*: Очень рада с вами познакомиться!

ЕВСТИГНЕЕВ : Хы-хы-хы!

ЕВДОКИЯ : Садись, Вера, вот сюда и рассказывай как ты живешь?

(Сулипанова садится с ногами на стул)

СУЛИПАНОВА : О, душа моя, столько новостей! Я брежу театрами и светской жизнью. Да, милочка, я вся для общества! Грегуар подарил мне тончайший заграничный чулок, но к сожалению только один. Так что его нельзя носить. Но я, когда ко мне приходят гости, бросаю этот чулок на диван, будто забыла его убрать, и все, конечно, думают, что у меня их пара. Борман увидел этот чулок и сказал: «Такими чулками кидаться нельзя!» А я ему сказала: «О! У меня их целая куча! А вот туфель нет!..» Ах, да, милочка, же сюи малад, у меня болит под мышкой. Это Зайцев лез ко мне рукой за шиворот, но я его дальше подмышки не пустила. Не дам же я Зайцеву хватать себя!

ЕВСТИГНЕЕВ : Хы-хы!

СУЛИПАНОВА : Ой! Я говорю такие вещи в присутствии мужчины. Но вы все-таки муж моей сестры и потом, мы, люди высшего общества, можем позволить себе некоторые фривольности.

ЕВСТИГНЕЕВ : Хы-хы! *(дует в флейту)* .

СУЛИПАНОВА : Что это?

ЕВДОКИЯ : Да это мой муж хочет на флейте играть.

СУЛИПАНОВА : Господи! Зачем же это?

ЕВДОКИЯ : Ах Вера! Он целые дни изводит меня этой флейтой. Вот видишь? Так он с утра до вечера.

СУЛИПАНОВА : Да ты спрячь от него эту трубку,

ЕВДОКИЯ :

<1935–1936>

1937

«— Н-да-а! — сказал я ещё раз...»

— Н-да-а! — сказал я ещё раз дрожащим голосом. Крыса наклонила голову в другую сторону и всё так же продолжала смотреть на меня.

— Ну что тебе нужно? — сказал я в отчаянье.

— Ничего! — сказала вдруг крыса громко и отчётливо. Это было так неожиданно, что у меня прошел даже всякий страх. А крыса отошла в сторону и села на пол около самой печки.

— Я люблю тепло. — сказала крыса, — а у нас в подвале ужасно холодно.

<До января 1937>

«У одной маленькой девочки начал гнить...»

У одной маленькой девочки начал гнить молочный зуб. Решили эту девочку отвести к зубному врачу, чтобы он выдернул ей её молочный зуб.

Вот однажды стояла эта маленькая девочка в редакции, стояла она около шкапа и была вся скрюченная.

Тогда одна редакторша спросила эту девочку, почему она стоит вся скрюченная, и девочка ответила, что она стоит так потому, что боится рвать свой молочный зуб, так как должно быть, будет очень больно. А редакторша спрашивает:

— Ты очень боишься, если тебя уколут булавкой в руку?

Девочка говорит:

— Нет.

Редакторша уколола девочку булавкой в руку и говорит, что рвать молочный зуб не больнее этого укола. Девочка поверила и вырвала свой нездоровый молочный зуб.

Можно только отметить находчивость этой редакторши.

6 января 1937

«Один человек, не желая более питаться...»

Один человек, не желая более питаться сушёным горошком, отправился в большой гастрономический магазин, чтобы высмотреть себе чего-нибудь иное, что-нибудь рыбное, колбасное или даже молочное.

В колбасном отделе было много интересного, самое интересное была конечно ветчина. Но ветчина стоила 18 рублей, а это было слишком дорого. По цене доступна была колбаса, красного цвета, с тёмно-серыми точками. Но колбаса эта пахла почему-то сыром, и даже сам приказчик сказал, что покупать её он не советует.

В рыбном отделе ничего не было, потому что рыбный отдел переехал временно туда, где раньше был винный, а винный отдел переехал в кондитерский, а кондитерский в молочный, а в молочном отделе стоял приказчик с таким огромным носом, что покупатели толпились под аркой и к прилавку ближе подойти боялись.

И вот наш человек, о котором идёт речь, потолкался в магазине и вышел на улицу.

Человек, о котором я начал эту повесть, не отличался никакими особенными качествами, достойными отдельного описания. Он был в меру худ, в меру беден и в меру ленив. Я даже не могу вспомнить, как он был одет. Я только помню, что на нём было что-то коричневое, может быть брюки, может быть пиджак, а может быть только галстук. Звали его кажется Иван Яковлевич.

Иван Яковлевич вышел из Гастрономического магазина и пошёл домой. Вернувшись домой, Иван Яковлевич снял шапку, сел на диван, свернул себе папироску из махорки, вставил её в мундштук, зажёл её спичкой, выкурил, свернул вторую папироску, закурил её, встал, надел шапку и вышел на улицу.

Ему надоела его мелкая, безобразная жизнь, и он направился к Эрмитажу.

Дойдя до Фонтанки, Иван Яковлевич остановился и хотел было повернуть обратно, но вдруг ему стало стыдно перед прохожими: ещё начнут на него смотреть и оглядываться, потому что шёл-шёл человек, а потом вдруг повернулся и обратно пошёл. Прохожие всегда на таких смотрят.

Иван Яковлевич стоял на углу, против аптеки. И вот, чтобы объяснить прохожим свою остановку, Иван Яковлевич сделал вид, что ищет номер дома.

Он, не переставая глядеть на дом, сделал несколько шагов вдоль по Фонтанке, потом

вернулся обратно и, сам не зная зачем, вошёл в аптеку.

В аптеке было много народу. Иван Яковлевич попробовал протиснуться к прилавку, но его оттеснили. Тогда он посмотрел на стеклянный шкафчик, в котором в различных позах стояли различные флаконы различных духов и одеколонов.

Не стоит описывать, что ещё делал Иван Яковлевич, потому что все его дела были слишком мелки и ничтожны. Важно только то, что в Эрмитаж он не попал и к шести часам вернулся домой.

Дома он выкурил подряд четыре махорочных папиросы, потом лег на диван, повернулся к стене и попробовал заснуть.

Но должно быть, Иван Яковлевич перекурился, потому что его сердце билось очень громко, а сон убежал.

Иван Яковлевич сел на диване и спустил ноги на пол.

Так просидел Иван Яковлевич до половины девятого.

— Вот если бы мне влюбиться в молодую красивую даму, — сказал Иван Яковлевич, но сейчас же зажал себе рот рукой и вытаращил глаза.

— В молодую брюнетку, — сказал Иван Яковлевич, отводя руку ото рта. — В ту, которую я видел сегодня на улице.

Иван Яковлевич свернул папиросу и закурил. В коридоре раздалось три звонка.

— Это ко мне, — сказал Иван Яковлевич, продолжая сидеть на диване и курить.

13 января 1937

Всестороннее исследование

Ермолаев : Я был у Блинова, он показал мне свою силу. Ничего подобного я никогда не видел. Это сила зверя! Мне стало страшно. Блинов поднял письменный стол, раскачал его и отбросил от себя метра на четыре.

Доктор : Интересно было бы исследовать это явление. Науке известны такие факты, но причины их непонятны. Откуда такая мышечная сила, ученые ещё сказать не могут. Познакомьте меня с Блиновым: я дам ему исследовательскую пилюлю.

Ермолаев : А что это за пилюля, которую вы собираетесь дать Блинову?

Доктор : Какая пилюля? Я не собираюсь давать ему пилюлю.

Ермолаев : Но вы же сами только только что сказали, что собираетесь дать ему пилюлю.

Доктор : Нет, нет, вы ошибаетесь. Про пилюлю я не говорил.

Ермолаев : Ну уж извините, я-то слышал, как вы сказали про пилюлю.

Доктор : Нет.

Ермолаев : Что нет?

Доктор : Не говорил!

Ермолаев : Кто не говорил?

Доктор : Вы не говорили.

Ермолаев : Чего я не говорил?

Доктор : Вы, по-моему, чего-то недоговариваете.

Ермолаев : Я ничего не понимаю. Чего я недоговариваю?

Доктор : Ваша речь очень типична. Вы проглатываете слова, недоговариваете начатой мысли, торопитесь и заикаетесь.

Ермолаев : Когда же я заикался? Я говорю довольно гладко.

Доктор : Вот в этом-то и есть ваша ошибка. Видите? Вы даже от напряжения начинаете покрываться красными пятнами. У вас ещё не похолодели руки?

Ермолаев : Нет. А что?

Доктор : Так. Это мое предположение. Мне кажется, вам уже тяжело дышать. Лучше сядьте, а то вы можете упасть. Ну вот. Теперь вы отдохните.

Ермолаев : Да зачем же это?

Доктор : Тсс. Не напрягайте голосовых связок. Сейчас я вам постараюсь облегчить вашу участь.

Ермолаев : Доктор! Вы меня пугаете.

Доктор : Дружочек милый! Я хочу вам помочь. Вот возьмите это. Глотайте.

Ермолаев : Ой! Фу! Какой сладкий отвратительный вкус! Что это вы мне дали?

Доктор : Ничего, ничего. Успокойтесь. Это средство верное.

Ермолаев : Мне жарко и все кажется зеленого цвета.

Доктор : Да, да, да, дружочек милый, сейчас вы умрете.

Ермолаев : Что вы говорите? Доктор! Ой, не могу! Доктор! Что вы мне дали? Ой, доктор!

Доктор : Вы проглотили исследовательскую пилюлю.

Ермолаев : Спасите. Ой. Спасите. Ой. Дайте дышать. Ой. Спас... Ой. Дышать...

Доктор : Замолчал. И не дышит. Значит, уже умер. Умер, не найдя на земле ответов на свои вопросы. Да, мы, врачи, должны всесторонне исследовать явление смерти.

<21 июня 1937>

«— Есть-ли что-нибудь на земле...»

— Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но и в других мирах? — спросил я своего учителя.

— Есть, — ответил мне мой учитель.

— Что же это? — спросил я.

— Это... — начал мой учитель и вдруг замолчал.

Я стоял и напряженно ждал его ответа. А он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

И я стоял и молчал.

И он молчал.

Мы оба стоим и молчим.

Хо-ля-ля!

Мы оба стоим и молчим.

Хэ-лэ-лэ!

Да, да, мы оба стоим и молчим.

<16–17 июля 1936>

«„Макаров! Подожди!“ — кричал Сампсонов...»

«Макаров! Подожди!» — кричал Сампсонов, но Макаров, не обращая внимания на крики Сампсонова, бежал и бежал. Уже не хватало дыхания, уже клочкотало в груди у Макарова, но Макаров бежал, размахивая кулаками и глотая воздух широко раскрытым ртом.

Несмотря на все усилия, Макаров бежал небыстро, поминутно спотыкался и придерживался руками за все встречные предметы. Наконец, пробегая мимо ветлы, Макаров зацепился карманом за сучок и остановился.

Теперь побежал Сампсонов. Сампсонов бежал легко и свободно, прижав кулаки к бокам. На лице Сампсонова сияла счастливая улыбка и было видно, что бег ему доставляет удовольствие.

— Эй, Макаров! Сейчас я до тебя добегу! — крикнул Сампсонов, но с этими словами споткнулся о кочку и упал.

Теперь опять побежал Макаров. Макаров бежал в лес. Вот он мелькнул среди кустов можжевельника, потом его голова показалась из-за мелких сосенок и наконец Макаров окончательно скрылся с глаз.

Сампсонов вынул из кармана маленькую черную гнутую трубку с металлической крышечкой и резиновый кисет, набил трубку табаком, раскурил её, сел на пень и пустил облако синего табачного дыма.

<Август 1937>

Пассакалия № 1

Тихая вода покачивалась у моих ног.

Я смотрел в темную воду и видел небо.

Тут, на этом самом месте, Лигудим скажет мне формулу построения несуществующих предметов.

Я буду ждать до пяти часов, и если Лигудим за это время не покажется среди тех деревьев, я уйду. Мое ожидание становится обидным. Вот уже два с половиной часа стою я тут, и тихая вода покачивается у моих ног.

Я сунул в воду палку. И вдруг под водой кто-то схватил мою палку и дёрнул. Я выпустил палку из рук и деревянная палка ушла под воду с такой быстротой, что даже свистнула.

Растерянный и испуганный стоял я около воды.

Лигудим пришел ровно в пять. Это было ровно в пять, потому что на том берегу промчался поезд: ежедневно ровно в пять он пролетает мимо того домика.

Лигудим спросил меня, почему я так бледен. Я сказал. Прошло четыре минуты, в течение которых Лигудим смотрел в темную воду. Потом он сказал: «Это не имеет формулы. Такими вещами можно пугать детей, но для нас это неинтересно. Мы не собиратели фантастических сюжетов. Нашему сердцу милы только бессмысленные поступки. Народное творчество и Гофман противны нам. Частокол стоит между нами и подобными загадочными случаями».

Лигудим повертел головой во все стороны и, пятясь, вышел из поля моего зрения.

10 ноября 1937

«Такие же длинные усы, как у пана Пшеховского...»

Такие же длинные усы, как у пана Пшеховского, были у Матвея Соломанского. Пан Пшеховский гордился своими усами и глупая рожа Матвея Соломанского приводила пана в ярость. Пан стучал каблуками и кулаками, скалил зубы и плевал в стену; пан чернел от ярости и кричал тонким противным голосом.

Я писал стихи о часах, а в соседней комнате сидел пан Пшеховский и шил на швейной машинке карманы. Машинка стучала неравномерно и мешала мне сосредоточиться. Пан шил на машинке очень плохо: слышно было, как он ругал челнок и нитку, но, когда челнок и нитка подчинялись панской воле, пан вертел ручку машинки и ругал Матвея Соломанского. Мне надоела эта постоянная ругань и стук швейной машинки. Я плюнул и вышел на улицу.

<Между 10 и 15 ноября 1937>

Мальтониус Ольбрел

Сюжет: Ч. желает подняться на три фута над землей. Он стоит часами против шкапа. Над шкапом висит картина, но ее не видно: мешает шкап. Проходит много дней, недель и

месяцев. Человек каждый день стоит перед шкапом и старается подняться на воздух. Подняться ему не удаётся, но зато ему начинает являться видение, всё одно и то же. Каждый раз он различает всё большие и большие подробности. Ч. забывает, что он хотел подняться над землей, и целиком отдаётся изучению видения. И вот однажды, когда прислуга убирала комнату, она попросила его снять картину, чтобы вытереть с неё пыль. Когда Ч. встал на стул и взглянул на картину, то он увидел, что на картине изображено то, что он видел в своём видении. Тут он понял, что он давно уже поднимается на воздух и висит перед шкапом и видит эту картину.

Разработка.

16 ноября 1937

Грязная личность

Сенька стукнул Федьку по морде и спрятался под комод.

Федька достал кочергой Сеньку из-под комода и оторвал ему правое ухо.

Сенька вывернулся из рук Федьки и с оторванным ухом в руках побежал к соседям.

Но Федька догнал Сеньку и двинул его сахарницей по голове.

Сенька упал и, кажется, умер.

Тогда Федька уложил вещи в чемодан и уехал во Владивосток.

Во Владивостоке Федька стал портным: собственно говоря, он стал не совсем портным, потому что шил только дамское белье, преимущественно панталоны и бюстгалтеры. Дамы не стеснялись Федьки, прямо при нем поднимали свои юбки, и Федька снимал с них мерку.

Федька, что называется, насмотрелся видов.

Федька — грязная личность.

Федька — убийца Сеньки.

Федька — сладострастник.

Федька — обжора, потому что он каждый вечер съедал по двенадцать котлет. У Федьки вырос такой живот, что он сделал себе корсет и стал его носить.

Федька — бессовестный человек: он отнимал на улице у встречающих детей деньги, он подставлял старичкам подножку и пугал старух, заноса над ними руку, а когда испуганная старуха шарахалась в сторону, Федька делал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать себе голову.

Кончилось тем, что к Федьке подошел Николай, стукнул его по морде и спрятался под шкаф.

Федька достал Николая из-под шкапа кочергой и разорвал ему рот.

Николай с разорванным ртом побежал к соседям, но Федька догнал его и ударил его пивной кружкой. Николай упал и умер.

А Федька собрал свои вещи и уехал из Владивостока.

<21 ноября 1937>

«Семья Апраксиных состояла из четырёх членов...»

1. Семья Апраксиных состояла из четырёх членов: глава семейства Фёдор Игнатьевич Апраксин, его жена Серафима Петровна Апраксина, сестра жены Антонина Петровна Кутенина и дальний родственник Фёдора Игнатьевича Семён Семёнович Кокс...

2. Жили они в небольшой квартирке из двух комнат. Одна комната называлась спальней, а другая столовой. Жена, муж и Антонина Петровна жили в спальне, а в столовой жил Семён Семёнович Кэкс. Главным героем нашего небольшого рассказа будет именно этот Семён Семёнович, в потому разрешите описать его наружность и характер.

3. Семён Семёнович был франт. Он был всегда и гладко выбрит и хорошо подстрижен.

Галстук был всегда выглажен и хорошо завязан. Семён Семёнович не носил длинных брюк, а ходил всегда в «гольфах», потому что, как уверял Семён Семёнович, гольфы не так мнутся и их не надо часто утюжить. Для стиля к гольфам Семён Семёнович курил трубку и потому на улицах его звали американцем.

<1937>

«Я залез на забор, но тотчас же свалился...»

Я залез на забор, но тотчас же свалился.

— Эх, — сказал я и опять полез на забор. Но только я уселся верхом на заборе, как вдруг подул ветер и сорвал с моей головы шляпу. Шляпа перелетела через курятник и упала в лопухи.

<1937>

«Иван Яковлевич Бобов проснулся...»

Иван Яковлевич Бобов проснулся в самом приятном настроении духа. Он выглянул из-под одеяла и сразу увидел потолок. Потолок был украшен большим серым пятном с зеленоватыми краями. Если смотреть на пятно пристально, одним глазом, то пятно становится похоже на носорога, запряженного в тачку, хотя другие находили, что оно больше походит на трамвай, на котором верхом сидит великан, — а впрочем, в этом пятне можно было усмотреть очертания даже какого-то города. Иван Яковлевич посмотрел на потолок, но не в то место, где было пятно, а так, неизвестно куда; при этом он улыбнулся и сощурил глаза. Потом он вытаращил глаза и так высоко поднял брови, что лоб сложился, как гармошка, и чуть совсем не исчез, если бы Иван Яковлевич не сощурил глаза опять, и вдруг, будто устыдившись чего-то, натянул одеяло себе на голову. Он сделал это так быстро, что из-под другого конца одеяла выставились голые ноги Ивана Яковлевича, и сейчас же на большой палец левой ноги села муха. Иван Яковлевич подвигал этим пальцем, и муха перелетела и села на пятку. Тогда Иван Яковлевич схватил одеяло обеими ногами, одной ногой он подцепил одеяло снизу, а другую ногу вывернул и прижал ею одеяло сверху, и таким образом стянул одеяло со своей головы. «Шиш», — сказал Иван Яковлевич и надул щеки. Обыкновенно, когда Ивану Яковлевичу что-нибудь удавалось или, наоборот, совсем не выходило, Иван Яковлевич всегда говорил «шиш» — разумеется, не громко и вовсе не для того, чтобы кто-нибудь это слышал, а так, про себя, самому себе. И вот, сказав «шиш», Иван Яковлевич сел на кровать и протянул руку к стулу, на котором лежали его брюки, рубашка и прочее белье. Брюки Иван Яковлевич любил носить полосатые. Но раз, действительно, нигде нельзя было достать полосатых брюк. Иван Яковлевич и в «Ленинградодежде» был, и в Универмаге, и в Гостином дворе, и на Петроградской стороне обошел все магазины. Даже куда-то на Охту съездил, но нигде полосатых брюк не нашел. А старые брюки Ивана Яковлевича износились уже настолько, что одеть их стало невозможно. Иван Яковлевич зашивал их несколько раз, но наконец и это перестало помогать. Иван Яковлевич обошел все магазины и, опять не найдя нигде полосатых брюк, решил наконец купить клетчатые. Но и клетчатых брюк нигде не оказалось. Тогда Иван Яковлевич решил купить себе серые брюки, но и серых нигде себе не нашел. Не нашлись нигде и черные брюки, годные на рост Ивана Яковлевича. Тогда Иван Яковлевич пошел покупать синие брюки, но, пока он искал черные, пропали всюду и синие и коричневые. И вот, наконец, Ивану Яковлевичу пришлось купить зеленые брюки с желтыми крапинками. В магазине Ивану Яковлевичу показалось, что брюки не очень уж яркого цвета и желтая крапинка вовсе не режет глаз. Но, придя домой, Иван Яковлевич обнаружил, что одна штанина и точно будто благородного оттенка, но зато другая просто бирюзовая, и желтая крапинка так и горит на ней. Иван Яковлевич попробовал

вывернуть брюки на другую сторону, но там обе половины имели тяготение перейти в желтый цвет с зелеными горошинами и имели такой веселый вид, что, кажись, вынеси такие штаны на эстраду после сеанса кинематографа, и ничего больше не надо: публика полчаса будет смеяться. Два дня Иван Яковлевич не решался надеть новые брюки, но когда старые разодрались так, что издали можно было видеть, что и кальсоны Ивана Яковлевича требуют починки, пришлось надеть новые брюки. Первый раз в новых брюках Иван Яковлевич вышел очень осторожно. Выйдя из подъезда, он посмотрел раньше в обе стороны и, убедившись, что никого поблизости нет, вышел на улицу и быстро зашагал по направлению к своей службе. Первым повстречался яблочный торговец с большой корзиной на голове. Он ничего не сказал, увидя Ивана Яковлевича, и только, когда Иван Яковлевич прошел мимо, остановился, и так как корзина не позволила повернуть голову, то яблочный торговец повернулся весь сам и посмотрел вслед Ивану Яковлевичу, — может быть, покачал бы головой, если бы опять-таки не все та же корзина. Иван Яковлевич бодро шел вперед, считая свою встречу с торговцем хорошим предзнаменованием. Он не видел маневра торговца и утешал себя, что брюки не так уж бросаются в глаза. Теперь навстречу Ивану Яковлевичу шел такой же служащий, как и он, с портфелем под мышкой. Служащий шел быстро, зря по сторонам не смотрел, а больше себе под ноги. Поравнявшись с Иваном Яковлевичем, служащий скользнул взглядом по брюкам Ивана Яковлевича и остановился. Иван Яковлевич остановился тоже. Служащий смотрел на Ивана Яковлевича, а Иван Яковлевич на служащего.

— Простите, — сказал служащий, — вы не можете сказать мне, как пройти в сторону этого... государственного... биржи?

— Это вам надо идти по мостовой... по мосту... нет, надо идти так, а потом так, — сказал Иван Яковлевич.

Служащий сказал спасибо и быстро ушел, а Иван Яковлевич сделал несколько шагов вперед, но, увидев, что теперь навстречу ему идет не служащий, а служащая, опустил голову и перебежал на другую сторону улицы. На службу Иван Яковлевич пришел с опозданием и очень злой. Сослуживцы Ивана Яковлевича, конечно, обратили внимание на зеленые брюки со штанинами разного оттенка, но, видно, догадались, что это — причина злости Ивана Яковлевича, и расспросами его не беспокоили. Две недели мучился Иван Яковлевич, ходя в зеленых брюках, пока один из его сослуживцев, Аполлон Максимович Шилов не предложил Ивану Яковлевичу купить полосатые брюки самого Аполлона Максимовича, будто бы не нужные Аполлону Максимовичу.

<1934–1937>

Бесстыдники

Опера в четырёх действиях

I Действие

Картина I

Сцена пустынная. Вдали нарисованы горы. Нарисовано, как с горы сбегает человек с самоваром в руках. На сцене стоят два стула.

Боголюбов стоит на сцене и держит в руке палку.

Против Боголюбова стоит Порошков.

Боголюбов (*поёт*): Вот я тебя сейчас побью!

Порошков (*поёт*): Нет, ты меня не побьешь!

Боголюбов: Нет, побью!

Порошков: Однако, не побьешь!

Боголюбов : Побью!

Порошков : Не побьёшь!

(Оба садятся на стулья)

I Хор : Он его побьёт.

II Хор : Нет, он его побьёт.

Боголюбов *(вставая)* : Сейчас я тебя побью *(ударяет Порошкова палкой, но Порошков увёртывается от удара)*.

<1934–1937>

«Василий Антонович вышел из дома...»

Василий Антонович вышел из дома, купил себе шляпу и отправился в Летний Сад. Гуляя в Летнем Саду, Василий Антонович потерял свои часы. Сильно опечаленный этим, Василий Антонович повернул к дому, но по дороге промочил ноги и пришел домой со страшной зубной болью. Василий Антонович разделся и лег в кровать. Но зубная боль не давала ему заснуть. Василий Антонович решил принять аспирин, да по ошибке принял салол. И так промучившись всю ночь, Василий Антонович встал на другой день утром с одутловатым лицом.

(сер. 1930-х)

«Антон Антонович сбрил себе бороду...»

Антон Антонович сбрил себе бороду и все его знакомые перестали его узнавать.

«Да как же так, — говорил Антон Антонович, — ведь это я, Антон Антонович. Только я себе бороду сбрил».

«Ну да» — говорили знакомые. — «У Антон Антоновича была борода, а у вас ее нету».

«Я вам говорю, что и у меня была борода, да я ее сбрил», говорил Антон Антонович.

«Мало ли у кого раньше борода была!» — говорили знакомые.

«Да что же это в самом деле, — говорил разозлясь Антон Антонович — Кто же я тогда по-вашему?»

«Не знаем, — говорили знакомые. — Только вы не Антон Антонович».

Антон Антонович растерялся и не знал, что ему делать. Он пошел в гости к Наскаковым, но там его встретили с удивленными лицами и спросили: «кого вам нужно?».

«Мне вас нужно Марусенька! — сказал Антон Антонович. — Неужели вы меня не узнаете!»

«Нет, — скачала Маруся Наскакова с любопытством. — Подождите, может быть, я вас видела у Валентины Петровны?»

«Да что вы Маруся! — сказал Антон Антонович. — Ну посмотрите на меня хорошенько. Узнаёте?»

«Подождите, подождите... Нет, я не могу вспомнить кто вы,» — сказала Маруся.

«Да я Антон Антонович! — сказал Антон Антонович. — Теперь узнали?»

«Нет, — сказала Маруся, — вы надо мной шутите».

(сер. 1930-х)

«Мария и Аня обращали на себя внимание...»

Мария и Аня обращали на себя внимание. Обе такие хорошенькие в своих красных шапочках.

— Я видела женщину-милиционеру, — сказала Аня, — она была в шароварах и

металлическом шлеме.

— Ах, — сказала Мария, — это очень смешно. Я видела вчера, как по каналу шёл милиционер и нёс на руках красный свёрток. Когда я подошла ближе, я увидела, что это он несёт ребёнка в красном одеяле. А через несколько шагов я встретила опять милиционера с ребёнком в красном одеяле. Немного погодя я встретила опять милиционера с ребёнком и опять в красном одеяле. Это было очень смешное шествие милиционеров с детьми на руках, завернутых в красные одеяла. Оказалось, что женщины милиционеры идут из «Охраны материнства и младенчества», где их детям выдали стандартные красные одеяла.

— Они были в шлемах? — спросила Аня.

— Да, — сказала Мария. — Вот сейчас мы взойдем на мост и там я покажу вам, откуда Андрей Михайлович увидел в Фонтанке утопленника.

— Андрей Михайлович говорили, что первый увидел утопленника Шагун, — сказала Аня.

— А нет, Аня, вы все перепутали.

<1934–1937>

«Швельпин: Удивительная история!..»

Швельпин : Удивительная история! Жена Ивана Ивановича Никифорова искусала жену Кораблёва! Если бы жена Кораблёва искусала бы жену Ивана Ивановича Никифорова, то всё было бы понятно. Но то, что жена Ивана Ивановича Никифорова искусала жену Кораблёва, это поистине удивительно!

Смухов : А я вот нисколько не удивлён.

Ремарка. Варвара Семёновна кидается и кусает Антонину Антоновну.

«В семь часов Николай Николаевич встал...»

В семь часов Николай Николаевич встал, поел сёмги и поехал на службу. На службе Николай Николаевич поел опять сёмги и, пройдя в отдел кадров, сел на подоконник и начал ругать начальство. Наругавшись вдосталь, Николай Николаевич перешёл в производственный отдел и просидел там до обеденного перерыва. Когда лакей обнёс всех подносом с бокалами пива в знак того, что обеденный перерыв уже наступил, Николай Николаевич перешёл в буфет и сел за отдельный столик пить чай. Однако, вместо чая, ему принесли кофе с творогом и Николай Николаевич, возмущённый, встал из-за столика и, громко топая, вышел на площадку лестницы. На лестнице дуло со всех сторон и Н. Н. ушёл в уборную. Там у открытого окошка Н. Н. скрутил себе папироску и закурил. Тут в уборную вошёл Андрей Карлович и, не замечая Николая Николаевича, хотел сделать то, зачем он вошёл.

<1934–1937>

«Ровно 56 лет тому назад родился...»

Ровно 56 лет тому назад родился Иван Андреевич Редькин. Теперь это такая знаменитость, что мне нет нужды говорить, кто он такой. Ведь подумать только, за пятьдесят шесть лет чего только успел сделать этот человек! Да, гений не шило — в мешке не утаишь.

Осознав день своего рождения, Иван Андреевич Редькин купил банку шпрот и спрятал её в ящик письменного стола.

— Я слишком знаменит, чтобы рассчитывать, что никто не придёт меня поздравить, — сказал сам себе Редькин. — А если кто-нибудь придёт, тут-то я и угощу его шпротами.

Иван Андреевич сел на кушетку и стал ждать.

В восемь часов вечера раздался звонок и Редькин кинулся отпереть наружную дверь. Но, добежав по коридору до ванной комнаты, Редькин понял, что он взял неправильное направление и повернул к прихожей. Однако, прибежав в прихожую, Редькин не мог сообразить, зачем он тут очутился, и медленно, волоча ноги, поплёлся обратно в свою комнату.

<1935–1937>

Воспоминания одного мудрого старика

Я был очень мудрым стариком.

Теперь я уже не то, считайте даже, что меня нет. Но было время, когда любой из вас пришел бы ко мне, и какая бы тяжесть ни томила его душу, какие бы грехи ни терзали его мысли, я бы обнял его и сказал: «Сын мой, утешься, ибо никакая тяжесть души твоей не томит и никаких грехов не вижу я в теле твоём», и он убежал бы от меня счастливым и радостным.

Я был велик и силен. Люди, встречая меня на улице, шарахались в сторону, и я проходил сквозь толпу, как утюг.

Мне часто целовали ноги, но я не протестовал, я знал, что достоин этого. Зачем лишать людей радости почтить меня? Я даже сам, будучи чрезвычайно гибким в теле, попробовал поцеловать себе свою собственную ногу.

Я сел на скамейку, взял в руки свою правую ногу и подтянул ее к лицу. Мне удалось поцеловать большой палец на ноге. Я был счастлив. Я понял счастье других людей.

Все преклонялись передо мной! И не люди, даже звери, даже разные букашки ползали передо мной и виляли своими хвостами. А кошки! Те просто души во мне не чаяли и, каким-то образом сцепившись лапами друг с другом, бежали передо мной, когда я шел по лестнице.

В то время я был действительно очень мудр и все понимал. Не было такой вещи, перед которой я встал бы в тупик. Одна минута напряжения моего чудовищного ума — и самый сложный вопрос разрешался наипростейшим образом.

Меня даже водили в Институт мозга и показывали ученым профессорам. Те электричеством измерили мой ум и просто опупели. «Мы никогда ничего подобного не видали», — сказали они.

Я был женат, но редко видел свою жену. Она боялась меня: колоссальность моего ума подавляла ее. Она не жила, а трепетала, и если я смотрел на нее, она начинала икать. Мы долго жили с ней вместе, но потом она, кажется, куда-то исчезла: точно не помню.

Память — это вообще явление странное. Как трудно бывает что-нибудь запомнить и как легко забыть! А то и так бывает: запомнишь одно, а вспомнишь совсем другое. Или: запомнишь что-нибудь с трудом, но очень крепко, и потом ничего вспомнить не сможешь. Так тоже бывает. Я бы всем советовал поработать над своей памятью.

Я был всегда справедлив и зря никого не бил, потому что, когда кого-нибудь бьешь, то всегда жалеешь, и тут можно переборщить. Детей, например, никогда не надо бить ножом или вообще чем-нибудь железным. А женщин, наоборот: никогда не следует бить ногой. Животные, те, говорят, выносливее. Но я производил в этом направлении опыты и знаю, что это не всегда так.

Благодаря своей гибкости я мог делать то, чего никто не мог сделать.

Так, например, мне удалось однажды достать рукой из очень извилистой фановой трубы заскочившую туда серьгу моего брата. Я мог, например, спрятаться в сравнительно небольшую корзинку и закрыть за собой крышку.

Да, конечно, я был феноменален!

Мой брат был полная моя противоположность: во-первых, он был выше ростом, а во-вторых, — глупее.

Мы с ним никогда не дружили. Хотя, впрочем, дружили, и даже очень. Я тут что-то

напутал: мы именно с ним не дружили и всегда были в ссоре. А поссорились мы с ним так. Я стоял: там выдавали сахар, и я стоял в очереди и старался не слушать, что говорят кругом. У меня немножечко болел зуб, и настроение было неважное. На улице было очень холодно, потому что все стояли в ватных шубах и все-таки мерзли. Я тоже стоял в ватной шубе, но сам не очень мерз, а мерзли мои руки, потому что то и дело приходилось вынимать их из кармана и поправлять чемодан, который я держал, зажав ногами, чтобы он не пропал. Вдруг меня ударил кто-то по спине. Я пришел в неопишное негодование и с быстротой молнии стал обдумывать, как наказать обидчика. В это время меня ударили по спине вторично. Я весь насторожился, но решил голову назад не поворачивать и сделать вид, будто я ничего не заметил. Я только на всякий случай взял чемодан в руку. Прошло минут семь, и меня в третий раз ударили по спине. Тут я повернулся и увидел перед собой высокого пожилого человека в довольно поношенной, но все же хорошей ватной шубе.

— Что вам от меня нужно? — спросил я его строгим и даже слегка металлическим голосом.

— А ты чего не оборачиваешься, когда тебя окликают? — сказал он.

Я задумался над смыслом его слов, когда он опять открыл рот и сказал:

— Да ты что? Не узнаешь, что ли, меня? Ведь я твой брат.

Я опять задумался над его словами, а он снова открыл рот и сказал:

— Послушай-ка, брат. У меня не хватает на сахар четырех рублей, а из очереди уходить обидно. Одолжи-ка мне пятерку, и мы с тобой потом рассчитаемся.

Я стал раздумывать о том, почему брату не хватает четырех рублей, но он схватил меня за рукав и сказал:

— Ну так как же: одолжишь ты своему брату немного денег? — И с этими словами он сам расстегнул мне мою ватную шубу, залез ко мне во внутренний карман и достал мой кошелек.

— Вот, — сказал он, — я, брат, возьму у тебя займы некоторую сумму, а кошелек, вот смотри, я кладу тебе обратно в пальто. — И он сунул кошелек в наружный карман моей шубы.

Я был, конечно, удивлен, так неожиданно встретив своего брата.

Некоторое время я помолчал, а потом спросил его:

— А где же ты был до сих пор?

— Там, — отвечал мне брат и показал куда-то рукой.

Я задумался: где это «там», но брат подтолкнул меня в бок и сказал:

— Смотри: в магазин начали пускать.

До дверей магазина мы шли вместе, но в магазине я оказался один, без брата. Я на минуту выскочил из очереди и выглянул через дверь на улицу. Но брата нигде не было.

Когда я хотел опять занять в очереди свое место, меня туда не пустили и даже постепенно вытолкали на улицу. Я сдерживая гнев на плохие порядки, отправился домой. Дома я обнаружил, что мой брат изъясил из моего кошелька все деньги. Тут я страшно рассердился на брата, и с тех пор мы с ним никогда больше не мирились.

Я жил один и пускал к себе только тех, кто приходил ко мне за советом.

Но таких было много, и выходило так, что я ни днем, ни ночью не знал покоя.

Иногда я уставал до такой степени, что ложился на пол и отдыхал. Я лежал на полу до тех пор, пока мне не делалось холодно, тогда я вскакивал и начинал бегать по комнате, чтобы согреться. Потом я опять садился на скамейку и давал советы всем нуждающимся.

Они входили ко мне друг за другом, иногда даже не открывая дверей. Мне было весело смотреть на их мучительные лица. Я говорил с ними, а сам едва сдерживал смех.

Один раз я не выдержал и рассмеялся. Они с ужасом кинулись бежать, кто в дверь, кто в окно, а кто и прямо сквозь стену.

Оставшись один, я встал во весь свой могучий рост, открыл рот и сказал:

— Принтимврам.

Но тут во мне что-то хрустнуло, и с тех пор, можете считать, что меня больше нет.

<1936?>

«Один человек лёг спать верующим...»

Один человек лег спать верующим, а проснулся неверующим.

По счастью, в комнате этого человека стояли десятичные медицинские весы, и человек имел обыкновение каждый день утром и вечером взвешивать себя. И вот, ложась накануне спать, человек взвесил себя и узнал, что весит 4 пуда 21 фунт. А на другой день, встав неверующим, человек взвесил себя и узнал, что весит уже всего только 4 пуда 13 фунтов. «Следовательно, — решил этот человек, — моя вера весила приблизительно восемь фунтов.»

<1936–1937>

«Два человека разговорились...»

Два человека разговорились. Причем один человек заикался на гласных, а другой на гласных и согласных.

Когда они кончили говорить, стало очень приятно — будто потушили примус.

<1936–1937>

1938

«— Я не советую есть тебе много перца...»

— Я не советую есть тебе много перца. Я знал одного грека — мы с ним плавали на одном пароходе — он ел такое страшное количество перца и горчицы, что сыпал их в кушанья не глядя. Он, бедный, целые ночи просиживал с туфлей в руках...

— Почему? — спросил я.

— Потому что он боялся крыс, а на пароходе крыс было очень много. И вот он, бедняжка, в конце концов умер от бессоницы.

3 января 1938

Четвероногая ворона

Жила-была четвероногая ворона. Собственно говоря, у нее было пять ног, но об этом говорить не стоит.

Вот однажды купила себе четвероногая ворона кофе и думает: «Ну вот, купила я себе кофе, а что с ним делать?»

А тут, как на беду, пробежала мимо лиса. Увидала она ворону и кричит ей:

— Эй, — кричит, — ты, ворона!

А ворона лисе кричит:

— Сама ты ворона!

А лиса вороне кричит:

— А ты, ворона, свинья!

Тут ворона от обиды рассыпала кофе. А лиса прочь побежала. А ворона слезла на землю и пошла на своих четырех, или точнее, пяти ногах в свой паршивый дом.

<13 февраля 1938>

«У него был такой нос, что хотелось ткнуть...»

У него был такой нос, что хотелось ткнуть в него бильярдным кием.

* * *

За забором долго бранились и плевались. Слышно было, как кому-то плюнули в рот.

* * *

Это идет процессия. Зачем эта процессия идет? Она несёт вырванную у Пятипалова ноздрю. Ноздрю несут, чтобы зарыть в Летнем Саду.

* * *

Михайлов ходил по Летнему Саду, неся под мышкой гамак. Он долго искал, куда бы гамак повесить. Но всюду толкались неприятные сторожа. Михайлов передумал и сел на скамеечку. На скамеечке лежала забытая кем-то газета.

Лежала забытая кем-то газета.
Лежала забытая кем-то газета.
Михайлов садился на эту газету
И думать поспешал
И думать поспешал.

<март 1938>

«Когда сон бежит от человека, и человек лежит на кровати...»

Когда сон бежит от человека, и человек лежит на кровати, глупо вытянув ноги, а рядом на столике тикают часы, и сон бежит от часов, тогда человеку кажется, что перед ним распахивается огромное чёрное окно и в это окно должна вылететь его тонкая серенькая человеческая душа, а безжизненное тело останется лежать на кровати, глупо вытянув ноги, и часы прозвенят своим тихим звоном: «вот ещё один человек уснул», и в этот миг захлопнется огромное и совершенно чёрное окно.

Человек по фамилии Окнов лежал на кровати, глупо вытянув ноги, и старался заснуть. Но сон бежал от Окнова. Окнов лежал с открытыми глазами, и страшные мысли стучали в его одеревеневшей голове.

8 марта 1938 г.

Шапка

Отвечает один другому:

— Не видал я их.

— Как же ты их не видал, — говорит другой, — когда сам же на них шапки надевал?

— А вот, — говорит один, — шапки на них надевал, а их не видал.

— Да возможно ли это? — говорит другой с длинными усами.

— Да, — говорит первый, — возможно, — и улыбается синим ртом.

Тогда другой, который с длинными усами, пристает к синерожему, чтобы тот объяснил

ему, как это так возможно — шапки на людей надеть, а самих людей не заметить. А синерожий отказывается объяснять усатому, и качает своей головой, и усмехается своим синим ртом.

— Ах ты дьявол ты этакий, — говорит ему усатый. — Морочишь ты меня старика! Отвечай мне и не заворачивай мне мозги: видел ты их или не видел?

Усмехнулся ещё раз другой, который синерожий, и вдруг исчез, только одна шапка осталась в воздухе висеть.

— Ах, так вот кто ты такой! — сказал усатый старик и протянул руку за шапкой, а шапка от руки в сторону. Старик за шапкой, а шапка от него, не дается в руки старику.

Летит шапка по Некрасовской улице мимо булочной, мимо бань. Из пивной народ выбегает, на шапку с удивлением смотрит и обратно в пивную уходит. А старик бежит за шапкой, руки вперед вытянул, рот открыл; глаза у старика остеклянели, усы болтаются, а волосы перьями торчат во все стороны.

Добежал старик до Литейной, а там ему наперерез уже милиционер бежит и ещё какой-то гражданин в сером костюмчике. Схватили они безумного старика и повели его куда-то.

<21 июля 1938>

Поздравительное шествие

К семидесятилетию Наташи

Артамонов закрыл глаза, а Хрычов и Молотков стояли над Артамоновым и ждали.

— Ну, же! Ну, же! — торопил Хрычов.

А Молотков не утерпел и дёрнул стул, на котором сидел Артамонов, за задние ножки, и Артамонов свалился на пол.

— Ах так! — закричал Артамонов, поднимаясь на ноги. — Кто это меня со стула сбросил?

— Вы уж нас извините, — сказал Молотков, — мы ведь долго ждали, а вы всё молчите и молчите. Уж это меня черт попутал. Очень уж нам не терпелось.

— Не терпелось! — передразнил Артамонов. — А мне, пожилому человеку, по полу валяться? Эх, вы! Стыдно!

Артамонов стряхнул с себя соринки, приставшие к нему с пола и, сев опять на стул, закрыл глаза.

— Да что же это? А? Что же это? — заговорил вдруг Хрычов, глядя то на Молоткова, то на Артамонова.

Молотков постоял некоторое время в раздумье, а потом нагнулся и дернул задние ножки Артамоновского стула. Артамонов съехал со стула на пол.

— Это издевательство! — закричал Артамонов, — Это уже второй раз меня на пол скидывают! Это опять ты, Молотков?

— Да уж не знаю как сказать, товарищ Артамонов. Просто опять какое-то помутнение в мозгу было. Вы уж нас извините, тов. Артамонов! Мы ведь это только от нетерпения! — сказал Молотков и чихнул.

— Пожалеете об этом, — сказал Артамонов, поднимаясь с пола. — Пожалеете, сукины дети!

Артамонов сел на стул.

— Я тебе этого не спущу, — сказал Артамонов и погрозил кому-то пальцем.

Артамонов долго грозил кому-то пальцем, а потом спрятал руку за борт жилета и закрыл глаза.

Хрычев сразу заволновался:

— Ой! Что же это? Опять? Опять он! Ой!

Молотков отодвинул Хрычева в сторону и носком сапога выбил стул из-под

Артамонова. Артамонов грузно рухнул на пол.

— Трижды! — сказал Артамонов шепотом. — Хорошо-с!..

В это время дверь открылась и в комнату вошёл я.

— Стоп! — сказал я. — Прекратите это безобразие! Сегодня Наталии Ивановне исполнилось семьдесят лет.

Артамонов, сидя на полу, повернул ко мне свое глупое лицо и, указав пальцем на Молоткова, сказал:

— Он меня трижды со стула на пол скинул...

— Цыц! — крикнул я. — Встать!

Артамонов встал.

— Взяться за руки! — скомандовал я.

Артамонов, Хрычев и Молотков взялись за руки.

— А теперь за-а мной!

И вот, постукивая каблуками, мы двинулись по направлению к Детскому Селу. <Я шел спереди, обдумывая ритуал поздравления.>

2 августа 1938

<Я спешу, и потому, может быть, почерк мой небрежен и слог неясен.>

Бытовая сценка

Водевиль

Сно : Здравствуйте! Эх, выпьем! Эй! Гуляй-ходи! Эх! Эх! Эх!

Мариша : Да что с вами. Евгений Эдуардович?

Сно : Эх! Пить хочу! Эх, гуляй-ходи!

Мариша : Постойте, Евгений Эдуардович, вы успокойтесь. Хотите, я чай поставлю.

Сно : Чай? Нет. Я водку хлебать хочу.

Мариша : Евгений Эдуардович, милый, да что с вами? Я вас узнать не могу.

Сно : Ну и неча узнавать! Гони, мадам, водку!

Мариша : Господи, да что же это такое? Даня! Даня!

Даня (*лёжа на полу в прихожей*) : Ну? Чего там ещё?

Мариша : Да что же мне делать? Что же это такое?

Сно : Эх, гуляй-ходи! (*пьет водку и выбрасывает ее фонтаном через нос*) .

Мариша (*залезая за фисгармонию*) : Заступница пресвятая! Мать пресвятая Богородица!

Хармс (*лежа в прихожей на полу*) : Эй ты, там, слова молитв путаешь!

Сно (*разбивая бутылкой стеклянную дверцу шкапа*) : Эх, гуляй-ходи!

Падает занавес. Слышно как Мариша чешет себе голову.

Вера, Надежда, Любовь, София.

<30 сентября> 1938 года

«Меня называют капуцином...»

Меня называют капуцином. Я за это, кому следует, уши оборву, а пока что не даёт мне покоя слава Жан-Жака Руссо. Почему он всё знал? И как детей пеленать, и как девиц замуж выдавать! Я бы тоже хотел так всё знать. Да я уже всё знаю, но только в знаниях своих не уверен. О детях я точно знаю, что их не надо вовсе пеленать, их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей. А чтобы из ямы не шла вонь разложения, её можно каждую неделю заливать негашеной известью. В ту же яму я столкнул

бы всех немецких овчарок. Теперь о том, как выдавать девиц замуж. Это, по-моему, ещё проще. Я бы устроил общественный зал, где бы, скажем, раз в месяц собиралась вся молодёжь. Все, от 17 до 35 лет, должны раздеться голыми и прохаживаться по залу. Если кто кому понравился, то такая пара уходит в уголок и там рассматривает себя уже детально. Я забыл сказать, что у всех на шее должна висеть карточка с именем, фамилией и адресом. Потом тому, кто пришёлся по вкусу, можно послать письмо и завязать более тесное знакомство. Если же в эти дела вмешивается старик или старуха, то предлагаю зарубать их топором и волочить туда же, куда и детей, в центральную яму.

Я бы написал ещё об имеющихся во мне знаниях, но, к сожалению, должен идти в магазин за махоркой. Идя на улицу, я всегда беру с собой толстую, сучковатую палку.

Беру я её с собой, чтобы колотить ею детей, которые подворачиваются мне под ноги. Должно быть, за это прозвали меня капуцином. Но подождите, сволочи, я вам обдеру ещё уши!

<12 октября 1938>

Тетрадь

Мне дали пощечину.

Я сидел у окна. Вдруг на улице что-то свистнуло. Я высунулся на улицу из окна и получил пощечину.

Я спрятался опять в дом. И вот теперь на моей щеке горит, как раньше говорили, несмываемый позор.

Такую боль обиды я испытал раньше только один раз. Это было так. Одна прекрасная дама, незаконная дочь короля, подарила мне роскошную тетрадь. Это был для меня настоящий праздник: так хороша была тетрадь! Я сразу сел и начал писать туда стихи. Но когда эта дама, незаконная дочь короля, увидала, что я пишу в эту тетрадь черновики, она сказала:

— Если бы я знала, что вы сюда будете писать свои бездарные черновики, никогда бы не подарила я вам этой тетради. Я ведь думала, что эта тетрадь вам послужит для списывания туда умных и полезных фраз, вычитанных вами из различных книг.

Я вырвал из тетради написанные мной листки и вернул тетрадь даме.

И вот теперь, когда мне дали пощечину через окно, я ощутил знакомое мне чувство. Это было то же чувство, какое я испытал, когда вернул прекрасной даме ее роскошную тетрадь.

<12 октября 1938>

Художник и часы

Серов, художник, пошел на Обводной канал. Зачем он туда пошел? Покупать резину. Зачем ему резина? Чтобы сделать себе резинку. А зачем ему резинка? А чтобы ее растягивать. Вот. Что еще? А ещё вот что: художник Серов поломал свои часы. Часы хорошо ходили, а он их взял и поломал. Чего еще? А более ничего. Ничего, и всё тут! И свое поганое рыло куда не надо не суй! Господи помилуй!

Жила-была старушка. Жила, жила и сгорела в печке. Туда ей и дорога!

Серов, художник, по крайней мере так рассудил...

Эх! Написать бы ещё, да чернильница куда-то исчезла.

<22 октября 1938>

Новый талантливый писатель

Андрей Андреевич придумал рассказ.

В старинном замке жил принц, страшный пьяница. А жена этого принца, наоборот, не пила даже чаю, только воду и молоко пила. А муж ее пил водку и вино, а молока не пил. Да и жена его, собственно говоря, тоже водку пила, но скрывала это. А муж был бесстыдник и не скрывал. «Не пью молока, а водку пью!» — говорил он всегда. А жена тихонько, из-под фартука, вынимала баночку и хлоп, значит, выпивала. Муж ее, принц, говорит: «Ты бы и мне дала». А жена, принцесса, говорит: «Нет, самой мало. Хю!» — «Ах ты», говорит принц, «ледя!» И с этими словами хватя жену об пол! Жена себе всю харю расшибла, лежит на полу и плачет. А принц в мантию завернулся и ушел к себе на башню. Там у него клетки стояли. Он, видите ли, там кур разводил.

Вот пришел принц на башню, а там куры кричат, пищи требуют. Одна курица даже ржать начала. «Ну ты, — говорит ей принц, — шантоклер! Молчи, пока по зубам не попало!» Курица слов не понимает и продолжает ржать. Выходит, значит, что курица на башне шумит, принц, значит, матерно ругается, а жена внизу, на полу лежит — одним словом, настоящий содом.

Вот какой рассказ выдумал Андрей Андреевич. Уже по этому рассказу можно судить, что Андрей Андреевич крупный талант. Андрей Андреевич очень умный человек. Очень умный и очень хороший!

<12 и 30 октября 1938>

Воспитание

Один матрос купил себе дом с крышей. Вот поселился матрос в этом доме и расплодил детей. Столько расплодил детей, что деваться от них стало некуда. Тогда матрос купил няньку и говорит ей: «Вот тебе, нянька, мои дети. Няньчи их и угождай им во всём, но только смотри, чтобы они друг друга не перекусали. Если же они очень шалить будут, ты их полей скипидаром или уксусной эссенцией. Они тогда замолкнут. А потом ещё вот что, нянька, ты конечно любишь есть. Так вот уж с этим тебе придётся проститься. Я тебе есть давать не буду».

— Пойдите, да как же так? — испугалась нянька. — Ведь всякому человеку есть нужно. «Ну, как знаешь, но только пока ты моих детей няньчишь, — есть не смей!» Нянька было на дыбы, но матрос стегнул её палкой и нянька стихла.

— Ну а теперь, — сказал матрос, — валяй моих сопляков!

И вот таким образом началось воспитание матросских детей.

<1935–1938>

Дедка за репку

(балет)

Пустая сцена. Слева из земли что-то торчит. Должно быть, репка. Играет музыка. Над рекой летает птичка. Справа на сцене стоит неподвижная фигура.

Выходит мужичёнка. Чешет бородку. Музыка играет. Мужичёнка изредка притоптывает. Потом чаще. Потом пускается танцевать, напевая достаточно громко: «Уж я репу посадил-дил-дил-дил-дил-дил!» Пляшет и смеётся. Птичка летает. Мужичёнка ловит её шапкой. Птичка же улетает.

Мужичёнка швыряет шляпу об пол и идёт в присядку, а сам опять поёт: «Уж я репу посадил-дил-дил-дил-дил-дил!» На сцене справа наверху открывается ширмочка. Там на

висячем балконе сидит кулак и Андрей Семёнович в золотом пенсне. Оба пьют чай. Перед ними на столе стоит самовар.

Кулак : Он её посадил, а мы вытянем. Верно?

Андр. Сем. : Верно! (*ржёт тоненьким голоском*).

Кулак (*ржёт басом*).

Низ. Мужичёнка, танцуя, удаляется (*музыка играет всё тише и тише и наконец едва слышно*).

Верх. Кулак и Андр. Сем. беззвучно смеются и строят друг другу рожи. Кому-то показывают кулаки. Кулак показывает кулак, потрясая им над головой, а Андр. Сем. кажет кулак из-под стола.

Низ. Музыка играет <Yankee->Doodle. Выходит Американец и тянет на верёвочке автомобиль фордан. Танец вокруг репы.

Верх. Кулак и Андр. Сем. стоят, открыв рты. Музыка замолкает. Американец останавливается.

Кулак : Это что за фрукт?

Андр. Сем. : Это, как бы сказать, Америка.

(*музыка играет дальше*)

Низ. Американец танцует дальше. Пританцовывает к репе и начинает её тянуть.

Музыка затихает до едва слышной.

Кулак (*сверху*): Что, силёнки не хватает?

Андр. Сем. : Не орите так, Селифан Митрофанович, они обидятся.

(*Музыка громко играет At the long way to the*).

Низ. Выплывает тётя Англия. На ногах броненосцы, в руках парашют. Пляшет в сторону репы. В это время Американец ходит вокруг репы и разглядывает её.

Кулак (*сверху*): Это что за Галандия?

Андр. Сем. (*обиженно*): И вовсе не Галандия а Англия.

Кулак : Валяй тяни чтоб в Колхоз не попало!

Андр. Сем. : Тише (*озирается*.) Не услышал бы кто.

(*Музыка вовсю*)

Низ. Выбегает Франция. — Ah! Ah! Ah!.. Voila! ёй! ёй! ёй! Voici! Но! Но! Но!

Кулак (*сверху*): Вот тебе и вуалё!

Андр. Сем. : Селифан Митрофанович! Зачем же так! Это по ихнему неприлично. Вас за фулигана примуть. (*Кричит вниз*) — Madame! C'est le кулак. Он с вами attande в одно место думает.

Франция : Ииих! (*взвизгивает и дрыгает ногой*).

Андрей Семёнович посылает ей воздушный поцелуй. Всё гаснет и тухнет.

Фигура внизу (*в темноте*): Тьфу дьявол! Пробки перегорели!

Всё освещается. Фигуры нет. Америка, Англия и Франция тянут репу. Выходит Пильсудский — Польша. Музыка играет. Пильсудский танцует на середину. Музыка останавливается. Пильсудский тоже. Достает большой платок, сморкается в него и снова прячет. Музыка играет мазурку. Пильсудский кидается её танцевать. Останавливается около репы.

(*Музыка играет едва слышно*).

Кулак : Андрей Семёнович, валяй вниз. Они всё повыдергают.

Андр. Сем. : Обождите, Селифан Митрофанович. Пусть подергают. А как выдернут, обязательно упадут. А мы репу-то да в мешок! А им кукиш!

Кулак : А им кукиш!

Низ. Тянут репу. Кличут на подмогу Германию. Выходит немец. Танец немца. Он толстый. Становится на четверинки и неуклюже прыгает ногами на одном месте.

Музыка переходит на «Ach mein lieber Augustin!» Немец пьёт пиво. Идёт к репе.

Кулак (*сверху*): Тэк-тэк-тэк! Валяй, Андрей Семёнович! В самый раз придём.

Андрей Сем. : И репу в мешок!

(Андр. Сем. берёт мешок, а кулак самовар и идут на лестницу. Ширмочка закрывается).

Низ . Выбегает католик. Танец католика. В конце танца появляется Кулак и Андрей Семёнович. У кулака под мышкой самовар. Ряд тянет репку.

Кулак : Валяй, валяй, валяй! Валяй, ребята! Тяни! Ты пониже хватай! А ты американца под локотки! А ты, долговязый, вон его за пузо придерживай! А теперь валяй! Тык тык тк тк тк.

(Ряд топчется на месте. Раздувается и сближается. Музыка играет всё громче. Ряд обегает вокруг репы и вдруг с грохотом падает).

Андр. Сем. хлопчет около люка с мешком. Но из люка вылезает огромный Красноармеец. Кулак и Андр. Сем. падают вверх тормашкой.

<1935–1938>

«У Колкова заболела рука и он пошёл в амбулаторию...»

У Колкова заболела рука и он пошёл в амбулаторию.

По дороге у него заболела и вторая рука. От боли Колков сел на панель и решил дальше никуда не идти. Прохожие проходили мимо Колкова и не обращали на него внимания. Только собака подошла к Колкову, понюхала его и, подняв заднюю лапу, прыснула Колкову в лицо собачьей гадостью. Как бешеный вскочил Колков и со всего маху ударил собаку ногой под живот. С жалобным визгом поползла собака по панели, волоча задние ноги. На Колкова накинулась какая-то дама и, когда Колков попытался оттолкнуть её, дама вцепилась ему в рукав и начала звать милиционера. Колков не мог больными руками освободиться от дамы и только старался плюнуть ей в лицо.

Это удалось ему сделать уже раза четыре и дама, зажмурив свои заплёванные глаза, визжала на всю улицу. Кругом уже собиралась толпа. Люди стояли, тупо глядели и порой выражали своё сочувствие Колкову.

— Так её! Так её! — говорил рослый мужик в коричневом пиджаке, ковыряя перед собой в воздухе кривыми пальцами с черными ногтями.

— Тоже ешшо барыня! — говорила толстогубая баба, завязывая под подбородком головной платок.

В это время Колков изловчился и пнул даму коленом под живот. Дама взвизгнула и, отскочив от Колкова, согнулась в три погибели от страшной боли.

— Здорово он её в передок! — сказал мужик с грязными ногтями.

А Колков, отделавшись от дамы, быстро зашагал прочь. Но вдруг, дойдя до Загородного проспекта, Колков остановился: он забыл, зачем он вышел из дома.

— Господи! Зачем же я вышел из дома? — говорил сам себе Колков, с удивлением глядя на прохожих. И прохожие тоже с удивлением глядели на Колкова, а один старичок прошёл мимо и потом всё время оглядывался, пока не упал и не разбил себе в кровь свою старческую рожу. Это рассмешило Колкова и, громко хохоча, он пошёл по Загородному.

<1936–1938>

Случай с моей женой

У моей жены опять начали корёжиться ноги. Хотела она сесть на кресло, а ноги отнесли её куда-то к шкапу и даже дальше по коридору и посадили её на кардонку. Но жена моя, напрягши волю, поднялась и двинулась к комнате, однако ноги её опять нашалили и пронесли её мимо двери. «Эх, черт!..» — сказала жена, уткнувшись головой под конторку. А ноги её продолжали шалить и даже разбили какую-то стеклянную миску, стоявшую на полу в прихожей.

Наконец, жена моя уселась в своё кресло.

— Вот и я, — сказала моя жена, широко улыбаясь и вынимая из ноздрей застрявшие там щепочки.

<1936–1938>

«Так началось событие в соседней квартире...»

Так началось событие в соседней квартире. Алексеев съел кашу, а недоеденные остатки выбросил на общей кухне в помойное ведро. Увидев это, жена Горохова сказала Алексееву, что вчера она выносила это ведро на двор, а теперь, если он желает им пользоваться, то пусть сам выносит его сегодня же вечером. Алексеев сказал, что ему некогда заниматься такими пустяками и предложил мадам Гороховой платить три рубля в месяц, с тем, чтобы она вычищала это ведро. Мадам Горохова так оскорбилась этим предложением, что наговорила Алексееву много лишних слов и даже бросила на пол столовую ложку, которую держала в руках, сказав при этом, что она вполне благородного происхождения и видала в жизни лучшие времена, и что она, в конце концов, не прислуга и потому не станет даже за собой поднимать оброненные вещи. С этими словами мадам Горохова вышла из кухни, оставив растерявшегося Алексеева одного около помойного ведра. Значит теперь Алексееву придётся тащить ведро на двор к помойной яме. Это было страшно неприятно. Алексеев задумался. Ему научному работнику, возиться с помойным ведром! Это, по меньшей мере, оскорбительно. Алексеев прошёлся по кухне. Внезапная мысль блеснула в его голове. Он поднял оброненную мадам Гороховой ложку и твёрдыми шагами подошёл к ведру.

— Да, — сказал Алексеев и опустился перед ведром на корточки. Давясь от отвращения, он съел всю кашу и выскреб ложкой и пальцами дно ведра.

— Вот, — сказал Алексеев, моя под краном ложка. — А ведро я всё-таки на двор не понесу.

Вытерев ложку носовым платком, Алексеев положил её на кухонный стол и ушёл в свою комнату.

Несколько минут спустя на кухню вышла рассерженная мадам Горохова. Она мгновенно заметила, что ложка поднята с пола и лежит на столе. Мадам Горохова заглянула в помойное ведро и, видя, что и ведро находится в полном порядке, пришла в хорошее настроение и, сев на табурет, принялась шинковать морковь.

— Уж если я что-нибудь захочу, то непременно добыю своего, — говорила сама с собой мадам Горохова. — Уж лучше мне никогда не перечить. Я своего никому не уступлю. Вот ни столечко! — сказала мадам Горохова, отрезая от моркови каплюшечный кусочек.

В это время по коридору мимо кухни прошёл Алексеев.

— Алексей Алексеевич! — крикнула мадам Горохова. — Куда вы уходите?

— Я не уйду, Виктория Тимофеевна, — сказал Алексеев, останавливаясь в дверях. — Это я в ванную шёл.

<1936–1938>

«Востряков. смотрит в окно на улицу...»

ВОСТРЯКОВ *смотрит в окно на улицу* :

Смотрю в окно и вижу снег.

Картина зимняя давно душе знакома.

Какой-то глупый человек

Стоит в подъезде противоположного дома.

Он держит пачку книг под мышкой

Он курит трубку с медной крышкой.
Теперь он быстрыми шагами
Дорогу переходит вдруг,
Вот он исчез в оконной раме.

(Стук в дверь.)

Теперь я слышу в двери стук.
Кто там?

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ :

Откройте. Телеграмма.

ВОСТРЯКОВ :

Врет. Чувствую, что это ложь.
И вовсе там не телеграмма.
Я сердцем чую острый нож.
Открыть иль не открыть?

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ :

Откройте!
Чего вы медлите?

ВОСТРЯКОВ :

Постойте!
Вы суньте мне под дверь посланье.
Замок поломан. До свиданья.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ :

Вам нужно в книге расписаться.
Откройте мне скорее дверь.
Меня вам нечего бояться,
Скорей откройте. Я не зверь.

ВОСТРЯКОВ (*приоткрывая дверь*):

Войдите. Где вы? Что такое?

(Смотрит за дверь.)

Куда же он пропал? Он не мог далеко уйти. Спрятаться тут негде. Куда же он делся?
Улица совсем пустая. Боже мой! И на снегу нет следов! Значит, никто к моей двери не подходил. Кто же стучал? Кто говорил со мной через дверь?

(Закрывает дверь.)

<1937–1938>

1939

«Я поднял пыль. Дети бежали за мной...»

Я поднял пыль. Дети бежали за мной и рвали на себе одежду. Старики и старухи падали с крыш. Я свистел, я громыхал, я лязгал зубами и стучал железной палкой. Рваные дети мчались за мной и, не поспевая, ломали в страшной спешке свои тонкие ноги. Старики и старухи скакали вокруг меня. Я несся вперед! Грязные, рахитичные дети, похожие на грибы-поганки, путались под моими ногами. Мне было трудно бежать. Я поминутно спотыкался и раз даже чуть не упал в мягкую кашу из барахтающихся на земле стариков и старух. Я прыгнул, оборвал нескольким поганкам головы и наступил на живот худой старухи, которая при этом хрустнула и тихо произнесла: «Замучили!» Я, не оглядываясь, побежал дальше. Теперь под моими ногами была чистая и ровная мостовая. Редкие фонари освещали мне путь. Я подбежал к бане. Приветливый банный огонек уже мелькал передо мной, и банный, уютный, но душный, пар уже лез мне в ноздри, уши и рот. Я, не раздеваясь, пробежал сквозь предбанник, потом мимо кранов, шаек и нар, прямо к полке. Горячее белое облако окружило меня. Я слышу слабый, но настойчивый звон. Я, кажется, лежу.

...И вот тут-то могучий отдых остановил мое сердце.

<1 февраля 1939>

Вторая половина 1930-х

«Я не люблю детей, стариков, старух...»

Я не люблю детей, стариков, старух, и благоразумных пожилых.

* * *

Травить детей — это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!

* * *

Я уважаю только молодых, здоровых и пышных женщин. К остальным представителям человечества я отношусь подозрительно.

* * *

Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы ловить арканом.

* * *

Всякая морда благоразумного фасона вызывает во мне неприятное ощущение.

* * *

Что такое цветы? У женщин между ног пахнет значительно лучше. То и то природа, а потому никто не смеет возмущаться моим словам.

Красная <гибель?>

Один инженер довольно много рассуждал о французской истории. И дорассуждался до того, что его вытолкали со службы. Несчастный инженер так этим опечалился, что решил отравить себя каким-нибудь ядом.

Не долго думая, инженер съел пол кило какой-то пшеничной сулемы. Ему сказали, что эта пшеничная сулема самый сильный яд, но инженер съел его пол кило и остался жив. Правда, его немного помутило, но даже не вырвало.

«Он был так грязен, что однажды...»

Он был так грязен, что однажды, рассматривая свои ноги, он нашёл между пальцев засохшего клопа, которого, видно, носил в сапоге уже несколько дней.

«Одному французу подарили диван...»

Одному французу подарили диван, четыре стула и кресло.

Сел француз на стул у окна, а самому хочется на диване полежать.

Лег француз на диван, а ему уже на кресле посидеть хочется.

Встал француз с дивана и сел на кресло, как король, а у самого мысли в голове уже такие, что на кресле-то больно пышно. Лучше попроще, на стуле.

Пересел француз на стул у окна, да только не сидится француз на этом стуле, потому что в окно как-то дует.

Француз пересел на стул возле печки и почувствовал, что он устал.

Тогда француз решил лечь на диван и отдохнуть, но, не дойдя до дивана, свернул в сторону и сел на кресло.

— Вот где хорошо! — сказал француз, но сейчас же прибавил: — А на диване-то, пожалуй, лучше.

1940

Рыцари

Был дом, наполненный старухами. Старухи целый день шатались по дому и били мух бумажными фунтиками. Всех старух в этом доме было тридцать шесть. Самая бойкая старуха по фамилии Юфлева командовала другими старухами. Непослушных старух она щипала за плечи или подставляла им подножку, и они падали и разбивали свои рожи. Старуха Звякина, наказанная Юфлевой, упала так неудачно, что сломала свои обе челюсти. Пришлось вызвать доктора. Тот пришел, надел халат и, осмотрев Звякину, сказал, что она слишком стара, чтобы можно было рассчитывать на исправление ее челюстей. Затем доктор попросил дать ему молоток, стамеску, клещи и веревку. Старухи долго носились по дому, не зная, как выглядят клещи и стамеска, приносили доктору все, что казалось им похожим на инструменты. Доктор долго ругался, но наконец, получив все требуемые предметы, попросил всех удалиться. Старухи, сгорая от любопытства, удалились с большим неудовольствием. «Ну-с», — сказал доктор и, схватив Звякину, крепко связал ее веревкой. Потом доктор, не обращая внимания на громкие крики и вой Звякиной, приставил к ее челюсти стамеску и сильно ударил по стамеске молотком. Звякина завывала хриплым басом. Раздробив стамеской челюсти Звякиной, доктор схватил клещи и, зацепив ими звякинские челюсти, вырвал их. Звякина выла, кричала и хрипела, обливаясь кровью. А доктор бросил клещи и вырванные звякинские челюсти на пол, снял халат, вытер об него свои руки и, подойдя к двери, открыл ее. Старухи с визгом ввалились в комнату и выпученными глазами

установились, кто на Звякину, а кто на окровавленные куски, валявшиеся на полу. Доктор протолкался между старухами и ушел. Старухи кинулись к Звякиной. Звякина затихла и, видно, начала умирать. Юфлева стояла тут же, смотрела на Звякину и грызла семечки. Старуха Бяшечина сказала: «Вот, Юфлева, когда-нибудь и мы с тобой усопнем». Юфлева лягнула Бяшечину, но та вовремя успела отскочить в сторону.

— Пойдемте же, старухи! — сказала Бяшечина. — Чего нам тут делать?

Пусть Юфлева со Звякиной возится, а мы пойдемте мух бить.

И старухи двинулись из комнаты.

Юфлева, продолжая лузгать семечки, стояла посередине комнаты и смотрела на Звякину. Звякина затихла и лежала неподвижно. Может быть, она умерла. Однако на этом автор заканчивает повествование, так как не может отыскать своей чернильницы.

<21 июня 1940 года>

Победа Мышина

Мышину сказали:

— Эй, Мышин, вставай!

Мышин сказал:

— Не встану, — и продолжал лежать на полу.

Тогда к Мышину подошел Калугин и сказал:

— Если ты, Мышин, не встанешь, я тебя заставлю встать.

— Нет, — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

К Мышину подошла Селизнева и сказала:

— Вы, Мышин, вечно валяетесь на полу в коридоре и мешаете нам ходить взад и вперед.

— Мешал и буду мешать, — сказал Мышин.

— Ну, знаете, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Да чего тут долго разговаривать! Звоните в милицию.

Позвонили в милицию и вызвали милиционера.

Через полчаса пришел милиционер с дворником.

— Чего у вас тут? — спросил милиционер.

— Полюбуйтесь, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Вот. Этот гражданин все время лежит тут на полу и мешает нам ходить по коридору.

Мы его и так и этак...

Но тут Калугина перебила Селизнева и сказала:

— Мы его просили уйти, а он не уходит.

— Да, — сказал Коршунов.

Милиционер подошел к Мышину.

— Вы, гражданин, зачем тут лежите? — сказал милиционер.

— Отдыхаю, — сказал Мышин.

— Здесь, гражданин, отдыхать не годится, — сказал милиционер. — Вы где, гражданин, живете?

— Тут, — сказал Мышин.

— Где ваша комната? — спросил милиционер.

— Он прописан в нашей квартире, а комнаты не имеет, — сказал Калугин.

— Обождите, гражданин, — сказал милиционер, — я сейчас с ним говорю. Гражданин, где вы спите?

— Тут, — сказал Мышин.

— Позвольте, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Он даже кровати не имеет и валяется на голом полу.

— Они давно на него жалуются, — сказал дворник.

— Совершенно невозможно ходить по коридору, — сказала Селизнева. — Я не могу вечно шагать через мужчину. А он нарочно ноги вытянет, да ещё руки вытянет, да ещё на спину ляжет и глядит. Я с работы усталая прихожу, мне отдых нужен.

— Присовокупляю, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Он и ночью здесь лежит. Об него в темноте все спотыкаются. Я через него одеяло свое разорвал.

Селизнева сказала:

— У него вечно из кармана какие-то гвозди вываливаются. Невозможно по коридору босой ходить, того и гляди ногу напорешь.

— Они давеча хотели его керосином пожечь, — сказал дворник.

— Мы его керосином облили, — сказал Коршунов, но его перебил Калугин и сказал:

— Мы его только для страха облили, а поджечь и не собирались.

— Да я бы не позволила в своем присутствии живого человека жечь, — сказала Селизнева.

— А почему этот гражданин в коридоре лежит? — спросил вдруг милиционер.

— Здравьте пожалуйста! — сказал Коршунов, но Калугин его перебил и сказал:

— А потому что у него нет другой жилплощади: вот в этой комнате я живу, в той — вот они, в этой — вот он, а уж Мышин тут, в коридоре живет.

— Это не годится, — сказал милиционер. — Надо, чтобы все на своей жилплощади лежали.

— А у него нет другой жилплощади, как в коридоре, — сказал Калугин.

— Вот именно, — сказал Коршунов.

— Вот он вечно тут и лежит, — сказала Селизнева.

— Это не годится, — сказал милиционер и ушел вместе с дворником.

Коршунов подскочил к Мышину.

— Что? — закричал он. — Как вам это по вкусу пришлось?

— Подождите, — сказал Калугин и, подойдя к Мышину, сказал: — Слышал, чего говорил милиционер? Вставай с полу!

— Не встану, — сказал Мышин, продолжая лежать на полу.

— Он теперь нарочно и дальше будет вечно тут лежать, — сказала Селизнева.

— Определенно, — сказал с раздражением Калугин.

И Коршунов сказал:

— Я в этом не сомневаюсь. Parfaitement!²

<8 ноября 1940>

Лекция

Пушков сказал:

— Женщина — это станок любви.

И тут же получил по морде.

— За что? — спросил Пушков.

Но, не получив ответа на свой вопрос продолжал:

— Я думаю так: к женщине надо подкатываться снизу. Женщины это любят и только делают вид, что они этого не любят.

Тут Пушкова опять стукнули по морде.

— Да что же это такое, товарищи! Я тогда и говорить не буду, — сказал Пушков.

Но, подождав с четверть минуты, продолжал:

— Женщина устроена так, что она вся мягкая и влажная.

² Совершенно верно! (франц.)

Тут Пушкова опять стукнули по морде. Пушков попробовал сделать вид, что он этого не заметил и продолжал:

— Если женщину понюхать...

Но тут Пушкова так сильно трахнули по морде, что он схватился за щеку и сказал:

— Товарищи, в таких условиях совершенно невозможно провести лекцию. Если это будет ещё повторяться, я замолчу.

Пушков подождал четверть минуты и продолжал:

— На чем мы остановились? Ах да! Так вот. Женщина любит смотреть на себя. Она садится перед зеркалом совершенно голая...

На этом слове Пушков опять получил по морде.

— Голая, — повторил Пушков.

Трах! — отвесили ему по морде.

— Голая! — крикнул Пушков.

Трах! — получил по морде.

— Голая! Женщина голая! Голая баба! — кричал Пушков.

Трах! Трах! Трах! — получил Пушков по морде.

— Голая баба с ковшом в руках! — кричал Пушков.

Трах! Трах! — сыпались на Пушкова удары.

— Бабий хвост! — кричал Пушков, увертываясь от ударов. — Голая монашка!

Но тут Пушкова ударили с такой силой, что он потерял сознание и как подкошенный рухнул на пол.

<12 августа 1940>

Пашквиль

Знаменитый чтец Антон Исаакович Ш. — то самое историческое лицо, которое выступало в сентябре месяце 1940 года в Литейном лектории, — любило перед своими концертами полежать часок-другой и отдохнуть. Ляжет оно, бывало, на кушет и скажет:

— Буду спать, — а само не спит.

После концертов оно любило поужинать.

Вот оно придет домой, рассядется за столом и говорит своей жене:

— А ну, голубушка, состряпай-ка мне что-нибудь из лапши.

И пока жена его стряпает, оно сидит за столом и книгу читает.

Жена его хорошенькая, в кружевном передничке, с сумочкой в руках, а в сумочке кружевной платочек и ватрушечный медальончик лежат, жена его бегаёт по комнате, каблучками стучит, как бабочки, а оно скромно за столом сидит, ужина дожидается.

Все так складно и прилично. Жена ему что-нибудь приятное скажет, а оно головой кивает. А жена порх к буфетику и уже рюмочками там звенит.

— Налей-ка, душечка, мне рюмочку, — говорит оно.

— Смотри, голубчик, не спейся, — говорит ему жена.

— Авось, пупочка, не сопьюсь, — говорит оно, опрокидывая рюмочку в рот.

А жена грозит ему пальчиком, а сама боком через двери на кухню бежит.

Вот в таких приятных тонах весь ужин проходит. А потом они спать закладываются.

Ночью, если им мухи не мешают, они спят спокойно, потому что уж очень они люди хорошие!

<1940>

Помеха

Пронин сказал:

— У вас очень красивые чулки.
Ирина Мазер сказала:
— Вам нравятся мои чулки?
Пронин сказал:
— О, да. Очень. — И схватился за них рукой.
Ирина сказала:
— А почему вам нравятся мои чулки?
Пронин сказал:
— Они очень гладкие.
Ирина подняла свою юбку и сказала:
— А видите, какие они высокие?
Пронин сказал:
— Ой, да, да.
Ирина сказала:
— Но вот тут они уже кончаются. Тут уже идет голая нога.
— Ой, какая нога! — сказал Пронин.
— У меня очень толстые ноги, — сказала Ирина. — А в бедрах я очень широкая.
— Покажите, — сказал Пронин.
— Нельзя, — сказала Ирина, — я без пантолон.
Пронин опустился перед ней на колени.
Ирина сказала:
— Зачем вы встали на колени?
Пронин поцеловал ее ногу чуть повыше чулка и сказал:
— Вот зачем.
Ирина сказала:
— Зачем вы поднимаете мою юбку ещё выше? Я же вам сказала, что я без панталон.
Но Пронин все-таки поднял ее юбку и сказал:
— Ничего, ничего.
— То есть как это так, ничего? — сказала Ирина.
Но тут в дверь кто-то постучал. Ирина быстро одернула свою юбку, а Пронин встал с пола и подошел к окну.
— Кто там? — спросила Ирина через двери.
— Откройте дверь, — сказал резкий голос.
Ирина открыла дверь, и в комнату вошел человек в черном пальто и в высоких сапогах. За ним вошли двое военных, низших чинов, с винтовками в руках, а за ними вошел дворник. Низшие чины встали около двери, а человек в черном пальто подошел к Ирине Мазер и сказал:
— Ваша фамилия?
— Мазер, — сказала Ирина.
— Ваша фамилия? — спросил человек в черном пальто, обращаясь к Пронину.
Пронин сказал:
— Моя фамилия Пронин.
— У вас оружие есть? — спросил человек в черном пальто.
— Нет, — сказал Пронин.
— Сядьте сюда, — сказал человек в черном пальто, указывая Пронину на стул.
Пронин сел.
— А вы, — сказал человек в черном пальто, обращаясь к Ирине, — наденьте ваше пальто. Вам придется с нами поехать.
— Зачем? — сказала Ирина.
Человек в черном пальто не ответил.
— Мне нужно переодеться, — сказала Ирина.
— Нет, — сказал человек в черном пальто.

— Но мне нужно ещё кое-что на себя надеть, — сказала Ирина.
— Нет, — сказал человек в черном пальто.
Ирина молча надела свою шубку.
— Прощайте, — сказала она Пронину.
— Разговоры запрещены, — сказал человек в черном пальто.
— А мне тоже ехать с вами? — спросил Пронин.
— Да, — сказал человек в черном пальто. — Одевайтесь.
Пронин встал, снял с вешалки свое пальто и шляпу, оделся и сказал:
— Ну, я готов.
— Идемте, — сказал человек в черном пальто.
Низшие чины и дворник застучали подметками.
Все вышли в коридор.
Человек в черном пальто запер дверь Ириной комнаты и запечатал ее двумя бурыми печатями.
— Дашь на улицу, — сказал он.
И все вышли из квартиры, громко хлопнув наружной дверью.

<1940>

«Перечин сел на кнопку, и с этого момента...»

«Перечин сел на кнопку, и с этого момента его жизнь резко переменилась. Из задумчивого, тихого человека Перечин стал форменным негодяем. Он отпустил себе усы и в дальнейшем подстригал их чрезвычайно неаккуратно, таким образом, один его ус был всегда длиннее другого. Да и росли у него усы как-то косо. Смотреть на Перечина стало невозможно. К тому же он ещё отвратительно подмигивал глазом и дёргал щекой. Некоторое время Перечин ограничивался мелкими подлостями: сплетничал, доносил, обсчитывал трамвайных кондукторов, платя им за проезд самой мелкой медной монетой и всякий раз недодавая двух, а то и трёх копеек.»

<14 августа 1940>

«Как легко человеку запутаться...»

Как легко человеку запутаться в мелких предметах. Можно часами ходить от стола к шкапу и от шкапа к дивану и не находить выхода. Можно даже забыть, где находишься, и пускать стрелы в какой-нибудь маленький шкафчик на стене. «Гой! шкаф! — можно кричать ему. — Я тебя!» Или можно лечь на пол и рассматривать пыль. В этом тоже есть вдохновение. Лучше делать это по часам, сообразуясь со временем. Правда, тут очень трудно определить сроки, ибо какие сроки у пыли?

Еще лучше смотреть в таз с водой. На воду смотреть всегда полезно и поучительно. Даже если там ничего не видно, а всё же хорошо. Мы смотрели на воду, ничего в ней не видели, и скоро нам стало скучно. Но мы утешали себя, что всё же сделали хорошее дело. Мы загибали наши пальцы и считали. А что считали, мы не знали, ибо разве есть какой-либо счет в воде?

<17 августа 1940>

Упадение (Вблизи и вдали)

Два человека упали с крыши пятиэтажного дома, новостройки. Кажется, школы. Они съехали по крыше в сидячем положении до самой кромки и тут начали падать.

Их падение раньше всех заметила Ида Марковна. Она стояла у окна в противоположном доме и сморкалась в стакан. И вдруг она увидела, что кто-то с крыши противоположного дома начинает падать. Вглядевшись, Ида Марковна увидела, что это начинают падать сразу целых двое. Совершенно растерявшись, Ида Марковна содрала с себя рубашку и начала этой рубашкой скорее протирать запотевшее оконное стекло, чтобы лучше разглядеть, кто там падает с крыши. Однако сообразив, что, пожалуй, падающие могут увидеть ее голой и невесть чего про нее подумать, Ида Марковна отскочила от окна за плетеный треножник, на котором стоял горшок с цветком.

В это время падающих с крыш увидела другая особа, живущая в том же доме, что и Ида Марковна, но только двумя этажами ниже. Особу эту тоже звали Ида Марковна. Она, как раз в это время, сидела с ногами на подоконнике и пришивала к своей туфле пуговку. Взглянув в окно, она увидела падающих с крыши. Ида Марковна взвизгнула и, вскочив с подоконника, начала спешно открывать окно, чтобы лучше увидеть, как падающие с крыши ударятся об землю. Но окно не открывалось. Ида Марковна вспомнила, что она забила окно снизу гвоздем, и кинулась к печке, в которой она хранила инструменты: четыре молотка, долото и клещи. Схватив клещи, Ида Марковна опять подбежала к окну и выдернула гвоздь. Теперь окно легко распахнулось. Ида Марковна высунулась из окна и увидела, как падающие с крыши со свистом подлетали к земле.

На улице собралась уже небольшая толпа. Уже раздавались свистки, и к месту ожидаемого происшествия не спеша подходил маленького роста милиционер.

Носатый дворник суетился, расталкивая людей и поясняя, что падающие с крыши могут вдарить собравшихся по головам.

К этому времени уже обе Иды Марковны, одна в платье, а другая голая, высунувшись в окно, визжали и били ногами.

И вот наконец, расставив руки и выпучив глаза, падающие с крыши ударились об землю.

Так и мы иногда, упавая с высот достигнутых, ударяемся об унылую клеть нашей будущности.

<7 сентября 1940>

Власть

Фаол сказал: «Мы грешим и творим добро вслепую. Один стряпчий ехал на велосипеде и вдруг, доехав до Казанского Собора, исчез. Знает ли он, что дано было сотворить ему: добро или зло? Или такой случай: один артист купил себе шубу и якобы сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продавала эту шубу, но зато другой старушке, а именно своей матери, которая жила у артиста и обыкновенно спала в прихожей, где артист вешал свою новую шубу, он сотворил по всей видимости зло, ибо от новой шубы столь невыносимо пахло каким-то формалином и нафталином, что старушка, мать того артиста, однажды не смогла проснуться и умерла. Или ещё так: один графолог надрызгался водкой и натворил такое, что тут, пожалуй, и сам полковник Дибич не разобрал бы, что хорошо, а что плохо. Грех от добра отличить очень трудно».

Мышин, задумавшись над словами Фаола, упал со стула.

— Хо-хо, — сказал он, лежа на полу, — че-че.

Фаол продолжал: «Возьмем любовь. Будто хорошо, а будто и плохо. С одной стороны, сказано: возлюби, а, с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюбить? А сказано: возлюби. А возлюбишь — набалуешь. Что делать? Может возлюбить, да не так? Тогда зачем же у всех народов одним и тем же словом изображается возлюбить и так и не так? Вот один артист любил свою мать и одну молоденькую полненькую девицу. И любил он их разными способами. И отдавал девице большую часть своего заработка. Мать частенько голодала, а девица пила и ела за троих. Мать артиста жила в прихожей на полу, а девица

имела в своем распоряжении две хорошие комнаты. У девицы было четыре пальто, а у матери одно. И вот артист взял у своей матери это одно пальто и перешил из него девице юбку. Наконец, с девицей артист баловался, а со своей матерью — не баловался и любил ее чистой любовью. Но смерти матери артист побаивался, а смерти девицы — артист не побаивался. И когда умерла мать, артист плакал, а когда девица вывалилась из окна и тоже умерла, артист не плакал и завел себе другую девицу. Выходит, что мать ценится, как уника, вроде редкой марки, которую нельзя заменить другой».

— Шо-шо, — сказал Мышин, лежа на полу. — Хо-хо.

Фаол продолжал: «И это называется чистая любовь! Добро ли такая любовь? А если нет, то как же возлюбить? Одна мать любила своего ребенка. Этому ребенку было два с половиной года. Мать носила его в сад и сажала на песочек. Туда же приносили детей и другие матери. Иногда на песочке накапливалось до сорока маленьких детей. И вот однажды в этот сад ворвалась бешеная собака, кинулась прямо к детям и начала их кусать. Матери с воплями кинулись к своим детям, в том числе и наша мать. Она, жертвуя собой, подскочила к собаке и вырвала у нее из пасти, как ей казалось, своего ребенка. Но, вырвав ребенка, она увидела, что это не ее ребенок, и мать кинула его обратно собаке, чтобы схватить и спасти от смерти лежащего тут же рядом своего ребенка. Кто ответит мне: согрешила ли она или сотворила добро?»

— Сю-сю, — сказал Мышин, ворочаясь на полу.

Фаол продолжал: «Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Грешит ли зверь? Или грешит только один человек?»

— Млям-млям, — сказал Мышин, прислушиваясь к словам Фаола, — шуп-шуп.

Фаол продолжал: «Если грешит только один человек, то значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пище: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим».

— Умняф, — сказал Мышин, стараясь приподняться с пола.

Фаол продолжал: «Вот я говорил о любви, я говорил о тех состояниях наших, которые называются одним словом „любовь“. Ошибка ли это языка, или все эти состояния едины? Любовь матери к ребенку, любовь сына к матери и любовь мужчины к женщине — быть может, это все одна любовь?»

— Определенно, — сказал Мышин, кивая головой.

Фаол сказал: «Да, я думаю, что сущность любви не меняется от того, кто кого любит. Каждому человеку отпущена известная величина любви. И каждый человек ищет, куда бы ее приложить, не скидывая своих фюзеляжек. Раскрытие тайн перестановок и мелких свойств нашей души, подобной мешку опилок...»

— Хвать! — крикнул Мышин, вскакивая с пола. — Сгинь!

И Фаол рассыпался, как плохой сахар.

<1940>

Приключение Катерпиллера

Мишури́н был катерпиллером. Поэтому, а может быть и не поэтому, он любил лежать под диваном или за шкапом и сосать пыль. Так как он был человек не особенно аккуратный, то иногда целый день его рожа была в пыли, как в пуху.

Однажды его пригласили в гости, и Мишури́н решил слегка пополоскать свою физиономию. Он налил в таз теплой воды, пустил туда немного уксусу и погрузил в воду свое лицо. Как видно, уксусу в воде было слишком много, и потому Мишури́н ослеп. До глубокой старости он ходил ощупью и поэтому, а может быть и не поэтому стал ещё больше походить на катерпиллера.

пятница 16 октября 1940

«Все люди любят деньги. И гладят их...»

Все люди любят деньги: и гладят их, и целуют, и к сердцу прижимают, и заворачивают их в красные тряпочки, и нянчат их, как куклу. А некоторые заключают дензнак в рамку, вешают его на стену и поклоняются ему как иконе.

Некоторые кормят свои деньги: открывают им рты и суют туда самые жирные куски своей пищи.

В жару несут деньги в холодный погреб, а зимой, в лютые морозы, бросают деньги в печку, в огонь.

Некоторые просто разговаривают со своими деньгами, или читают им вслух интересные книги, или поют им приятные песни.

Я же не отдаю деньгам особого внимания и просто ношу их в кошельке или в бумажнике и по мере надобности трачу их. Шибейя!

«На кровати метался полупрозрачный юноша...»

На кровати метался полупрозрачный юноша. На стуле, закрыв лицо руками, сидела женщина, должно быть, мать. Господин в крахмальном воротничке, должно быть, врач, стоял возле ночного столика. На окнах были спущены жёлтые шторы. Заскрипела дверь, и в комнату заглянул кот. Господин в крахмальном воротничке ударил кота сапогом по морде. Кот исчез. Юноша застонал.

Юноша что-то сказал. Господин, похожий на врача, прислушался. Юноша сказал: «Лодки плывут». Господин нагнулся над юношей.

— Что с вами, мой дорогой друг? — спросил господин, наклоняясь к юноше. Юноша молча лежал на спине, но лицо его было повернуто к стенке.

Юноша молчал.

— Хорошо, — сказал господин, выпрямляясь. — Вы не желаете отвечать вашему другу. Хорошо.

Господин пожал плечами и отошёл к окну.

— Дайте лодку, — произнес юноша.

Господин, стоя у окна, хихикнул.

* * *

Прошло минут восемь. Юноша отыскал глазами господина в крахмальном воротничке и сказал:

— Доктор, скажите мне откровенно: я умираю?

— Видите ли, — сказал доктор, играя цепочкой от часов. — Я бы не хотел отвечать на ваш вопрос. Я даже не имею права отвечать на него.

— То, что вы сказали, вполне достаточно, — сказал юноша. — Теперь я знаю, что надежд нет.

— Ну, уж это ваша фантазия, — сказал доктор. — Я вам про надежды не сказал ни слова.

— Доктор, вы меня считаете за дурака. Но уверяю вас, что я не так глуп и прекрасно понимаю свое положение.

Доктор хихикнул и пожал плечами.

— Ваше положение таково, — сказал он, — что понять вам его невозможно.

<1940>

«Один графолог, чрезвычайно любящий водку...»

Один графолог, чрезвычайно любящий водку, сидел в саду на скамейке и думал о том, как было бы хорошо придти сейчас в большую просторную квартиру, в которой жила бы большая милая семья с молоденькими дочерьми, играющими на рояле. Графолога бы встретили очень ласково, провели бы в столовую, посадили бы в кресло около камина и поставили бы перед ним маленький столик. А на столике бы стоял графин с водкой и тарелка с горячими мясными пирожками. Графолог бы сидел и пил бы водку, закусывая её горячими пирожками, а хорошенькие хозяйские дочери играли бы в соседней комнате на рояле и пели бы красивые арии из итальянских опер.

<1940>

«Один человек гнался за другим...»

Один человек гнался за другим, тогда как тот, который убежал, в свою очередь, гнался за третьим, который, не чувствуя за собой погони, просто шёл быстрым шагом по мостовой.

<14 августа 1940>

«В трамвае сидели два человека...»

В трамвае сидели два человека и рассуждали так:

Один говорил: «Я не верю в загробную жизнь. Реальных доказательств того, что загробная жизнь существует — не имеется. И авторитетных свидетельств о ней мы не знаем. В религиях же о ней говорится либо очень неубедительно, например, в исламе, либо очень туманно, например, в христианстве, либо ничего не говорится, например, в библии, либо прямо говорится, что её нет, например, в буддизме. Случаи ясновидения, пророчества, разных чудес и даже привидений прямого отношения к загробной жизни не имеют и отнюдь не служат доказательством её существования. Меня нисколько не интересуют рассказы, подобные тому, как один человек увидел во сне льва и на другой день был убит вырвавшимся из Зоологического сада львом. Меня интересует только вопрос: есть ли загробная жизнь или её нет? Скажите, как по вашему?»

Второй Собеседник сказал: «Отвечу вам так: на ваш вопрос вы никогда не получите ответа, а если получите когда-нибудь ответ, то не верьте ему. Только вы сами сможете ответить на этот вопрос. Если вы ответите да, то будет да, если вы ответите нет, то будет нет. Только ответить надо с полным убеждением, без тени сомнения, или, точнее говоря, с абсолютной верой в свой ответ».

Первый Собеседник сказал: «Я бы охотно ответил себе. Но ответить надо с верой. А чтобы ответить с верой, надо быть уверенным в истинности своего ответа. А где мне взять эту уверенность?»

Второй Собеседник сказал: «Уверенность, или точнее, веру нельзя приобрести, её можно только развить в себе».

Первый Собеседник сказал: «Как же я могу развить в себе веру в свой ответ, когда я даже не знаю, что отвечать, да или нет».

Второй Собеседник сказал: «Выберите себе то, что вам больше нравится».

— Сейчас будет наша остановка, — сказал первый Собеседник и оба встали со своих мест, чтобы идти к выходу.

— Простите, — обратился к ним какой-то военный чрезвычайно высокого роста. — Я слышал ваш разговор и меня, извините, заинтересовало: как это могут два ещё молодых человека серьёзно говорить о том, есть ли загробная жизнь, или её нет?

<1940>

«— Да, — сказал Козлов, притряхивая ногой...»

— Да, — сказал Козлов, притряхивая ногой, — она очень испугалась. Ещё бы! Хо-хо! Но сообразила, что бежать ни в коем случае нельзя. Это всё же она сообразила. Но тут хулиганы подошли ближе и начали ей в ухо громко свистеть. Они думали оглушить её свистом. Но из этого ничего не вышло, т. к. она как раз на это ухо была глуха. Тогда один из хулиганов шваркнул её палкой по ноге. Но и из этого тоже ничего не вышло, потому что как раз эта нога была у неё ещё пять лет тому назад ампутирована и заменена протезом. Хулиганы даже остановились от удивленья, видя, что она продолжает спокойно идти дальше.

— Ловко! — сказал Течорин. — Великолепно! Ведь что бы было, если бы хулиганы подошли к ней с другого бока? Ей повезло.

— Да, — сказал Козлов. — но обыкновенно ей не везёт. Недели две тому назад её изнасиловали, а прошлым летом ее просто так, из озорства, высекли лошадиным кнутом. Бедная Елизавета Платоновна даже привыкла к подобным историям.

— Бедняжка, — сказал Течорин. — Я был бы непрочь её повидать.

<1940>

«Я не стал затыкать ушей. Все заткнули...»

Я не стал затыкать ушей. Все заткнули, а я один не заткнул, и потому я один все слышал. Я так же не закрывал тряпкой глаз, как это сделали все, и потому я все видел. Да, я один все видел и слышал. Но, к сожалению, я ничего не понял, значит, какая цена тому, что я один все видел и слышал. Я даже не мог запомнить того, что я видел и слышал. Какие-то отрывочные воспоминания, закорючки и бессмысленные звонки. Вот прибежал трамвайный кондуктор, за ним пожилая дама с лопатой в зубах. Кто-то сказал: «...вероятно, из-под кресла...» Голая еврейская девушка раздвигала ножки и вылиwała на свои половые органы из чашки молоко. Молоко стекает в глубокую столовую тарелку. Из тарелки молоко сливают обратно в чашку и предлагают мне выпить. Я пью; от молока пахнет сыром... Голая еврейская девушка сидит передо мной с раздвинутыми ногами, ее половые органы выпачканы в молоке. Она наклоняется вперед и смотрит на свои половые органы. Из ее половых органов начинает течь прозрачная и тягучая жидкость.... Я прохожу через большой и довольно темный двор. На дворе лежат сложенные высокими кучами дрова. Из-за дров выглядывает чье-то лицо. Я знаю: это Лимонин следит за мной. Он смотрит: не пройду ли я к его жене. Я поворачиваю направо и прохожу через парадную на улицу. Из ворот выглядывает радостное лицо Лимонина... Вот жена Лимонина предлагает мне водку. Я выпиваю четыре рюмки, закусываю сардинами и начинаю думать о голой еврейской девушке. Жена Лимонина кладет мне на колени свою голову. Я выпиваю еще одну рюмку и закуриваю трубку. «Ты сегодня такой грустный,» — говорит мне жена Лимонина. Я говорю ей какую-то глупость и ухожу к еврейской девушке.

Я все не прихожу в отчаяние. Должно быть, я на что-то надеюсь, но мне кажется, что мое положение лучше, чем оно есть на самом деле. Железные руки тянут меня в яму. Но сказано: «Не всегда забыт будет нищий, а надежда бедняка не до конца погибнет.» (Ле. IX. 19.)

«Господин невысокого роста с камушком в глазу...»

Господин невысокого роста с камушком в глазу подошел к двери табачной лавки и остановился. Его черные, лакированные туфли сияли у каменной ступенечки, ведущей в

табачную лавку. Носки туфель были направлены вовнутрь магазина. Еще два шага, и господин скрылся бы за дверью. Но он почему-то задержался, будто нарочно для того, чтобы подставить голову под кирпич, упавший с крыши. Господин даже снял шляпу, обнаружив свой лысый череп, и, таким образом, кирпич ударил господина прямо по голой голове, проломил черепную кость и застрял в мозгу. Господин не упал. Нет, он только пошатнулся от страшного удара, вынул из кармана платок, вытер им лицо, залепленное кровавыми мозгами, и, повернувшись к толпе, которая мгновенно собралась вокруг этого господина, сказал:

— Не беспокойтесь, господа: у меня была уже прививка. Вот видите — у меня в правом глазу торчит камушек. Это тоже был однажды случай. Я уже привык к этому. Теперь мне все трын-трава!

И с этими словами господин надел шляпу и ушел куда-то в сторону, оставив смущенную толпу в полном недоумении.

<1939–1940>

«Когда я вижу человека, мне хочется ударить...»

Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде. Так приятно бить по морде человека!

Я сижу у себя в комнате и ничего не делаю.

Вот кто-то пришел ко мне в гости, он стучится в мою дверь.

Я говорю: «Войдите!» Он входит и говорит: «Здравствуйте! Как хорошо, что я застал вас дома!» А я его стук по морде, а потом ещё сапогом в промежность. Мой гость падает навзничь от страшной боли. А я ему каблуком по глазам! Дескать, нечего шляться, когда не звали!

А то ещё так. Я предлагаю гостю выпить чашку чая. Гость соглашается, садится к столу, пьет чай и что-то рассказывает. Я делаю вид, что слушаю его с большим интересом, киваю головой, ахаю, делаю удивленные глаза и смеюсь. Гость, польщенный моим вниманием, расходится все больше и больше.

Я спокойно наливаю полную чашку кипятка и плещу кипятком гостю в морду. Гость вскакивает и хватается за лицо. А я ему говорю: «Больше нет в душе моей добродетели. Убирайтесь вон!» И я выталкиваю гостя.

<1939>

1941

Симфония № 2

Антон Михайлович плюнул, сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх», опять плюнул, опять сказал «эх» и ушел. И Бог с ним. Расскажу лучше про Илью Павловича.

Илья Павлович родился в 1883 году в Константинополе. Еще маленьким мальчиком его перевезли в Петербург, и тут он окончил немецкую школу на Кирочной улице. Потом он служил в каком-то магазине, потом ещё чего-то делал, а в начале революции эмигрировал за границу. Ну и Бог с ним. Я лучше расскажу про Анну Игнатьевну.

Но про Анну Игнатьевну рассказать не так-то просто. Во-первых, я о ней почти ничего не знаю, а во-вторых, я сейчас упал со стула и забыл, о чем собирался рассказывать. Я лучше расскажу о себе.

Я высокого роста, неглупый, одеваюсь изящно и со вкусом, не пью, на скачки не хожу, но к дамам тянусь. И дамы не избегают меня. Даже любят, когда я с ними гуляю. Серафима

Измайловна неоднократно приглашала меня к себе, и Зинаида Яковлевна тоже говорила, что она всегда рада меня видеть. Но вот с Мариной Петровной у меня вышел забавный случай, о котором я и хочу рассказать. Случай вполне обыкновенный, но все же забавный, ибо Марина Петровна благодаря мне совершенно облысела, как ладонь. Случилось это так: пришел я однажды к Марине Петровне, а она трах! — и облысела. Вот и все.

<9-10 июня 1941>

Реабилитация

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я оторвал ему ещё днем. Тогда он был еще жив. А Андрюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не могу обвинить. Зачем Андрюша с Елизаветой Антоновной попались мне под руку? Им было ни к чему выскакивать из-за двери. Меня обвиняют в кровожадности, говорят, что япил кровь, но это неверно: я подлизывал кровавые лужи и пятна — это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А также я не насиловал Елизавету Антоновну. Во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голову, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, — это уже, извините, абсурд. Испражняться — потребность естественная, а, следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

<1940>

Старуха

...И между ними происходит следующий разговор.

Гамсун.

На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю её: «Который час?»

— Посмотрите, — говорит мне старуха.

Я смотрю и вижу, что на часах нет стрелок.

— Тут нет стрелок, — говорю я.

Старуха смотрит на циферблат и говорит мне:

— Сейчас без четверти три.

— Ах так. Большое спасибо, — говорю я и ухожу.

Старуха кричит мне что-то вслед, но я иду не оглядываясь. Я выхожу на улицу и иду по солнечной стороне. Весеннее солнце очень приятно. Я иду пешком, щурю глаза и курю трубку. На углу Садовой мне попадается навстречу Сакердон Михайлович. Мы здороваемся, останавливаемся и долго разговариваем. Мне надоедает стоять на улице, и я приглашаю Сакердона Михайловича в подвальчик. Мы пьем водку, закусываем крутым яйцом с килькой,

потом прощаемся, и я иду дальше один.

Тут я вдруг вспоминаю, что забыл дома выключить электрическую печку. Мне очень досадно. Я поворачиваюсь и иду домой. Так хорошо начался день, и вот уже первая неудача. Мне не следовало выходить на улицу.

Я прихожу домой, снимаю куртку, вынимаю из жилетного кармана часы и вешаю их на гвоздик; потом запираю дверь на ключ и ложусь на кушетку. Буду лежать и постараюсь заснуть.

С улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казнь. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватках и не могут даже есть, потому что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что ещё целый месяц должны пролежать в постелях. Потом они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают.

Я лежу на кушетке с открытыми глазами и не могу заснуть. Мне вспоминается старуха с часами, которую я видел сегодня на дворе, и мне делается приятно, что на её часах не было стрелок. А вот на днях я видел в комиссионном магазине отвратительные кухонные часы, и стрелки у них были сделаны в виде ножа и вилки.

Боже мой! Ведь я ещё не выключил электрической печки! Я вскакиваю и выключаю её, потом опять ложусь на кушетку и стараюсь заснуть. Я закрываю глаза. Мне не хочется спать. В окно светит весеннее солнце, прямо на меня. Мне становится жарко. Я встаю и сажусь в кресло у окна.

Теперь мне хочется спать, но я спать не буду. Я возьму бумагу и перо и буду писать. Я чувствую в себе страшную силу. Я всё обдумал ещё вчера. Это будет рассказ о чудотворце, который живёт в наше время и не творит чудес. Он знает, что он чудотворец и может сотворить любое чудо, но он этого не делает. Его выселяют из квартиры, он знает, что стоит ему только махнуть платком, и квартира останется за ним, но он не делает этого, он покорно съезжает с квартиры и живет за городом в сарае. Он может этот сарай превратить в прекрасный кирпичный дом, но он не делает этого, он продолжает жить в сарае и в конце концов умирает, не сделав за свою жизнь ни одного чуда.

Я сижу и от радости потираю руки. Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь. Скорее, скорее за работу! Долой всякий сон и лень! Я буду писать восемнадцать часов подряд!

От нетерпения я весь дрожу. Я не могу сообразить, что мне делать: нужно было взять перо и бумагу, а я хватал разные предметы, совсем не те, которые мне были нужны. Я бегал по комнате: от окна к столу, от стола к печке, от печки опять к столу, потом к дивану и опять к окну. Я задыхался от пламени, которое пылало в моей груди. Сейчас только пять часов. Впереди весь день, и вечер, и вся ночь...

Я стою посередине комнаты. О чём же я думаю? Ведь уже двадцать минут шестого. Надо писать. Я придвигаю к окну столик и сажусь за него. Передо мной клетчатая бумага, в руке перо.

Мое сердце ещё слишком бьется, и рука дрожит. Я жду, чтобы немножко успокоиться. Я кладу перо и набиваю трубку. Солнце светит мне прямо в глаза, я жмурюсь и трубку закуриваю.

Вот мимо окна пролетает ворона. Я смотрю из окна на улицу и вижу, как по панели идёт человек на механической ноге. Он громко стучит своей ногой и палкой.

— Так, — говорю я сам себе, продолжая смотреть в окно.

Солнце прячется за трубу противостоящего дома. Тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Надо воспользоваться этой тенью и написать несколько слов о чудотворце. Я хватаю перо и пишу:

«Чудотворец был высокого роста».

Больше я ничего написать не могу. Я сижу до тех пор, пока не начинаю чувствовать

голод. Тогда я встаю и иду к шкапику, где хранится у меня провизия, я шарю там, но ничего не нахожу. Кусок сахара и больше ничего.

В дверь кто-то стучит.

— Кто там?

Мне никто не отвечает. Я открываю дверь и вижу перед собой старуху, которая утром стояла на дворе с часами. Я очень удивлён и ничего не могу сказать.

— Вот я и пришла, — говорит старуха и входит в мою комнату.

Я стою у двери и не знаю, что мне делать: выгнать старуху или, наоборот, предложить ей сесть? Но старуха сама идёт к моему креслу возле окна и садится в него.

— Закрой дверь и запири её на ключ, — говорит мне старуха.

Я закрываю и запираю дверь.

— Встань на колени, — говорит старуха.

И я становлюсь на колени.

Но тут я начинаю понимать всю нелепость своего положения. Зачем я стою на коленях перед какой-то старухой? Да и почему эта старуха находится в моей комнате и сидит в моём любимом кресле? Почему я не выгнал эту старуху?

— Послушайте-ка, — говорю я, — какое право имеете вы распоряжаться в моей комнате, да ещё командовать мной? Я вовсе не хочу стоять на коленях.

— И не надо, — говорит старуха. — Теперь ты должен лечь на живот и уткнуться лицом в пол.

Я тотчас исполнил приказание.

Я вижу перед собой правильно начерченные квадраты. Боль в плече и в правом бедре заставляет меня изменить положение. Я лежу ничком, теперь я с большим трудом поднимаюсь на колени. Все члены мои затекли и плохо сгибаются. Я оглядываюсь и вижу себя в своей комнате, стоящего на коленях посередине пола. Сознание и память медленно возвращаются ко мне. Я ещё оглядываю комнату и вижу, что на кресле у окна будто сидит кто-то. В комнате не очень светло, потому что сейчас, должно быть, белая ночь. Я пристально вглядываюсь. Господи! Неужели это старуха всё ещё сидит в моём кресле? Я вытягиваю шею и смотрю. Да, конечно, это сидит старуха и голову опустила на грудь. Должно быть, она уснула.

Я поднимаюсь и, прихрамывая, подхожу к ней. Голова старухи опущена на грудь, руки висят по бокам кресла. Мне хочется схватить эту старуху и вытолкать её за дверь.

— Послушайте, — говорю я, — вы находитесь в моей комнате. Мне надо работать. Я прошу вас уйти.

Старуха не движется. Я нагибаюсь и заглядываю старухе в лицо. Рот у неё приоткрыт и изо рта торчит соскочившая вставная челюсть. И вдруг мне делается всё ясно: старуха умерла.

Меня охватывает страшное чувство досады. Зачем она умерла в моей комнате? Я терпеть не могу покойников. А теперь возись с этой падалью, иди разговаривать с дворником, управдомом, объясняй им, почему эта старуха оказалась у меня. Я с ненавистью посмотрел на старуху. А может быть, она и не умерла? Я щупаю её лоб. Лоб холодный. Рука тоже. Ну что мне делать?

Я закуриваю трубку и сажусь на кушетку. Безумная злость поднимается во мне.

— Вот сволочь! — говорю я вслух.

Мёртвая старуха как мешок сидит в моём кресле. Зубы торчат у неё изо рта. Она похожа на мёртвую лошадь.

— Противная картина, — говорю я, но закрыть старуху газетой не могу, потому что мало ли что может случиться под газетой.

За стеной слышно движение: это встает мой сосед, паровозный машинист. Ещё того не хватало, чтобы он пронюхал, что у меня в комнате сидит мёртвая старуха! Я прислушиваюсь к шагам соседа. Чего он медлит? Уже половина шестого! Ему давно пора уходить. Боже мой!

Он собирается пить чай! Я слышу, как за стенкой шумит примус. Ах, поскорее ушёл бы этот проклятый машинист!

Я забираюсь на кушетку с ногами и лежу. Проходит восемь минут, но чай у соседа ещё не готов и примус шумит. Я закрываю глаза и дремлю.

Мне снится, что сосед ушёл и я, вместе с ним, выхожу на лестницу и захлопываю за собой дверь с французским замком. Ключа у меня нет, и я не могу попасть в квартиру. Надо звонить и будить остальных жильцов, а это уж совсем плохо. Я стою на площадке лестницы и думаю, что мне делать, и вдруг вижу, что у меня нет рук. Я наклоняю голову, чтобы лучше рассмотреть, есть ли у меня руки, и вижу, что с одной стороны у меня вместо руки торчит столовый ножик, а с другой стороны — вилка.

— Вот, — говорю я Сакердону Михайловичу, который сидит почему-то тут же на складном стуле. — Вот видите, — говорю я ему, — какие у меня руки?

А Сакердон Михайлович сидит молча, и я вижу, что это не настоящий Сакердон Михайлович, а глиняный.

Тут я просыпаюсь и сразу же понимаю, что лежу у себя в комнате на кушетке, а у окна, в кресле, сидит мёртвая старуха.

Я быстро поворачиваю к ней голову. Старухи в кресле нет. Я смотрю на пустое кресло, и дикая радость наполняет меня. Значит, это всё был сон. Но только где же он начался? Входила ли старуха вчера в мою комнату? Может быть, это тоже был сон? Я вернулся вчера домой, потому что забыл выключить электрическую печку. Но, может быть, и это был сон? Во всяком случае, как хорошо, что у меня в комнате нет мёртвой старухи и, значит, не надо идти к управдому и возиться с покойником!

Однако сколько же времени я спал? Я посмотрел на часы: половина десятого, должно быть, утра.

Господи! Чего только не приснится во сне!

Я спустил ноги с кушетки, собираясь встать, и вдруг увидел мёртвую старуху, лежащую на полу за столом, возле кресла. Она лежала лицом вверх, и вставная челюсть, выскочив изо рта, впилась одним зубом старухе в ноздрю. Руки подвернулись под туловище и их не было видно, а из-под задравшейся юбки торчали костлявые ноги в белых, грязных шерстяных чулках.

— Сволочь! — крикнул я и, подбежав к старухе, ударил её сапогом по подбородку.

Вставная челюсть отлетела в угол. Я хотел ударить старуху ещё раз, но побоялся, чтобы на теле не остались знаки, а то ещё потом решат, что это я убил её.

Я отошёл от старухи, сел на кушетку и закурил трубку. Так прошло минут двадцать. Теперь мне стало ясно, что всё равно дело передадут в уголовный розыск и следственная бестолочь обвинит меня в убийстве. Положение выходит серьёзное, а тут ещё этот удар сапогом.

Я подошёл опять к старухе, наклонился и стал рассматривать её лицо. На подбородке было маленькое тёмное пятнышко. Нет, придраться нельзя. Мало ли что? Может быть, старуха ещё при жизни стукнулась обо что-нибудь? Я немного успокаиваюсь и начинаю ходить по комнате, куря трубку и обдумывая своё положение.

Я хожу по комнате и начинаю чувствовать голод, всё сильнее и сильнее. От голода я начинаю даже дрожать. Я ещё раз шарю в шкапике, где хранится у меня провизия, но ничего не нахожу, кроме куска сахара.

Я вынимаю свой бумажник и считаю деньги. Одиннадцать рублей. Значит, я могу купить себе ветчины и хлеб и ещё останется на табак.

Я поправляю сбившийся за ночь галстук, беру часы, надеваю куртку, тщательно запираю дверь своей комнаты, кладу ключ к себе в карман и выхожу на улицу. Надо раньше всего поесть, тогда мысли будут яснее и тогда я предприму что-нибудь с этой падалью.

По дороге в магазин ещё приходит в голову: не зайти ли мне к Сакердону Михайловичу и не рассказать ли ему всё, может быть, вместе мы скорее придумаем, что делать. Но я тут же отклоняю эту мысль, потому что некоторые вещи надо делать одному, без свидетелей.

В магазине не было ветчинной колбасы, и я купил себе полкило сарделек. Табака тоже не было. Из магазина я пошёл в булочную.

В булочной было много народу, и к кассе стояла длинная очередь. Я сразу нахмурился, но всё-таки в очередь встал. Очередь продвигалась очень медленно, а потом и вовсе остановилась, потому что у кассы произошёл какой-то скандал.

Я делал вид, что ничего не замечаю, и смотрел в спину молоденькой дамочки, которая стояла в очереди передо мной. Дамочка была, видно, очень любопытной: она вытягивала шейку то вправо, то влево и поминутно становилась на цыпочки, чтобы разглядеть, что происходит у кассы. Наконец она повернулась ко мне и спросила:

— Вы не знаете, что там происходит?

— Простите, не знаю, — сказал я как можно суше.

Дамочка повертелась в разные стороны и наконец опять обратилась ко мне:

— Вы не могли бы пойти и выяснить, что там происходит?

— Простите, меня это нисколько не интересует, — сказал я ещё суше.

— Как не интересует? — воскликнула дамочка. — Ведь вы же сами задерживаетесь из-за этого в очереди!

Я ничего не ответил и только слегка поклонился. Дамочка внимательно посмотрела на меня.

— Это, конечно, не мужское дело стоять в очередях за хлебом, — сказала она. — Мне жалко вас, вам приходится тут стоять. Вы, должно быть, холостой?

— Да, холостой, — ответил я, несколько сбитый с толку, но по инерции продолжая отвечать довольно сухо и при этом слегка кланяясь.

Дамочка ещё раз осмотрела меня с головы до ног и вдруг, притронувшись пальцами к моему рукаву, сказала:

— Давайте я куплю что вам нужно, а вы подождите меня на улице.

Я совершенно растерялся.

— Благодарю вас, — сказал я. — Это очень мило с вашей стороны, но, право, я мог бы и сам.

— Нет, нет, — сказала дамочка, — ступайте на улицу. Что вы собирались купить?

— Видите ли, — сказал я, — я собирался купить полкило чёрного хлеба, но только формового, того, который дешевле. Я его больше люблю.

— Ну вот и хорошо, — сказала дамочка. — А теперь идите. Я куплю, а потом рассчитаемся.

И она даже слегка подтолкнула меня под локоть.

Я вышел из булочной и встал у самой двери. Весеннее солнце светит мне прямо в лицо. Я закуриваю трубку. Какая милая дамочка! Это теперь так редко. Я стою, жмурюсь от солнца, курю трубку и думаю о милой дамочке. Ведь у неё светлые карие глазки. Просто прелесть, какая она хорошенькая!

— Вы курите трубку? — слышу я голос рядом с собой. Милая дамочка протягивает мне хлеб.

— О, бесконечно вам благодарен, — говорю я, беря хлеб.

— А вы курите трубку! Это мне страшно нравится, — говорит милая дамочка.

И между нами происходит следующий разговор.

ОНА: Вы, значит, сами ходите за хлебом?

Я: Не только за хлебом; я себе всё сам покупаю.

ОНА: А где же вы обедаете?

Я: Обыкновенно я сам варю себе обед. А иногда ем в пивной.

ОНА: Вы любите пиво?

Я: Нет, я больше люблю водку.

ОНА: Я тоже люблю водку.

Я: Вы любите водку? Как это хорошо! Я хотел бы когда-нибудь с вами вместе выпить.

ОНА: И я тоже хотела бы выпить с вами водки.

Я: Простите, можно вас спросить об одной вещи?

ОНА (сильно покраснев): Конечно, спрашивайте.

Я: Хорошо, я спрошу вас. Вы верите в Бога?

ОНА (удивленно): В Бога? Да, конечно.

Я: А что вы скажете, если нам сейчас купить водки и пойти ко мне. Я живу тут рядом.

ОНА (задорно): Ну что ж, я согласна!

Я: Тогда идёмте.

Мы заходим в магазин, и я покупаю пол-литра водки. Больше у меня нет денег, какая-то только мелочь. Мы всё время говорим о разных вещах, и вдруг я вспоминаю, что у меня в комнате, на полу, лежит мёртвая старуха.

Я оглядываюсь на мою новую знакомую: она стоит у прилавка и рассматривает банки с вареньем. Я осторожно пробираюсь к двери и выхожу из магазина. Как раз, против магазина, останавливается трамвай. Я вскакиваю в трамвай, даже не посмотрев на его номер. На Михайловской улице я вылезая и иду к Сакердону Михайловичу. У меня в руках бутылка с водкой, сардельки и хлеб.

Сакердон Михайлович сам открыл мне двери. Он был в халате, накинутом на голое тело, в русских сапогах с отрезанными голенищами и в меховой с наушниками шапке, но наушники были подняты и завязаны на макушке бантом.

— Очень рад, — сказал Сакердон Михайлович, увидя меня.

— Я не оторвал вас от работы? — спросил я.

— Нет, нет, — сказал Сакердон Михайлович. — Я ничего не делал, а просто сидел на полу.

— Видите ли, — сказал я Сакердону Михайловичу. — Я к вам пришёл с водкой и закуской. Если вы ничего не имеете против, давайте выпьем.

— Очень хорошо, — сказал Сакердон Михайлович. — Вы входите.

Мы прошли в его комнату. Я откупорил бутылку с водкой, а Сакердон Михайлович поставил на стол две рюмки и тарелку с вареным мясом.

— Тут у меня сардельки, — сказал я. — Так как мы их будем есть: сырыми, или будем варить?

— Мы их поставим варить, — сказал Сакердон Михайлович, — а сами будем пить водку под варёное мясо. Оно из супа, превосходное варёное мясо!

Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб — это только солома, которая гниёт в наших желудках.

— Ваше здоровье! — сказал я, чокаясь с Сакердоном Михайловичем.

Мы выпили и закусили холодным мясом.

— Вкусно, — сказал Сакердон Михайлович.

Но в это мгновение в комнате что-то щёлкнуло.

— Что это? — спросил я.

Мы сидели молча и прислушивались. Вдруг щёлкнуло ещё раз. Сакердон Михайлович вскочил со стула и, подбежав к окну, сорвал занавеску.

— Что вы делаете? — крикнул я.

Но Сакердон Михайлович, не отвечая мне, кинулся к керосинке, схватил занавеской кастрюльку и поставил её на пол.

— Чёрт побери! — сказал Сакердон Михайлович. — Я забыл в кастрюльку налить воды, а кастрюлька эмалированная, и теперь эмаль отскочила.

— Всё понятно, — сказал я, кивая головой.

Мы сели опять за стол.

— Чёрт с ними, — сказал Сакердон Михайлович, — мы будем есть сардельки сырыми.

— Я страшно есть хочу, — сказал я.

— Кушайте, — сказал Сакердон Михайлович, пододвигая мне сардельки.

— Ведь я последний раз ел вчера, с вами в подвальчике, и с тех пор ничего ещё не ел, — сказал я.

— Да, да, да, — сказал Сакердон Михайлович.

— Я всё время писал, — сказал я.

— Чёрт побери! — утрированно вскричал Сакердон Михайлович. — Приятно видеть перед собой гения.

— Ещё бы! — сказал я.

— Много поди наваяли? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я. — Исписал пропасть бумаги.

— За гения наших дней, — сказал Сакердон Михайлович, поднимая рюмки.

Мы выпили. Сакердон Михайлович ел варёное мясо, а я — сардельки. Съев четыре сардельки, я закурил трубку и сказал:

— Вы знаете, я ведь к вам пришёл, спасаясь от преследования.

— Кто же вас преследовал? — спросил Сакердон Михайлович.

— Дама, — сказал я.

Но так как Сакердон Михайлович ничего меня не спросил, а только молча налил в рюмки водку, то я продолжал:

— Я с ней познакомился в булочной и сразу влюбился.

— Хороша? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — в моём вкусе.

Мы выпили, и я продолжал:

— Она согласилась идти ко мне и пить водку. Мы зашли в магазин, но из магазина мне пришлось потихоньку удрать.

— Не хватило денег? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, денег хватило в обрез, — сказал я, — но я вспомнил, что не могу пустить её в свою комнату.

— Что же, у вас в комнате была другая дама? — спросил Сакердон Михайлович.

— Да, если хотите, у меня в комнате находится другая дама, — сказал я, улыбаясь. — Теперь я никого в свою комнату не могу пустить.

— Женитесь. Будете приглашать меня к обеду, — сказал Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, фыркая от смеха. — На этой даме я не женюсь.

— Ну тогда женитесь на той, которая из булочной, — сказал Сакердон Михайлович.

— Да что вы всё хотите меня женить? — сказал я.

— А что же? — сказал Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — За ваши успехи!

Мы выпили. Видно, водка начала оказывать на нас своё действие. Сакердон Михайлович снял свою меховую с наушниками шапку и швырнул её на кровать. Я встал и прошёлся по комнате, ощущая уже некоторое головокружение.

— Как вы относитесь к покойникам? — спросил я Сакердона Михайловича.

— Совершенно отрицательно, — сказал Сакердон Михайлович. — Я их боюсь.

— Да, я тоже терпеть не могу покойников, — сказал я. — Подвернись мне покойник, и не будь он мне родственником, я бы, должно быть, пнул бы его ногой.

— Не надо лягать мертвецов, — сказал Сакердон Михайлович.

— А я бы пнул его сапогом прямо в морду, — сказал я. — Терпеть не могу покойников и детей.

— Да, дети — гадость, — согласился Сакердон Михайлович.

— А что, по-вашему, хуже: покойники или дети? — спросил я.

— Дети, пожалуй, хуже, они чаще мешают нам. А покойники всё-таки не врываются в нашу жизнь, — сказал Сакердон Михайлович.

— Врываются! — крикнул я и сейчас же замолчал.

Сакердон Михайлович внимательно посмотрел на меня.

— Хотите ещё водки? — спросил он.

— Нет, — сказал я, но, спохватившись, прибавил: — Нет, спасибо, я больше не хочу. Я подошёл и сел опять за стол. Некоторое время мы молчим.

— Я хочу спросить вас, — говорю я наконец. — Вы веруете в Бога?

У Сакердона Михайловича появляется на лбу поперечная морщина, и он говорит:

— Есть неприличные поступки. Неприлично спросить у человека пятьдесят рублей в долг, если вы видели, как он только что положил себе в карман двести. Его дело: дать вам деньги или отказать; и самый удобный и приятный способ отказа — это соврать, что денег нет. Вы же видели, что у того человека деньги есть, и тем самым лишили его возможности вам просто и приятно отказать. Вы лишили его права выбора, а это свинство. Это неприличный и бестактный поступок. И спросить человека: «Веруете ли в Бога?» — тоже поступок бестактный и неприличный.

— Ну, — сказал я, — тут уж нет ничего общего.

— А я и не сравниваю, — сказал Сакердон Михайлович.

— Ну, хорошо, — сказал я, — оставим это. Извините только меня, что я задал вам такой неприличный и бестактный вопрос.

— Пожалуйста, — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь я просто отказался отвечать вам.

— Я бы тоже не ответил, — сказал я, — да только по другой причине.

— По какой же? — вяло спросил Сакердон Михайлович.

— Видите ли, — сказал я, — по-моему, нет верующих или неверующих людей. Есть только желающие верить и желающие не верить.

— Значит, те, что желают не верить, уже во что-то верят? — сказал Сакердон Михайлович. — А те, что желают верить, уже заранее не верят ни во что?

— Может быть, и так, — сказал я. — Не знаю.

— А верят или не верят во что? В Бога? — спросил Сакердон Михайлович.

— Нет, — сказал я, — в бессмертие.

— Тогда почему же вы спросили меня, верую ли я в Бога?

— Да просто потому, что спросить: «Верите ли вы в бессмертие?» — звучит как-то глупо, — сказал я Сакердону Михайловичу и встал.

— Вы что, уходите? — спросил меня Сакердон Михайлович.

— Да, — сказал я, — мне пора.

— А что же водка? — сказал Сакердон Михайлович. — Ведь и осталось-то всего по рюмке.

— Ну, давайте допьем, — сказал я.

Мы допили водку и закусили остатками варёного мяса.

— А теперь я должен идти, — сказал я.

— До свидания, — сказал Сакердон Михайлович, провожая меня через кухню на лестницу. — Спасибо за угощение.

— Спасибо вам, — сказал я. — До свидания.

И я ушёл.

Оставшись один, Сакердон Михайлович убрал со стола, закинул на шкаф пустую водочную бутылку, опять надел на голову свою меховую с наушниками шапку и сел под окном на пол. Руки Сакердон Михайлович заложил за спину, и их не было видно. А из-под задравшегося халата торчали голые костлявые ноги, обутые в русские сапоги с отрезанными голенищами.

Я шёл по Невскому, погружённый в свои мысли. Мне надо сейчас же пройти к управдому и рассказать ему всё. А разделившись со старухой, я буду целые дни стоять около булочной, пока не встречу ту милую дамочку. Ведь я остался ей должен за хлеб 48 копеек. У меня есть прекрасный предлог её разыскивать. Выпитая водка продолжала ещё действовать, и казалось, что всё складывается очень хорошо и просто.

На Фонтанке я подошёл к ларьку и, на оставшуюся мелочь, выпил большую кружку хлебного кваса. Квас был плохой и кислый, и я пошёл дальше с мерзким вкусом во рту.

На углу Литейной какой-то пьяный, пошатнувшись, толкнул меня. Хорошо, что у меня нет револьвера: я бы убил его тут же на месте.

До самого дома я шёл, должно быть, с искажённым от злости лицом. Во всяком случае почти все встречные оборачивались на меня.

Я вошёл в домовую контору. На столе сидела низкорослая, грязная, курносая, кривая и белобрысая девка и, глядясь в ручное зеркальце, мазала себе помадой губы.

— А где же управдом? — спросил я.

Девка молчала, продолжая мазать губы.

— Где управдом? — повторил я резким голосом.

— Завтра будет, не сегодня, — отвечала грязная, курносая, кривая и белобрысая девка.

Я вышел на улицу. По противоположной стороне шёл инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Шесть мальчишек бежало за инвалидом, передразнивая его походку.

Я завернул в свою парадную и стал подниматься по лестнице. На втором этаже я остановился; противная мысль пришла мне в голову: ведь старуха должна начать разлагаться. Я не закрыл окна, а говорят, что при открытом окне покойники разлагаются быстрее. Вот ведь глупость какая! И этот чёртов управдом будет только завтра! Я постоял в нерешительности несколько минут и стал подниматься дальше.

Около двери в свою квартиру я опять остановился. Может быть, пойти к булочной и ждать там ту милую дамочку? Я бы стал умолять её пустить меня к себе на две или три ночи. Но тут я вспоминаю, что сегодня она уже купила хлеб и, значит, в булочную не придёт. Да и вообще из этого ничего бы не вышло.

Я отпер дверь и вошёл в коридор. В конце коридора горел свет, и Марья Васильевна, держа в руках какую-то тряпку, тёрла по ней другой тряпкой. Увидя меня, Марья Васильевна крикнула:

— Ваш шпрашивал какой-то штарик!

— Какой старик? — сказал я.

— Не жнаю, — отвечала Марья Васильевна.

— Когда это было? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна.

— Вы разговаривали со стариком? — спросил я Марью Васильевну.

— Я, — отвечала Марья Васильевна.

— Так как же вы не знаете, когда это было? — сказал я.

— Чиша два тому нажад, — сказала Марья Васильевна.

— А как этот старик выглядел? — спросил я.

— Тоже не жнаю, — сказала Марья Васильевна и ушла на кухню.

Я подошёл к своей комнате.

«Вдруг, — подумал я, — старуха исчезла. Я войду в комнату, а старухи-то и нет. Боже мой! Неужели чудес не бывает?!»

Я отпер дверь и начал её медленно открывать. Может быть, это только показалось, но мне в лицо пахнул приторный запах начавшегося разложения. Я заглянул в приотворённую дверь и, на мгновение, застыл на месте. Старуха на четвереньках медленно ползла ко мне навстречу.

Я с криком захлопнул дверь, повернул ключ и отскочил к противоположной стенке.

В коридоре появилась Марья Васильевна.

— Вы меня жвали? — спросила она.

Меня так трясло, что я ничего не мог ответить и только отрицательно замотал головой. Марья Васильевна подошла поближе.

— Вы ш кем-то ражговаривали, — сказала она.

Я опять отрицательно замотал головой.

— Шумашедший, — сказала Марья Васильевна и опять ушла на кухню, несколько раз по дороге оглянувшись на меня.

«Так стоять нельзя. Так стоять нельзя», — повторял я мысленно. Эта фраза сама собой сложилась где-то внутри меня. Я твердил её до тех пор, пока она не дошла до моего сознания.

— Да, так стоять нельзя, — сказал я себе, но продолжал стоять как парализованный. Случилось что-то ужасное, но предстояло сделать что-то, может быть, ещё более ужасное, чем то, что уже произошло. Вихрь кружил мои мысли, и я только видел злобные глаза мёртвой старухи, медленно ползущей ко мне на четвереньках.

Ворваться в комнату и раздробить этой старухе череп. Вот что надо сделать! Я даже поискал глазами и остался доволен, увидя крокетный молоток, неизвестно для чего уже в продолжение многих лет стоящий в углу коридора. Схватить молоток, ворваться в комнату и трах!..

Озноб ещё не прошёл. Я стоял с поднятыми плечами от внутреннего холода. Мои мысли скакали, путались, возвращались к исходному пункту и вновь скакали, захватывая новые области, а я стоял и прислушивался к своим мыслям и был как бы в стороне от них и был как бы не их командир.

— Покойники, — объясняли мне мои собственные мысли, — народ неважный. Их зря называют *покойники*, они скорее *беспокойники*. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались. Бывают, в этом смысле, забавные случаи. Один покойник, пока сторож, по приказанию начальства, мылся в бане, выполз из мертвецкой, заполз в дезинфекционную камеру и съел там кучу белья. Дезинфекторы здорово отлупцевали этого покойника, но за испорченное бельё им пришлось рассчитываться из своих собственных карманов. А другой покойник заполз в палату рожениц и так перепугал их, что одна роженица тут же произвела преждевременный выкидыш, а покойник набросился на выкинутый плод и начал его, чавкая, пожирать. А когда одна храбрая сиделка ударила покойника по спине табуреткой, то он укусил эту сиделку за ногу, и она вскоре умерла от заражения трупным ядом. Да, покойники народ неважный, и с ними надо быть начеку.

— Стоп! — сказал я своим собственным мыслям. — Вы говорите чушь. Покойники неподвижны.

— Хорошо, — сказали мне мои собственные мысли, — войди тогда в свою комнату, где находится, как ты говоришь, неподвижный покойник.

Неожиданное упрямство заговорило во мне.

— И войду! — сказал я решительно своим собственным мыслям.

— Попробуй! — сказали мне мои собственные мысли.

Эта насмешливость окончательно взбесила меня. Я схватил крокетный молоток и кинулся к двери.

— Подожди! — закричали мне мои собственные мысли. Но я уже повернул ключ и распахнул дверь.

Старуха лежала у порога, уткнувшись лицом в пол.

С поднятым крокетным молотком я стоял наготове. Старуха не шевелилась.

Озноб прошёл, и мысли мои текли ясно и четко. Я был командиром их.

— Раньше всего закрыть дверь! — скомандовал я сам себе.

Я вынул ключ с наружной стороны двери и вставил его с внутренней. Я сделал это левой рукой, а в правой я держал крокетный молоток и всё время не спускал со старухи глаз. Я запер дверь на ключ и, осторожно переступив через старуху, вышел на середину комнаты.

— Теперь мы с тобой рассчитаемся, — сказал я. У меня возник план, к которому обыкновенно прибегают убийцы из уголовных романов и газетных происшествий; я просто хотел запрятать старуху в чемодан, отвезти её за город и спустить в болото. Я знал одно такое место.

Чемодан стоял у меня под кушеткой. Я вытащил его и открыл. В нём находились кое-какие вещи: несколько книг, старая фетровая шляпа и рваное бельё. Я выложил всё это на кушетку.

В это время громко хлопнула наружная дверь, и мне показалось, что старуха вздрогнула.

Я моментально вскочил и схватил крокетный молоток.

Старуха лежит спокойно. Я стою и прислушиваюсь. Это вернулся машинист, я слышу, как он ходит у себя по комнате. Вот он идёт по коридору на кухню. Если Марья Васильевна расскажет ему о моём сумасшествии, это будет нехорошо. Чертовщина какая! Надо и мне пройти на кухню и своим видом успокоить их.

Я опять перешагнул через старуху, поставил молоток возле самой двери, чтобы, вернувшись обратно, я бы мог, не входя ещё в комнату, иметь молоток в руках, и вышел в коридор. Из кухни неслись голоса, но слов не было слышно. Я прикрыл за собой дверь в свою комнату и осторожно пошёл на кухню: мне хотелось узнать, о чем говорит Марья Васильевна с машинистом. Коридор я прошёл быстро, а около кухни замедлил шаги. Говорил машинист, по-видимому, он рассказывал что-то случившееся с ним на работе.

Я вошёл. Машинист стоял с полотенцем в руках и говорил, а Марья Васильевна сидела на табурете и слушала. Увидя меня, машинист махнул мне рукой.

— Здравствуйте, здравствуйте, Матвей Филиппович, — сказал я ему и прошёл в ванную комнату. Пока всё было спокойно. Марья Васильевна привыкла к моим странностям и этот последний случай могла уже и забыть.

Вдруг меня осенило: я не запер дверь. А что, если старуха выползет из комнаты?

Я кинулся обратно, но вовремя спохватился и, чтобы не испугать жильцов, прошёл через кухню спокойными шагами.

Марья Васильевна стучала пальцем по кухонному столу и говорила машинисту:

— Ждорово! Вот это здорово! Я бы тоже швиштела!

С замирающим сердцем я вышел в коридор и тут уже чуть не бегом пустился к своей комнате.

Снаружи всё было спокойно. Я подошёл к двери и, приотворив её, заглянул в комнату. Старуха по-прежнему спокойно лежала, уткнувшись лицом в пол. Крокетный молоток стоял у двери на прежнем месте. Я взял его, вошёл в комнату и запер за собою дверь на ключ. Да, в комнате определенно пахло трупом. Я перешагнул через старуху, подошёл к окну и сел в кресло. Только бы мне не стало дурно от этого пока ещё хоть и слабого, но всё-таки нестерпимого запаха. Я закурил трубку. Меня подташнивало, и немного болел живот.

Ну что же я так сижу? Надо действовать скорее, пока эта старуха окончательно не протухла. Но, во всяком случае, в чемодан её надо запихивать осторожно, потому что как раз тут-то она и может тяпнуть меня за палец. А потом умирать от трупного заражения — благодарю покорно!

— Эге! — воскликнул я вдруг. — А интересуюсь я: чем вы меня укусите? Зубки-то ваши вон где!

Я перегнулся в кресле и посмотрел в угол по ту сторону окна, где, по моим расчетам, должна была находиться вставная челюсть старухи. Но челюсти там не было.

Я задумался: может быть, мёртвая старуха ползала у меня по комнате, ища свои зубы? Может быть, даже, нашла их и вставила себе обратно в рот?

Я взял крокетный молоток и пошарил им в углу. Нет, челюсть пропала. Тогда я вынул из комода толстую байковую простыню и подошёл к старухе. Крокетный молоток я держал наготове в правой руке, а в левой я держал байковую простыню.

Брезгливый страх к себе вызывала эта мёртвая старуха. Я приподнял молотком её голову: рот был открыт, глаза закатились кверху, а по всему подбородку, куда я ударил её сапогом, расплзлось большое тёмное пятно. Я заглянул старухе в рот. Нет, она не нашла свою челюсть. Я опустил голову. Голова упала и стукнулась об пол.

Тогда я расстелил по полу байковую простыню и подтянул её к самой старухе. Потом

ногой и крокетным молотком я перевернул старуху через левый бок на спину. Теперь она лежала на простыне. Ноги старухи были согнуты в коленях, а кулаки прижаты к плечам. Казалось, что старуха, лежа на спине, как кошка, собирается защищаться от нападающего на неё орла. Скорее, прочь эту падаль!

Я закатал старуху в толстую простыню и поднял её на руки. Она оказалась легче, чем я думал. Я опустил её в чемодан и попробовал закрыть крышкой. Тут я ожидал всяких трудностей, но крышка сравнительно легко закрылась. Я щелкнул чемоданными замками и выпрямился.

Чемодан стоит перед мной, с виду вполне благопристойный, как будто в нем лежит белье и книги. Я взял его за ручку и попробовал поднять. Да, он был, конечно, тяжёл, но не чрезмерно, я мог вполне донести его до трамвая.

Я посмотрел на часы: двадцать минут шестого. Это хорошо. Я сел в кресло, чтобы немного передохнуть и выкурить трубку.

Видно, сардельки, которые я ел сегодня, были не очень хороши, потому что живот мой болел всё сильнее. А может быть, это потому, что я ел их сырыми? А может быть, боль в животе была и чисто нервной.

Я сижу и курю. И минуты бегут за минутами.

Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей. Вот оно прячется за трубу противостоящего дома, и тень от трубы бежит по крыше, перелетает улицу и ложится мне на лицо. Я вспоминаю, как вчера в это же время я сидел и писал повесть. Вот она: клетчатая бумага и на ней надпись, сделанная мелким почерком: — «Чудотворец был высокого роста».

Я посмотрел в окно. По улице шёл инвалид на механической ноге и громко стучал своей ногой и палкой. Двое рабочих и с ними старуха, держась за бока, хохотали над смешной походкой инвалида.

Я встал. Пора! Пора в путь! Пора отвозить старуху на болото! Мне нужно ещё занять деньги у машиниста.

Я вышел в коридор и подошёл к его двери.

— Матвей Филлипович, вы дома? — спросил я.

— Дома, — ответил машинист.

— Тогда, извините, Матвей Филлипович, вы не богаты деньгами? Я послезавтра получу. Не могли ли бы вы мне одолжить тридцать рублей?

— Мог бы, — сказал машинист. И я слышал, как он звякал ключами, отпирая какой-то ящик. Потом он открыл дверь и протянул мне новую красную тридцатирублевку.

— Большое спасибо, Матвей Филлипович, — сказал я.

— Не стоит, не стоит, — сказал машинист.

Я сунул деньги в карман и вернулся в свою комнату. Чемодан спокойно стоял на прежнем месте.

— Ну теперь в путь, без промедления, — сказал я сам себе.

Я взял чемодан и вышел из комнаты.

Марья Васильевна увидела меня с чемоданом и крикнула:

— Куда вы?

— К тётке, — сказал я.

— Шкоро приедете? — спросила Марья Васильевна.

— Да, — сказал я. — Мне нужно только отвезти к тётке кое-какое бельё. А приеду, может быть, и сегодня.

Я вышел на улицу. До трамвая я дошёл благополучно, неся чемодан то в правой, то в левой руке.

В трамвай я влез с передней площадки прицепного вагона и стал махать кондукторше, чтобы она пришла получить за багаж и билет. Я не хотел передавать единственную тридцатирублевку через весь вагон, и не решался оставить чемодан и сам пройти к кондукторше. Кондукторша пришла ко мне на площадку и заявила, что у неё нет сдачи. На первой же остановке мне пришлось слезть.

Я стоял злой и ждал следующего трамвая. У меня болел живот и слегка дрожали ноги.

И вдруг я увидел мою милую дамочку: она переходила улицу и не смотрела в мою сторону.

Я схватил чемодан и кинулся за ней. Я не знал, как её зовут, и не мог её окликнуть. Чемодан страшно мешал мне: я держал его перед собой двумя руками и подталкивал его коленями и животом. Милая дамочка шла довольно быстро, и я чувствовал, что мне её не догнать. Я был весь мокрый от пота и выбивался из сил. Милая дамочка повернула в переулок. Когда я добрался до угла — её нигде не было.

— Проклятая старуха! — прошипел я, бросая чемодан на землю.

Рукава моей куртки насквозь промокли от пота и липли к рукам. Двое мальчишек остановились передо мной и стали меня рассматривать. Я сделал спокойное лицо и пристально смотрел на ближайшую подворотню, как бы поджидая кого-то. Мальчишки шептались и показывали на меня пальцами. Дикая злоба душила меня. Ах, напустить бы на них столбняк!

И вот из-за этих паршивых мальчишек я встаю, поднимаю чемодан, подхожу с ним к подворотне и заглядываю туда. Я делаю удивлённое лицо, достаю часы и пожимаю плечами. Мальчишки издали наблюдают за мной. Я ещё раз пожимаю плечами и заглядываю в подворотню.

— Странно, — говорю я вслух, беру чемодан и тащу его к трамвайной остановке.

На вокзал я приехал без пяти минут семь. Я беру обратный билет до Лисьего Носа и сажусь в поезд.

В вагоне, кроме меня, ещё двое: один, как видно, рабочий, он устал и, надвинув кепку на глаза, спит. Другой, ещё молодой парень, одет деревенским франтом: под пиджаком у него розовая косоворотка, а из-под кепки торчит курчавый кок. Он курит папироску, всунутую в ярко-зеленый мундштук из пластмассы.

Я ставлю чемодан между скамейками и сажусь. В животе у меня такие рези, что я сжимаю кулаки, чтобы не застонать от боли.

По платформе два милиционера ведут какого-то гражданина в пикет. Он идёт, заложив руки за спину и опустив голову.

Поезд трогается. Я смотрю на часы: десять минут восьмого.

О, с каким удовольствием спущу я эту старуху в болото! Жаль только, что я не захватил с собой палку, должно быть, старуху придётся подталкивать.

Франт в розовой косоворотке нахально разглядывает меня. Я поворачиваюсь к нему спиной и смотрю в окно.

В моём животе происходят ужасные схватки; тогда я стискиваю зубы, сжимаю кулаки и напрягаю ноги.

Мы проезжаем Ланскую и Новую Деревню. Вон мелькает золотая верхушка Буддийской пагоды, а вон показалось море.

Но тут я вскакиваю и, забыв всё вокруг, мелкими шажками бегу в уборную. Безумная волна качает и вертит моё сознание...

Поезд замедляет ход. Мы подъезжаем к Лахте. Я сижу, боясь пошевелиться, чтобы меня не выгнали на остановке из уборной.

— Скорее бы он трогался! Скорее бы он трогался!

Поезд трогается, и я закрываю глаза от наслаждения. О, эти минуты бывают столь же сладки, как мгновения любви!

Все силы мои напряжены, но я знаю, что за этим последует страшный упадок.

Поезд опять останавливается. Это Ольгино. Значит, опять эта пытка!

Но теперь это ложные позывы. Холодный пот выступает у меня на лбу, и лёгкий холодок порхает вокруг моего сердца. Я поднимаюсь и некоторое время стою, прижавшись головой к стене. Поезд идёт, и покачиванье вагона мне очень приятно.

Я собираю все свои силы и пошатываясь выхожу из уборной.

В вагоне нет никого. Рабочий и франт в розовой косоворотке, видно, слезли на Лахте

или в Ольгино. Я медленно иду к своему окошку.

И вдруг я останавливаюсь и тупо гляжу перед собой. Чемодана, там, где я его оставил, нет. Должно быть, я ошибся окном. Я прыгаю к следующему окошку. Чемодана нет. Я прыгаю назад, вперед, я пробегаю вагон в обе стороны, заглядываю под скамейки, но чемодана нигде нет.

Да, разве можно тут сомневаться? Конечно, пока я был в уборной, чемодан украли. Это можно было предвидеть!

Я сижу на скамейке с вытаращенными глазами, и мне почему-то вспоминается, как у Сакердона Михайловича с треском отскакивала эмаль от раскалённой кастрюльки.

— Что же случилось? — спрашиваю я сам себя. — Ну кто теперь поверит, что я не убивал старуху? Меня сегодня же схватят, тут же или в городе на вокзале, как того гражданина, который шёл, опустив голову.

Я выхожу на площадку вагона. Поезд подходит к Лисьему Носу. Мелькают белые столбики, окружающие дорогу. Поезд останавливается. Ступеньки моего вагона не доходят до земли. Я соскакиваю и иду к станционному павильону. До поезда, идущего в город, ещё полчаса.

Я иду в лесок. Вот кустики можжевельника. За ними меня никто не увидит. Я направляюсь туда.

По земле ползёт большая зелёная гусеница. Я опускаюсь на колени и трогаю её пальцем. Она сильно и жилисто складывается несколько раз в одну и в другую сторону.

Я оглядываюсь. Никто меня не видит. Легкий трепет бежит по моей спине.

Я низко склоняю голову и негромко говорю:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

* * *

На этом я временно заканчиваю свою рукопись, считая, что она и так уже достаточно затянута.

Циклы и сборники

Измерение вещей

Ляполянов :

За вами есть один грешок:
вы под пол прячете вершок,
его лелеете как цветок,
в случае опасности дуете в свисток.

Друзья :

Нам вершок дороже глаза,
наша мера он отсчета,
он в пространстве наша база,
мы бойцы прямых фигур.
К мерам жидкости сыпучей
прилагаем эталон,
сыпем слез на землю кучи,
измеряем лоб соседа
(он же служит нам тетёркой),
рассматривая форму следа,

меру трогаем всей пятёркой.
Любопытствуя больного
тела жар — температуру,
мы вершок ему приносим,
из бульона варим куру.

Ляполянов :

Но физики считают вершок
устаревшей мерой.
Значительно удобней
измерять предметы саблей.
Хорошо также измерять шагами.

Профессор Гуриндури .

Вы не правы, Ляполянов.
Я сам представитель науки
и знаю лучше тебя положение дел.
Шагами измеряют пашни,
а саблей тело человеческое,
но вещи измеряют вилкой.

Друзья :

Мы дети в науке,
но любим вершок.

Ляполянов :

Смерть отсталым измерениям!
Смерть науки старожилам!
Ветер круглым островам!
Дюжий метр пополам!

Плотник .

Ну нет,
простите.
Я знаю косую сажень
и на все ваши выдумки мне плевать!
Плевать, говорю, на вашу тетю науку.
Потому как сажень
есть косая инструмент
и способна прилагаться
где угодно хорошо;
при постройке, скажем, дома
сажень веса кирпичей,
штукатурка, да солома,
да тяжелый молоток.

Профессор Гуриндури :

Вот мы,
глядя в потолок,
рассуждаем над масштабом
разных планов естества,
переходящего из энергии
в основную материю,
под которой разумеем
даже газ.

Друзья :

Наша мера нами скрыта.
Нам вершок дороже глаз.

Ляполянов :

В самых маленьких частичках,
в элементах,
в ангелочках,
в центре тел,
в летящих ядрах,
в натяженьи,
в оболочках,
в ямах душевной скуки,
в пузырях логической науки —
измеряются предметы
клином, клювом и клыком.

Профессор Гуриндуриин :

Вы не правы, Ляполянов.
Где же вы слышали бредни,
чтобы стул измерить клином,
чтобы стол измерить клювом,
чтобы ключ измерить лирой,
чтобы дом запутать клятвой.
Мы несем в науке метр,
вы несете только саблю.

Ляполянов :

Я теперь считаю так:
меры нет.
Вместо меры только мысли,
заключенные в предмет.
Все предметы оживают,
бытие собой украшают.

Друзья :

О,

мы поняли!
Но все же
оставляем Вершок.

Ляполянов :

Вы костецы.

Профессор Гуриндуриин :

Неучи и глупцы.

Плотник :

Я порываю с вами дружбу.

всё
17-21 октября 1929

Сабля

§ 1.

Жизнь делится на рабочее и нерабочее время. Нерабочее время создаёт схемы — трубы. Рабочее время наполняет эти трубы. Работа в виде ветра влетает в полую трубу. Труба поёт ленивым голосом. Мы слушаем вой труб. И наше тело вдруг легчает в красивый ветер переходит: мы вдруг становимся двойными: направо ручка — налево ручка, направо ножка — налево ножка, бока и уши и глаза и плечи нас граничат с остальными. Точно рифмы наши грани остриём блестят стальным.

§ 2.

Нерабочее время — пустая труба. В нерабочее время мы лежим на диване, много курим и пьём. ходим в гости, много говорим, оправдываясь друг перед другом. Мы оправдываем наши поступки, отделяем от всего остального и говорим, что в праве существовать самостоятельно. Тут нам начинает казаться, что мы обладаем всем, что есть вне нас. И всё существующее вне нас и разграниченное с нами и всем остальным, отличным от нас и его (того, о чём мы в данный момент говорим) пространством (ну хотя бы наполненным воздухом) мы называем предметом. Предмет нами выделяется в самостоятельный мир и начинает обладать всем лежащим вне его, как и мы обладаем тем же.

Самостоятельно существующие предметы уже не связаны законами логических рядов и скачут в пространстве, куда хотят, как и мы. Следуя за предметами, скачат и слова существительного вида. Существительные слова рождают глаголы и даруют глаголам свободный выбор. Предметы, следуя за существительными словами, совершают различные действия, вольные, как новый глагол. Возникают новые качества, а за ними и свободные прилагательные. Так вырастает новое поколение частей речи. Речь, свободная от логических русел, бежит по новым путям, разграниченная от других речей. Грани речи блестят немного ярче, чтобы видно было, где конец и где начало, а то мы совсем бы потерялись. Эти грани, как ветерки, летят в пустую строку-трубу. Труба начинает звучать и мы слышим рифму.

§ 3.

Ура! стихи обогнали нас
Мы не вольны как стихи.
Слышен в трубах ветра глас,
мы же слабы и тихи.
Где граница наших тел,
наши светлые бока?
Мы неясны точно тюль,
мы беспомощны пока.
Слова несутся и речи,
предметы скачат следом,
и мы дерёмся в сече —
Ура! кричим победам.

Таким образом, мы увлекаемся в рабочее состояние. Тут уж некогда становится думать о еде и гостях. Разговоры перестают оправдывать наши поступки. В драке не оправдываются и не извиняются. Теперь каждый отвечает за самого себя. Он один своей собственной волей приводит себя в движение и проходит сквозь других. Всё существующее вне нас перестало быть в нас самих. Мы уже не подобны окружающему нас миру. Мир летит к нам в рот в виде отдельных кусочков: камня, смолы, стекла, железа, дерева и т. д. Подходя к столу, мы говорим: Это стол, а не я, а потому вот тебе! — и трах по столу кулаком, а стол пополам, а мы по половинам, а половинки в порошок, а мы по порошку, а порошок в нам в рот, а мы говорим: это пыль, а не я, — и трах по пыли. А пыль уже наших ударов не боится.

§ 4.

Тут мы стоим и говорим: Вот я вытянул одну руку вперёд прямо перед собой, а другую руку назад. И вот я впереди кончаюсь там, где кончается моя рука, а сзади кончаюсь тоже там, где кончается моя другая рука. Сверху я кончаюсь затылком, снизу пятками, сбоку плечами. Вот я и весь. А, что вне меня, то уж не я.

Теперь, когда мы стали совсем обособленными, почистим наши грани, чтобы лучше видать было, где начинаемся уже не мы. Почистим нижний пункт — сапоги, верхний пункт — затылок — обозначим шапочкой: на руки наденем блестящие манжеты, а на плечи эполеты. Вот теперь уже сразу видать, где кончились мы и началось всё остальное.

§ 5.

Вот три пары наших граней:

1. рука — рука.
2. плечо — плечо.
3. затылок — пятки.

§ 6.

Вопрос: Началась ли наша работа? А если началась, то в чём она состоит?

Ответ: Работа наша сейчас начнется, а состоит она в регистрации мира, потому что мы теперь уже не мир.

В.: Если мы теперь не мир, то что же мы?

О.: Нет, мы мир. Т. е. я не совсем правильно выразился. Не то чтобы мы же не мир, но мы сами по себе, а он сам по себе. Сейчас поясню: Существуют числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и т. д. Все эти числа составляют числовой, счётный ряд. Всякое число найдёт себе в нём место. Но 1 — это особенное число. Она может стоять в стороне, как показатель отсутствия счёта. 2

уже первое множество, и за 2 все остальные числа. Некоторые дикари умеют считать только так: раз и много. Так вот и мы в мире, вроде единицы в счётном ряду.

В.: Хорошо, а как же мы будем регистрировать мир?

О.: Так же. как единица регистрирует остальные числа, т. е. укладываясь в них и наблюдая, что из этого получается.

В.: Разве так единица регистрирует другие числа?

О.: Допустим, что так. Это неважно.

В.: Странно. А как же мы будем укладываться в другие предметы, расположенные в мире? Смотреть, насколько шкаф длиннее, шире и выше, чем мы? Так что ли?

О.: Единица изображается нами значком в виде палочки. Значок единицы есть только наиболее удобная форма для изображения единицы, как и всякий значёк числа. Так и мы есть только наиболее удобная форма нас самих. Единица, регистрируя два, не укладывается своим значком в значёк два. Единица регистрирует числа своим качеством. Так должны поступать и мы.

В.: Но что такое наше качество?

О.:

Гибель уха —
глухота,
гибель носа —
носота,
гибель нёба —
немота,
гибель слепа —
слепота.

Абстрактное качество единицы мы тоже знаем. Но понятие единицы существует в нас, как понятие чего-либо. Скажем, аршина. Единица регистрирует два — есть: один аршин укладывается в двух аршинах, одна спичка укладывается в двух спичках и т. п. Таких единиц существует уже много. Так-же и человек не один, а много. И качеств у нас столько же, сколько существует людей. И у каждого из нас свой особое качество.

В.: Какое качество у меня?

О.: Вот. Работа начинается с отыскания своего качества. Так как этим качеством нам придется потом орудовать, то назовем его оружие.

В.: Но как найти мне своё оружие?

§ 7.

Если нет больше способов
побеждать нашествие смыслов,
надо выходить из войны гордо
и делать своё мирное дело.
Мирное дело постройка дома
из брёвен при помощи топора.
Я вышел в мир глухой от грома.
Домов раскинулась гора.
Но сабля войны остаток
моя единственная плоть
со свистом рубит с крышь касаток
бревна не в силах расколоть,
Менять ли дело иль оружие?
рубить врага иль строить дом?

Иль с девы сдёрнуть с дуба кружево
и саблю в грудь вонзить потом.
Я плотник саблей вооружённый,
встречаю дом как врага.
Дом саблей в центр пораженный
стоит к ногам склонив рога.
Вот моя сабля, мера моя
вера и пера, мегера моя!

Добавление.

§ 8.

Козьма Прутков регистрировал мир Пробирной Палаткой, и потому он был вооружён саблей.³

Сабли были у: Гёте, Блейка, Ломоносова, Гоголя, Пруткова и Хлебникова.
Получив саблю, можно приступить к делу и регистрировать мир.

§ 9.

Регистрация мира.
(Сабля — мера)⁴
всё.

19-20 ноября 1929 года

Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса

I утверждение.
Предметы пропали.

II утверждение.
Было: Числовой ряд начинается с 2. Единица не число. Единица первое и единственное совершенство. Первое множество, первое число и первое от совершенства — это 2. (Пифагорова Единица).

III утверждение.
Вообразим, что единица — первое число.

IV утверждение.
Новая единица подчиняется закону общих чисел. Закон чисел — Закон масс. (Хармсова Единица).

V утверждение.
Закон единицы ложен — такого Закона нет. Есть только Закон масс.

³ Сон Козьмы Пруткова: Голый генерал. Хорошо, что генерал был в эполетах, но жаль, что он не передал Пруткову сабли.

⁴ «Время — мера мира». В. Хлебников.

VI утверждение.

Предмет обезоружен. Он стручок. Вооружена только куча.

VII утверждение.

Закон больших и малых чисел один. Разница только количественная.

VIII утверждение.

И человек и слово и число подчинены одному закону.

IX утверждение.

Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она «тронулась». Вот почему для кого-то большевики сумасшедшие.

X утверждение.

Один человек думает логически; много людей думают ТЕКУЧЕ.

XI утверждение.

Я хоть и один, но думаю ТЕКУЧЕ.

всё.

Я пишу высокие стихи.

16 марта 1930

Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом

1. Значение всякого предмета многообразно. Уничтожая все значения, кроме одного, мы тем самым делаем данный предмет невозможным. Уничтожая и это последнее значение, мы уничтожаем и само существование предмета.

2. Всякий предмет (неодушевлённый и созданный человеком) обладает четырьмя рабочими значениями и пятым сущим значением. Первые четыре суть: 1) Начертательное значение (геометрическое), 2) целевое значение (утилитарное), 3) значение эмоционального воздействия на человека, 4) значение эстетического воздействия на человека. Пятое значение определяется самим фактом существования предмета: Оно вне связи предмета с человеком и служит самому предмету. Пятое значение — есть свободная воля предмета.

3. Человек, вступая в общение с предметом, исследует его четыре рабочих значения. При помощи их предмет укладывается в сознании человека, где и живёт. Если бы человек натолкнулся на совокупность предметов только с тремя из четырёх рабочих значений, то перестал бы быть человеком. Человек же, наблюдающий совокупность предметов, лишённых всех четырёх рабочих значений, перестаёт быть наблюдателем, превратясь в предмет, созданный им самим. Себе он приписывает пятое значение своего существования.

4. Пятым, сущим значением, предмет обладает только вне человека, т. е. теряя отца, дом и почву. Такой предмет «реет».

5. Решающими бывают не только предметы, но также: жесты и действия.

6. Пятое значение шкафа — есть шкаф. Пятое значение бега — есть бег.

7. Бесконечное множество прилагательных и более сложных словесных определений шкафа объединяются словом «шкаф».

8. Разбив шкаф на четыре дисциплины, соответствующие четырём рабочим значениям шкафа, мы получили бы четыре предмета, представляющих в совокупности шкаф. Но шкафа как такового не было бы и такому синтетическому шкафу нельзя бы было приписать пятое значение единого шкафа. Он, смещённый во едино лишь в нашем сознании, обладал бы четырьмя сущими значениями и четырьмя рабочими. В самый же момент смещения вне нас жили бы четыре предмета, обладающие по одному сущему и по одному рабочему значению. Натолкнись на них наблюдатель — он был бы не человеком.

9. Предмет в сознании человека имеет четыре рабочих значения и значение как слово (шкаф). Слово шкаф и шкаф — конкретный предмет существуют в системе конкретного мира наравне с другими предметами, камнями и светилами. Слово — шкаф существует в системе понятий наравне со словами: человек, бесплодность, густота, переправа и т. д.

10. Пятое сущее значение предмета в конкретной системе и в системе понятий различно. В первом случае оно свободная воля предмета, а во втором — свободная воля слова (или мысли, не выраженной словом, но мы будем говорить лишь о выраженных в слово понятиях).

11. Любой ряд предметов, нарушающий связь их рабочих значений, сохраняет связь значений сущих и по счёту пятых. Такого рода есть ряд нечеловеческий и есть мысль предметного мира. Рассматривая такой ряд, как целую величину и как вновь образовавшийся синтетический предмет, мы можем приписать ему новые значения, счётом три: 1) начертательное, 2) эстетическое и 3) сущее.

12. Переводя этот ряд в другую систему, мы получим словесный ряд, человечески **БЕССМЫСЛЕННЫЙ**.

8 августа 1927 года

Мыр

Я говорил себе, что я вижу мир. Но весь мир недоступен моему взгляду, и я видел только части мира. И все, что я видел, я называл частями мира. И я наблюдал свойства этих частей, и, наблюдая свойства частей, я делал науку. Я понимал, что есть умные свойства частей и есть не умные свойства в тех же частях. Я делил их и давал им имена. И в зависимости от их свойств, части мира были умные и не умные.

И были такие части мира, которые могли думать. И эти части смотрели на другие части и на меня. И все части были похожи друг на друга, и я был похож на них.

Я говорил: части гром.

Части говорили: пук времени.

Я говорил: Я тоже часть трех поворотов.

Части отвечали: Мы же маленькие точки.

И вдруг я перестал видеть их, а потом и другие части. И я испугался, что рухнет мир.

Но тут я понял, что я не вижу частей по отдельности, а вижу все зараз.

Сначала я думал, что это НИЧТО. Но потом понял, что это мир, а то, что я видел раньше, был не мир.

И я всегда знал, что такое мир, но, что я видел раньше, я не знаю и сейчас.

И когда части пропали, то их умные свойства перестали быть умными, и их неумные свойства перестали быть неумными. И весь мир перестал быть умным и неумным.

Но только я понял, что я вижу мир, как я перестал его видеть. Я испугался, думая, что мир рухнул. Но пока я так думал, я понял, что если бы рухнул мир, то я бы так уже не думал. И я смотрел, ища мир, но не находил его.

А потом и смотреть стало некуда.

Тогда я понял, что, покуда было куда смотреть, — вокруг меня был мир. А теперь его нет. Есть только я.

А потом я понял, что я и есть мир.

Но мир — это не я.

Хотя в то же время я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

А мир не я.

А я мир.

И больше я ничего не думал.

30 мая 1930

Cisfinitum. Письмо к Леониду Савельевичу Липавскому. Падение ствола

Леонид Савельевич,

I

1) Будем считать всякую дисциплину творческой, если она не опирается на постулаты категории Е.

2) Всякую дисциплину, опирающуюся на постулаты категории Е, будем считать нетворческой.

3) Логическая наука («формальная логика», «законы мысли») опирается на постулаты категории Е, следовательно она нетворческая.

4) Искусство не может опираться на постулаты категории Е, следовательно оно есть творческая дисциплина.

5) Говорю о творческой науке, не могущей опираться на постулаты категории Е.

II

Некий ствол стоит на постулате Е. Создадим постулат Е как первоначальный ствол. Тогда ствол Е встанет на новый постулат Р1. Создадим постулат Р1 как первейший ствол. Тогда ствол Е опрётся на постулат Р2. Создадим постулат Р2 как наипервейший ствол и т. д.

Должен заметить, что тем и славен ствол формальной логики (Bool, Пирс и др.), что может не интересоваться происхождением постулата Е.

Постулаты Е, ЕI, ЕII...могут быть в любой момент заменены Р1, Р2, Р3 ...и новые постулаты могут быть рассматриваемы как постулаты категории Е.

И только при бесконечном сдвигании Р в последующие Р1, Р2, Р3 ..., ствол растёт или вернее падает в необрезанное поле постуляции, и постуляция принимает вид Р1 Р2 Р3 ...Р ω . Изобразим новый ствол S ω . Обращаю внимание на то, что для того, чтобы создать поле (Р1 ...Р ω), надо поочерёдно исследовать каждое Р. Условимся исследованное поле отмечать буквой α .

Тогда запишем, что новый ствол S ω опирается на исследованную постуляцию α (Р1 ...Р ω) или

$$\frac{S_{\omega}}{\alpha(P_1 \dots P_{\omega})}$$

III

Определим исследование постулативного поля. Для этого определим постулат как предел падения опирающегося на него ствола. И заметим, что если ствол есть некий континуум K , то постулат будет выражен формулой $K - \mu = 1$ (при любом μ).

Принимаем $(K - \mu)$ за некий ствол и исследуя его, находим постулат P_1 . $P_1 = K - \mu - \mu_1 = 1$.

Следуя дальше, получаем: $P_2 = K - \mu - \mu_1 - \mu_2 = 1$.

Открывая падение, видим: $P_{\omega} = K - \mu - \mu_1 - \mu_2 \dots \mu_{\omega} - \mu_{\omega} = 1$.

И, наконец, исследование постулативного поля выразится⁵:

$$\alpha(P_1 \dots P_{\omega}) = (K - \mu) \infty (K - \mu - \mu_1) \infty \dots (K - \mu - \mu_1 \dots \mu_{\omega}) \infty (K - \mu - \mu_1 \dots \mu_{\omega} - \mu) I$$

IV

Посмотрим, что происходит со стволом. Раньше всего назовём этот процесс — падение ствола.

Последовательные моменты падения мы можем выразить так:

1. K постулируемый E , или K/E
2. $(K - \mu) / P_1$
3. $(K - \mu - \mu_1) / P_2$

$$m_{\omega - 1} \frac{K - \mu - \mu_1 \dots \mu_{\omega}}{P_{\omega}}$$

Следуя дальше, получаем:

$$\begin{aligned} & \frac{S_{\omega}}{\alpha(P_1 \dots P_{\omega})} = \\ & = \frac{K + (K - \mu) + (K - \mu - \mu_1) + \dots + (K - \mu - \mu_1 - \dots - \mu_{\omega})}{(K - \mu) \infty (K - \mu - \mu_1) \infty \dots (K - \mu - \mu_1 - \dots - \mu_{\omega}) \infty (K - \mu - \mu_1 - \dots - \mu_{\omega} - \mu_{\omega})} \end{aligned}$$

V

Меня очень интересует Ваше мнение по поводу непостулируемой науки.

Ведь постулируя S_{ω} бесконечно убывающим полем $(P_1 \dots P_{\omega})$, мы не можем называть это прежней единицей опоры. Новая единица опоры будет 0 (нуль).

$$\alpha(P_1 \dots P_{\omega}) = 0.$$

Это первое и единственное утверждение, могущее быть новым постулатом не категории E .

Согласно первому условию 1-го параграфа, ствол, опирающийся на $\alpha(P_1 \dots P_{\omega})$, будем считать творческим.

VI

⁵ Знак ∞ читается: обращается съ... (Прим. автора).

Если допустить, что может существовать творческая наука $S\omega$, то можно предвидеть, что она по 4-му условию § 1 будет схожа с искусством.

Если творческой науке придётся иметь дело с понятиями количества, то можно предвидеть, что система счисления должна быть иной, нежели наш солярный корпус. Скромно замечу, что новая система счисления будет нулевая и область её исследования будет *Cisfinitum*.

На этом, дорогой Леонид Савельевич, разрешите кончить письмо и пожелать Вам спокойной ночи.

Я же, раздумывая над цисфинитной пустотой, готов и постоять, пока люди, считая до ста, торопятся уснуть, а коварный Мукк со своими собаками собирается на охоту.

16 октября 1930.

Нуль и ноль

Беру на себя смелость утверждать следующее:

1. Смотрите внимательнее на ноль, ибо ноль не то, за что вы его принимаете.
2. Понятие «больше» и «меньше» столь же недействительно, как понятие «выше» и «ниже». Это наше частное условие считать одно число больше другого и по этому признаку мы расположили числа, создав солярный ряд. Не числа выдуманы нами, а их порядок. Многим покажется, что существо числа всецело зависит от его положения в солярном ряду, — но я беру на себя смелость утверждать, что число может быть рассматриваемо самостоятельно, вне порядка ряда. И только это будет подлинной наукой о числе.
3. Предполагаю, что один из способов обнаружить в числе его истинные свойства, а не порядковое значение, это обратить внимание на его аномалии. Для этого удобно 6. Но впрочем, пока я об этом распространяться не буду.
4. Предполагаю и даже беру на себя смелость утверждать, что учение о бесконечном будет учением о ноле. Я называю нолем, в отличие от нуля, именно то, что я под этим и подразумеваю.

9 июля 1931 года

5. Символ нуля — 0. А символ ноля — O. Иными словами, будем считать символом ноля круг.

6. Должен сказать, что даже наш вымышленный, солярный ряд, если он хочет отвечать действительности, должен перестать быть прямой, но должен искривиться. Идеальным искривлением будет равномерное и постоянное и при бесконечном продолжении солярный ряд превратится в круг.

7. Правда, это не будет основным учением о числе, но в нашем понятии о числовом ряде это будет существенной поправкой.

8. Постарайтесь увидеть в ноле весь числовой круг. Я уверен, что это со временем удастся. И потому путь символом ноля останется круг O.

10 июля

O круге

1. Не обижайтесь на следующее рассуждение. Да тут и нет ничего обидного, если не считать, что о круге можно говорить только в смысле геометрическом. Если я скажу, что круг образуют четыре одинаковых радиуса, а вы скажете — не четыре а один, то мы в праве спросить друг друга: а почему? Но не о такого рода образовании круга хочу говорить я, а об

совершенном образовании круга.

2. Круг есть наиболее совершенная плоская фигура. Я не буду говорить, почему это именно так. Но это само по себе возникает в нашем сознании при рассмотрении плоскостных фигур.

3. Так создано в природе, что чем менее заметны законы образования, тем совершеннее вещь.

4. И ещё создано в природе так, что чем более недоступна охвату вещь, тем она совершеннее.

5. О совершенстве скажу я такими словами так: Совершенное в вещи есть вещь совершенная. Совершенная вещь вызывает в нас изумление стройностью законов её образования и как она сделана. Совершенную вещь можно всегда изучать, иными словами, в совершенной вещи есть всегда что-либо не изученное. Если бы оказалась вещь, изученная до конца, то она перестала бы быть совершенной, ибо совершенно только то, что конца не имеет, т. е. бесконечно.

6. Точка бесконечно мала и потому она совершенна, но вместе с тем и непостижима. Самая маленькая постижимая точка уже не совершенна.

7. Прямая совершенна, ибо нет причин не быть ей бесконечно длинной в обе стороны, не иметь ни конца, ни начала, а потому быть непостижимой. Но делая над ней насилие и ограничивая её с обеих сторон, мы делаем её постижимой, но вместе с тем и несовершенной. Ели ты веришь, то подумай.

10 июля

8. Прямая, сломанная в одной точке, образует угол. Но такая прямая, которая ломается одновременно во всех своих точках, называется кривой. Бесконечное количество изменений прямой делает её совершенной. Кривая не должна быть обязательно бесконечно большой. Она может быть такой, что мы свободно охватим её взором, и в тоже время она останется непостижимой и бесконечной. Я говорю о замкнутой кривой, в которой скрыто начало и конец. И самая ровная, непостижимая, бесконечная и идеальная замкнутая кривая будет КРУГ.

17 июля

«Однажды я пришел в Госиздат...»

Однажды я пришел в Госиздат и встретил в Госиздате Евгения Львовича Шварца, который, как всегда, был одет плохо, но с претензией на что-то. Увидя меня, Шварц начал острить, тоже, как всегда, неудачно.

Я острил значительно удачнее и скоро в умственном отношении положил Шварца на обе лопатки.

Все вокруг завидовали моему остроумию, но никаких мер не предпринимали, так как буквально дохли от смеха. В особенности же дохли от смеха Нина Владимировна Гернет и Давид Ефимович Рахмилович, для благозвучия называвший себя Южиным.

Видя, что со мной шутки плохи, Шварц начал сбавлять свой тон и, наконец, обложив меня просто матом, заявил, что в Тифлисе Заболоцкого знают все, а меня почти никто.

Тут я обозлился и сказал, что я более историчен, чем Шварц и Заболоцкий, что от меня останется в истории светлое пятно, а они быстро забудутся.

Почувствовав мое величие и крупное мировое значение, Шварц постепенно затрепетал и пригласил меня к себе на обед.

«Я решил растрепать одну компанию...»

Я решил растрепать одну компанию, что и делаю.

Начну с Валентины Ефимовны. Эта нехозяйственная особа приглашает нас к себе и

вместо еды подает к столу какую-то кислятину. Я люблю поесть и знаю толк в еде. Меня кислятиной не проведешь! Я даже в ресторан другой раз захожу и смотрю, какая там еда. И терпеть не могу, когда с этой особенностью моего характера не считаются.

Теперь перехожу к Леониду Савельевичу Липавскому. Он не постеснялся сказать мне в лицо, что ежемесячно сочиняет десять мыслей.

Во-первых, врет. Сочиняет не десять, а меньше.

А во-вторых, я больше сочиняю. Я не считал, сколько я сочиняю в месяц, но должно быть больше, чем он. . . .

Я вот, например, не тычу всем в глаза, что обладаю, мол, колоссальным умом. У меня есть все данные считать себя великим человеком. Да, впрочем, я себя таким и считаю.

Потому-то мне и обидно, и больно находиться среди людей, ниже меня поставленных по уму, прозорливости и таланту, и не чувствовать к себе должного уважения.

Почему, почему я лучше всех?

«Теперь я всё понял...»

Теперь я все понял: Леонид Савельевич — немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну, чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец.

Не хвастаясь, могу сказать, что я очень наблюдательный и остроумный.

Вот, например, если взять Леонида Савельевича, Юлия Берзина и Вольфа Эрлиха и поставить их вместе на панели, то можно сказать «мал мала меньше».

По-моему, это остроумно, потому что в меру смешно.

И все-таки Леонид Савельевич — немец! Обязательно при встрече скажу ему это.

Я не считаю себя особенно умным человеком и все-таки должен сказать, что я умнее всех. Может быть, на Марсе есть и умнее меня, но на земле не знаю.

Вот, говорят, Олейников очень умный. А по-моему, он умный, да не очень. Он открыл, например, что если написать шесть и перевернуть, то получится девять. А по-моему, это неумно.

Леонид Савельевич совершенно прав, когда говорит, что ум человека — это его достоинство. А если ума нет, значит, и достоинства нет. Яков Семёнович возражает Леониду Савельевичу и говорит что ум человека — это его слабость. А по-моему, это уже парадокс. Почему же ум это слабость? Вовсе нет! Скорее крепость. Я так думаю.

Мы часто собираемся у Леонида Савельевича и говорим об этом.

Если поднимается спор, то победителем спора всегда остаюсь я. Сам не знаю почему.

На меня почему-то все глядят с удивлением. Что бы я ни сделал, все находят, что это удивительно. А ведь я даже и не стараюсь. Все само собой получается.

Заболоцкий как-то сказал, что мне присуще управлять сферами. Должно быть, пошутил. У меня и в мыслях ничего подобного не было.

В Союзе писателей меня считают почему-то ангелом.

Послушайте, друзья! Нельзя же в самом деле передо мной так преклоняться. Я такой же, как и вы все, только лучше.

«Я слышал такое выражение...»

Я слышал такое выражение: «Лови момент!» Легко сказать, но трудно сделать. По-моему, это выражение бессмысленно. И действительно, нельзя призывать к невозможному.

Говорю я это с полной уверенностью, потому что сам на себе все испытал. Я ловил момент, но не поймал и только сломал часы. Теперь я знаю, что это невозможно.

Так же невозможно «Ловить эпоху», потому что это такой же момент, только побольше.

Другое дело, если сказать: «Запечатлейте то, что происходит в этот момент». Это

совсем другое дело.

Вот например: Раз, два, три! Ничего не произошло! Вот я запечатлел момент, в который ничего не произошло.

Я сказал об этом Заболоцкому. Тому это очень понравилось, и он целый день сидел и считал: раз, два, три! И отмечал, что ничего ни произошло.

За таким занятием застал Заболоцкого Шварц. И Шварц тоже заинтересовался этим оригинальным способом запечатлеть то, что происходит в нашу эпоху, потому, что ведь из моментов складывается эпоха. Но прошу обратить внимание, что родоначальником этого метода являюсь я. Опять я! Просто удивительно!

То, что другим дается с трудом, мне дается с легкостью!

Я даже летать умею. Но об этом рассказывать не буду, потому что все равно никто не поверит.

«Когда два человека играют...»

Когда два человека играют в шахматы, мне всегда кажется, что один другого околпачивает. Особенно если они играют на деньги.

Вообще же мне противна всякая игра на деньги. Я запрещаю играть в моем присутствии.

А картежников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми. Вместо того, чтобы играть в карты, лучше бы собрались, да почитали бы друг другу морали.

А впрочем, морали скучно. Интереснее ухаживать за женщинами.

Женщины меня интересовали всегда. Меня всегда волновали женские ножки, в особенности выше колен.

Многие считают женщин порочными существами. А я нисколько! Наоборот, даже считаю их чем-то очень приятными.

Полненькая, молоденькая женщина! Чем же она порочна? Вовсе не порочна!

...Все, что говорит Леонид Савельевич, уже когда-нибудь раньше говорил я.

Да и не только Леонид Савельевич.

Всякий рад подхватить хотя бы обрывки моих мыслей. Мне это даже смешно.

Например, вчера прибежал ко мне Олейников и говорит, что совершенно запутался в вопросах жизни. Я дал ему кое-какие советы и отпустил. Он ушел ошарашенный и в наилучшем своем настроении.

Люди видят во мне поддержку, повторяют мои слова, удивляются моим поступкам, а денег мне не платят.

Глупые люди! Несите мне побольше денег, и вы увидите, как я буду этим доволен.

«Теперь я скажу несколько слов...»

Теперь я скажу несколько слов об Александре Ивановиче.

Это болтун и азартный игрок. Но за что я его ценю, так это за то, что он мне покорен.

Днями и ночами дежурит он передо мной и только и ждет с моей стороны намека на какое-нибудь приказание. Стоит мне только подать этот намек, и Александр Иванович летит как ветер исполнять мою волю. За это я купил ему туфли и сказал: «На, носи!» Вот он их и носит.

Когда Александр Иванович приходит в Госиздат, то все смеются и говорят между собой, что Александр Иванович пришел за деньгами.

Константин Игнатьевич Дровацкий прячется под стол. Это я говорю в аллегорическом смысле.

Больше всего Александр Иванович любит макароны. Ест он их всегда с толчеными сухарями, съедает почти что целое кило, а может быть, и гораздо больше.

Съев макароны, Александр Иванович говорит, что его тошнит, и ложится на диван.

Иногда макароны выходят обратно.

Мясо Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя, иногда любит. Кажется, даже очень часто.

Но женщины, которых любит Александр Иванович, на мой вкус, все некрасивые, а потому будем считать, что это даже и не женщины.

Если я что-нибудь говорю, значит, это правильно. Спорить со мной никому не советую, все равно он останется в дураках, потому что я всякого переспорю.

Да и не вам тягаться со мною. Еще и не такие пробовали. Всех уложил! Даром, что с виду и говорить-то не умею, а как заведу, так и не остановишь.

Как-то раз завел у Липавских и пошел! Всех до смерти заговорил. Потом зашел к Заболоцким и там всех заговорил. Потом пошел к Шварцам и там всех заговорил. Потом домой пришел и дома еще полночи говорил!

<1933–1934>

«Голубая тетрадь»

В Альбом.

Я видел однажды, как подрались муха и клоп. Это было так страшно, что я выбежал на улицу и убежал чорт знает куда.

Так и в альбоме: напакостишь, а потом уже поздно будет.

23 августа 1936

1. Мое мнение о путешествиях кратко: Путешествуя, не заезжай слишком далеко, а не то увидишь этакое, что потом и забыть будет невозможно. А если что-либо сидит в памяти слишком упорно, человеку делается сначала не по себе, а потом и вовсе трудно поддерживать свою бодрость духа.

2. Так например: один часовых дел мастер, тов. Бадаев, не мог позабыть слышанную им некогда фразу: «Если бы небо было криво, он не стало бы от этого ниже». Эту фразу тов. Бадаев понять толком не мог. Она его раздражала, он находил ее неразумной, даже лишенной всякого смысла, даже вредной, потому что в ней было утверждение явно неправильное (тов. Бадаев чувствовал, что знающий физик сумел бы что-то сказать по поводу «высоты неба» и придрался бы к выражению «небо криво»). Попадись эта фраза Перльману, и тов. Бадаев знал, что смысл этой фразы Перльман разорвал бы в клочья, как молодой пёс разрывает в клочья ночные туфли) явно враждебное нормальной европейской мысли. Если же утверждение в этой фразе было истинно, то тогда оно было слишком неважно и ничтожно, чтобы о нём говорить. И во всяком случае, услышав однажды эту фразу, её следовало бы сразу же забыть. Но вот этого-то и не получалось: тов. Бадаев постоянно помнил эту фразу и тяжело страдал.

3. Человеку полезно знать только то, что ему полагается. Могу в пример привести следующий случай: один человек знал немного больше, а другой немного меньше того, что им полагалось знать. И что же? Тот, что знал немного меньше, разбогател, а тот, что знал немного больше — всю жизнь прожил только в достатке.

4. С давних времён люди задумываются о том, что такое ум и глупость. По этому поводу я вспоминаю такой случай: Когда моя тётка подарила мне письменный стол, я сказал себе: «ну вот, сяду за стол и первую мысль сочиню за этим столом особенно умную». Но

особенно умной мысли я сочинить не мог. Тогда я сказал себе «Хорошо. Не удалось сочинить особенно умную мысль, тогда сочиню особенно глупую». Но и особенно глупую мысль сочинить тоже не мог.

5. Всё крайнее сделать очень трудно. Средние части делаются легче. Самый центр не требует никаких усилий. Центр — это равновесие. Там нет никакой борьбы.

6. Надо ли выходить из равновесия?

7. Путешествуя, не предавайся мечтам, а фантазируй и обращай внимание на всё, даже мелочи.

8. Сидя на месте, не верти ногами.

9. Всякая мудрость хороша, если её кто-нибудь понял. Непонятая мудрость может запылиться.

7 января 1937

10. (см. цикл «Случаи», N 1)

11. У одной бабушки было во рту только четыре зуба. Три зуба наверху, а один внизу. Жевать бабушка этими зубами не могла. Собственно говоря, они ей были ни к чему. И вот бабушка решила удалить себе все зубы и вставить в нижнюю десну штопор, а в верхнюю маленькие щипчики. Бабушка пила чернила, ела бурачки, а уши прочищала спичками. У бабушки было четыре зайца. Три зайца наверху, а один заяц внизу. Бабушка ловила зайцев руками и сажала их в небольшие клеточки. Зайцы плакали и чесали задними ногами свои уши. Зайцы пили чернила и ели бурачки. Се-се-се! Зайцы пили чернила и ели бурачки!

12. (см. также стихотворение «Сюита»)

Некий Пантелей ударил пяткой Ивана.
И началась драка.
Елена била Татьяну забором.
Татьяна била Романа матрацом.
Роман бил Никиту чемоданом.
Никита бил Селифана подносом.
Селиван бил Семёна руками.
Семён плевал Наталье в уши.
Наталья кусала Ивана за палец.
Иван лягал Пантелея пяткой.
Эх, думали мы, дерутся хорошие люди.

13.

Одна девочка сказала: «гвя».
Другая девочка сказала: «хфы».
Третья девочка сказала: «мбрю».
А Ермаков капусту из-под забора хряпал, хряпал и хряпал.
Видно вечер уже наступал.
Мотька с гавном наигрался и спать пошёл.
Моросил дождик.
Свиньи горох ели.

Рагозин в женскую баню подглядывал.
Сенька на Маньке верхом сидел.
Манька же дремать начала.
Потемнело небо. Заблистали звёзды.
Пот полом крысы мышку загрызли.
Спи, мой мальчик, и не пугайся глупых снов.
Глупые сны от желудка.

14.

Брейте бороду и усы!
Вы не козлы, чтобы бороду носить.
Вы не коты, чтобы усами шевелить.
Вы не грибы, чтобы в шляпках стоять.
Эх, барышни!
Посдёргайте ваши шапочки!
Эх, красоточки!
Посдёргайте ваши юбочки!
Ну-ка ты, Манька Марусина,
Сядь-ка на Петьку Елабонина.
Вы не зебры, чтобы бегать с хвостиками.
Толстенькие девочки,
пригласите нас на праздники.

15.

Ведите меня с завязанными глазами.
Не пойду я с завязанными глазами.
Развяжите мне глаза и я пойду сам.
Не держите меня за руки,
Я рукам волю дать хочу.
Расступитесь, глупые зрители,
Я, ногами сейчас шпыняться буду.
Я пройду по одной половице и не пошатнусь,
По карнизу пробегу и не рухну.
Не перечьте мне. Пожалеете.
Ваши трусливые глаза неприятны богам.
Ваши рты раскрываются некстати.
Ваши носы не знают вибрирующих запахов.
Ешьте суп — это ваше занятие.
Подметаите свои комнаты — это вам положено от века.
Но снимите с меня бандажи и набрюшники.
Я солью питаюсь, а вы сахаром.
У меня свои сады и свои огороды.
У меня в огороде пасётся своя коза.
У меня в сундуке лежит меховая шапка.
Не перечьте мне, я сам по себе, а вы для меня только четверть
дыма.

13 января 1937 года

16. Сегодня я ничего не писал. Это неважно.

9 января

17. Жалобные звуки испускал Димитрий.
Анна рыдала, уткнувшись головой в подушку.
Плакала Маня.

18. — Федя, а Федя!
— Что-с?
— А вот я тебе покажу что-с!
(Молчание)
— Федя, а Федя!
— В чём дело?
— Ах ты, сукин сын! Ещё в чём дело спрашиваешь.
— Да что вам от меня нужно?
— Видали? Что мне от него нужно! Да я тебя, мерзавца, за такие слова... Я тебя так швырну, что полетишь, сам знаешь, куда!
— Куда?
— В горшок.
(Молчание).

19. — Федя, а Федя?
— Да что вы, тётенька, с ума сошли?
— Ах! Ах! Повтори, как ты сказал!
— Нет, не повторю.
— Ну то-то! Знай своё место! Небось! Тоже!
23 февраля 1937 года

20. Я подавился бараньей костью.
Меня взяли под руки и вывели из-за стола.
Я задумался.
Пробежала мышка.
За мышкой бежал Иван с длинной палкой.
Из окна смотрела любопытная старуха.
Иван, пробегая мимо старухи, ударил её палкой по морде.

21.

С прогулки возвратясь домой,
Я вдруг воскликнул: Боже мой!
Ведь я гулял четыре дня!
И что подумает родня?

22.

Погибли мы в житейском поле.
Нет никакой надежды боле.
О счастья кончилась мечта.
Осталась только нищета.

3 апреля 1937 года

23. Обладать только умом и талантом слишком мало. Надо иметь ещё энергию,

реальный интерес, чистоту мысли и чувство долга.

24. Вписываю сюда события сегодняшнего дня, ибо они поразительны.

Вернее: особенно поразительно одно событие, я его подчеркну.

1) Мы вчера ничего не ели.

2) Утром я взял в сберкассе 10 руб., оставив на книжке 5, чтобы не закрыть счёта.

3) Зашёл к Житкову и занял у него 60 руб.

4) Пошёл домой, закупая по дороге продукты.

5) Погода прекрасная, весенняя.

6) Поехал с Мариной к Буддийской пагоде, взяв с собой сумку с бутербродами и фляжку с красным вином, разбавленным водой.

7) На обратном пути зашли в комиссионные магазин и увидели там фисгармонию Жадмейера двухмануального, копию с филармонической. Цена 900 руб. только! Но полчаса тому назад её купили!

7а) У Alexandra видел замечательную трубку. 85 рублей.

8) Пошли к Житкову.

9) С Житковым узнали, кто купил фисгармонию и поехали по адресу: Песочная 31 кв. 46 Левинский.

10) Перекупить не удалось.

11) Вечер провели у Житкова.

4 апреля

15. Довольно праздности и безделья! Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее полстраницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы по совету Гоголя, что сегодня ничего не пишется. Пиши всегда с интересом и смотри на писание как на праздник.

11 апреля 1937 года

27.

Так начинается голод:

С утра просыпаешься бодрым,

Потом начинается слабость,

Потом начинается скука;

Потом наступает потеря

Быстрого разума силы, —

Потом наступает спокойствие,

А потом начинается ужас.

<4 октября 1937>

28.

Тебя мечтания погубят.

К суровой жизни интерес

Как дым исчезнет. В тоже время

Посол небес не прилетит.

Увянут страсти и желанья,

Промчится юность пылких дум...

Оставь! Оставь, мой друг, мечтанья,

Освободи от смерти ум.

4 октября 1937

29. (Амфибрахий)

И рыбка мелькает в прохладной реке,
И маленький домик стоит вдалеке,
И лает собака на стадо коров,
И под гору мчится в тележке Петров,
И вьется на домике маленький флаг,
И зреет на нивах питательный злак,
И пыль серебрится на каждом листе,
И мухи со свистом летают везде,
И девушки, греясь на солнце, лежат,
И пчёлы в саду над цветами жужжат,
И гуси ныряют в тенистых прудах,
И день пробегает в обычных трудах.

25–26 октября 1937

Случаи

Голубая тетрадь № 10

Был один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было! Так что не понятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем больше говорить.

1937

Случаи

Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причесываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом и сошел с ума. А Перехрёстов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу.

22 августа 1936 года

Вываливающиеся старухи

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошел на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

<1936–1937>

Сонет

Удивительный случай случился со мной: я вдруг забыл, что идет раньше — 7 или 8.

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и мое удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счета. 1,2,3,4,5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в комерческий магазин «Гастроном», что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала:

— По-моему, семь идет после восьми в том случае, когда восемь идет после семи.

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять приуныли, так как ее слова показались нам лишеными всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но дойдя в счете до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних дальше следовало 7, по мнению других — 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребенок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

12 нояб<ря> 1935.

Петров и Камарбв

Петров :

Эй, Камаров!
Давай ловить комаров!

Камаров :

Нет, я к этому еще не готов.
Давай лучше ловить котов!

Оптический обман

Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

<1934>

Пушкин и Гоголь

Гоголь (падает из-за кулис на сцену и смиренно лежит).

Пушкин (выходит, спотыкается об Гоголя и падает): Вот чорт! Никак об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. (Идет, спотыкается об Пушкина и падает) — Никак, об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (поднимаясь): Ни минуты покоя! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает) — Вот чорт! Никак, опять об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Вечно во всем помеха! (Идет, спотыкается об Пушкина и падает) — Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Хулиганство! Сплошное хулиганство! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает) — Вот чорт! Опять об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Это издевательство сплошное! (Идет, спотыкается об Пушкина и падает) — Опять об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Вот чорт! Истинно, что чорт! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает) — Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость! (Идет, спотыкается об Пушкина и падает) — Об Пушкина!

Пушкин (поднимаясь): Вот чорт! (Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы) — Об Гоголя!

Гоголь (поднимаясь): Мерзопакость!

(Уходит за кулисы).

За сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!»

Занавес.

<1934>

Столяр Кушаков

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дому и пошел в лавочку, купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко.

Столяр прошел несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

— Эх! — сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

— Фу! — сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

— Вот что, — сказал столяру аптекарь. — Вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

— Нет, — сказал столяр, — больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

— Паршивая гололедица! — закричал столяр и опять побежал в аптеку.

— Ну вот видите, — сказал аптекарь, — Вот вы опять упали.

— Нет! — закричал столяр. — Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

— Я столяр Кушаков! — закричал столяр.

— Рассказывай! — отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошел на улицу.

<1935>

Сундук

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

— Вот, — говорил, задыхаясь человек с тонкой шеей, — я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что-то произошло? Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук?

Почему я вижу всё, что находится у меня в комнате? Да, никак, я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

— Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

(В черновике приписка: жизнь победила смерть, где именительный падеж, а где винительный).

30 января 1937 года.

Случай с Петраковым

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лег мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четверинки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым. встал, прошелся по комнате и лег осторожно на кровать. «Ну, — думает, — теперь посплю». А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и всё.

21 августа 1936 года

История дерущихся

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искаленным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот и, убедившись, что челюсть прилась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошел его разыскивать.

15 марта 1936 года

Сон

Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калугин проснулся, подложил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, переменял газету, лег и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, будто он идет мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам веревочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной. А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

22 августа 1936 года

Математик и Андрей Семенович

МАТЕМАТИК (*вынимая из головы шар*):

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ :

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Положь его обратно.

МАТЕМАТИК :

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

АНДРЕЙ СЕМЕН . :

Ну и не клади.

Ну и не клади.

Ну и не клади.

МАТЕМАТИК :

Вот и не положу!

Вот и не положу!

Вот и не положу!

АНДР. СЕМЕН. :

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Ну и ладно.

МАТЕМАТИК :

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Вот я и победил!

АНДР. СЕМЕН. :

Ну победил и успокойся!

МАТЕМАТИК :

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

АНДР. СЕМЕН. : Хоть ты математик, а честное слово, ты не умен.

МАТЕМАТИК :

Нет, умен и знаю очень много!

Нет, умен и знаю очень много!

Нет, умен и знаю очень много!

АНДР. СЕМЕН. : Много, да только все ерунду.

МАТЕМАТИК :

Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду!

АНДР. СЕМЕН. : Надоело мне с тобой препираться.

МАТЕМАТИК :

Нет, не надоело!

Нет, не надоело!

Нет, не надоело!

(Андрей Семенович досадливо машет рукой и уходит. Математик, постояв минуту, уходит вслед за Андреем Семеновичем).

Занавес

11 апреля 1933 года

Молодой человек, удививший сторожа

— Ишь ты, — сказал сторож, рассматривая муху. — Ведь если ее помазать столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история! От простого клея!

— Эй ты, леший! — окликнул сторожа молодой человек в желтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

— Не тебе что ли говорят? — крикнул опять молодой человек. — Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

— А ты чего, срамник, орешь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

— Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почесал себе бородку, еще раз посмотрел на молодого человека и сказал:

— Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

— Извините, — сказал молодой человек, — ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

— Ладно, — сказал сторож, — покажи билет.

— Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят, — сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

— Ишь ты! — сказал сторож.

— Так как же? — спросил молодой человек.

— Пропустите?

— Ладно, ладно, — сказал сторож. — Идите.

— А как пройти-то? Куда? — спросил молодой человек. — Ведь я и дороги-то не знаю.

— Вам куда нужно? — спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

— На небо!

Сторож наклонился вперед, подвинул правую ногу, чтобы встать потверже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

— Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в желтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжеными перьями.

— Ишь ты! — сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного

I

ПИСАТЕЛЬ : Я писатель!

ЧИТАТЕЛЬ : А по-моему, ты г...о!

(Писатель стоит несколько минут, потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят.)

II

ХУДОЖНИК : Я художник!

РАБОЧИЙ : А по-моему, ты г...о!

(Художник тут же побледнел, как полотно, и как тростиночка закачался, и неожиданно скончался, Его выносят.)

III

КОМПОЗИТОР : Я композитор!

ВАНЯ РУБЛЕВ : А по-моему, ты г...о!

(Композитор, тяжело дыша, так и осел. Его неожиданно выносят.)

IV

ХИМИК : Я химик!

ФИЗИК : А по-моему, ты г...о!

(Химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул на пол.)

13 апреля 1933 года

Потери

Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понес его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашел в магазин купить полтора грамма полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашел в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в ларьке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но, когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошел домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошел прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свои пенсне.

Домой Андрей Андреевич пришел очень злой и сразу лег спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щетку и чистит зубы каким-то подсвечником.

Макаров и Петерсен. № 3

МАКАРОВ : Тут, в этой книге написано, о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймешь, как суетны наши желания. Ты также поймешь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание свое.

ПЕТЕРСЕН : Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

МАКАРОВ : Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже думая о ней, я снимаю шапку.

ПЕТЕРСЕН : А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги.

МАКАРОВ : Да, и руки надо мыть.

ПЕТЕРСЕН : Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!

МАКАРОВ : Это неостроумно и грубо.

ПЕТЕРСЕН : Да что же это за книга?

МАКАРОВ : Название этой книги таинственно...

ПЕТЕРСЕН : Хи-хи-хи!

МАКАРОВ : Называется эта книга МАЛГИЛ.

(Петерсен исчезает)

МАКАРОВ : Господи! Что же это такое? Петерсен!

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА : Что случилось? Макаров! Где я?

МАКАРОВ : Где ты? Я тебя не вижу!

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА : А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?

МАКАРОВ : Что же делать? Петерсен, ты слышишь меня?

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА : Слышу! Но что такое случилось? И что это за шары?

МАКАРОВ : Ты можешь двигаться?

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА : Макаров! Ты видишь эти шары?

МАКАРОВ : Какие шары?

ГОЛОС ПЕТЕРСЕНА : Пустите!.. Пустите меня!.. Макаров!..

(Тихо. Макаров стоит в ужасе, потом хватает книгу и раскрывает ее).

МАКАРОВ (читает) : «...Постепенно человек утрачивает свою форму и становится

шаром. И став шаром, человек утрачивает все свои желания».

Занавес.

Суд Линча

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь, о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется человек среднего роста и спрашивает Петрова, что он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста насаждает. Слово за слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватает человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, — расходится.

Встреча

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе во свояси.

Вот, собственно, и все.

Неудачный спектакль

На сцену выходит Петраков-Горбунов, хочет что-то сказать, но икает. Его начинает рвать. Он уходит.

Выходит Притыкин.

Притыкин : Уважаемый Петраков-Горбунов должен сооб... (*Его рвет, и он убегает*).

Выходит Макаров.

Макаров : Егор... (*Макарова рвет. Он убегает.*)

Выходит Серпухов.

Серпухов : Чтобы не быть... (*Его рвет, он убегает*).

Выходит Курова.

Курова : Я была бы... (*Ее рвет, она убегает*).

Выходит маленькая девочка.

Маленькая девочка :

— Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит.

Занавес

<1934>

Тюк!

Лето, письменный стол. Направо дверь. На столе картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенснэ. Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается).

Евдоким Осипович : Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену).

Евдоким Осипович : Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену).

Евдоким Осипович : Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ, бьет по полену).

Евдоким Осипович : Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ): Евдоким Осипович! Я вас прошу, не говорите этого слова «тюк».

Евдоким Осипович : Хорошо, хорошо.

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену).

Евдоким Осипович : Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ): Евдоким Осипович! Вы обещали мне не говорить этого слова «тюк».

Евдоким Осипович : Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену).

Евдоким Осипович : Тюк!

Ольга Петровна (надевая пенснэ): Это безобразие! Взрослый пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы!

Евдоким Осипович : Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

Ольга Петровна : Ну я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено.

Евдоким Осипович : Колите, конечно, колите!

Ольга Петровна (ударяет колуном по полену).

Евдоким Осипович . Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать. Евдоким Осипович встает с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит.

Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича.

Занавес медленно опускается.

<1933>

Что теперь продают в магазинах

Коратыгин пришел к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идет сам Тикакеев и несет в руках клеенчатую кошелку.

Коратыгин увидел Тикакеева и кричит ему:

— А я вас уже целый час жду!

— Неправда, — говорит Тикакеев, — я всего двадцать пять минут, как из дома.

— Ну, уж этого я не знаю, — сказал Коратыгин, — а только я тут уже целый час.

— Не врите! — сказал Тикакеев. — Стыдно врать.

— Милостивейший государь! — сказал Коратыгин. — Потрудитесь выбирать выражения.

— Я считаю... — начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин.

— Если вы считаете.. — сказал он, но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

— Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошелки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продаются теперь в магазинах!

Машкин убил Кошкина

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Тов. Машкин следил за тов. Кошкиным.

Тов. Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Тов. Машкин нахмурился.

Тов. Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Тов. Машкин вскрикнул и кинулся на тов. Кошкина.

Тов. Кошкин попробовал убежать, но спотыкнулся и был настигнут тов. Машкиным.

Тов. Машкин ударил кулаком по голове тов. Кошкина.

Тов. Кошкин вскрикнул и упал на четвереньки.

Тов. Машкин двинул товарища Кошкина ногой под живот и еще раз ударил его кулаком по затылку.

Тов. Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

Сон дразнит человека

Марков снял сапоги и, вздохнув, лег на диван.

Ему хотелось спать, но как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой, но сон опять налетал на него, и, не дотянувшись до книги, Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец измучившись и взненавидев самого себя и свою комнату, Марков надел пальто и шляпу, взял в руки трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лег на диван и закрыл глаза, — сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и, без шапки и без пальто, помчался по направлению к Таврическому саду.

<1936–1938>

Охотники

На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулось.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблуков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать.

Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довел Окнова до высшей точки раздражения.

КОЗЛОВ : Хочешь закурить?

ОКНОВ : Нет.

КОЗЛОВ : Хочешь, я тебе принесу вон ту вон штуку?

ОКНОВ : Нет.

КОЗЛОВ : Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?

ОКНОВ : Нет.

КОЗЛОВ : Ну, хочешь пить? У меня вот тут есть чай с коньяком.

ОКНОВ : Мало того, что я тебя сейчас этим камнем по затылку ударил, я тебе еще оторву ногу.

СТРЮЧКОВ и **МОТЫЛЬКОВ** : Что вы делаете? Что вы делаете?

КОЗЛОВ : Приподнимите меня с земли.

МОТЫЛЬКОВ : Ты не волнуйся, рана заживет.

КОЗЛОВ : А где Окнов?

ОКНОВ (*отрывая Козлову ногу*) : Я тут, недалеко!

КОЗЛОВ : Ох, матушки! Спа-па-си!

СТРЮЧКОВ и **МОТЫЛЬКОВ** : Никак он ему и ногу оторвал!

ОКНОВ : Оторвал и бросил вон туда!

СТРЮЧКОВ : Это злодейство!

ОКНОВ : Что-о?

СТРЮЧКОВ : ... ейство...

ОКНОВ : Ка-а-ак?

СТРЮЧКОВ : Нь...нь...нь...никак.

КОЗЛОВ : Как же я дойду до дому?

МОТЫЛЬКОВ : Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.

СТРЮЧКОВ : Ты на одной ноге стоять можешь?

КОЗЛОВ : Могу, но не очень-то.

СТРЮЧКОВ : Ну, мы тебя поддержим.

ОКНОВ : Пустите меня к нему!

СТРЮЧКОВ : Ой нет, лучше уходи!

ОКНОВ : Нет, пустите!.. Пустите!.. Пусти... Вот, что я хотел сделать.

СТРЮЧКОВ и **МОТЫЛЬКОВ** : Какой ужас!

ОКНОВ : Ха-ха-ха!

МОТЫЛЬКОВ : А где же Козлов?

СТРЮЧКОВ : Он уполз в кусты.

МОТЫЛЬКОВ : Козлов, ты тут?

КОЗЛОВ : Шаша!..

МОТЫЛЬКОВ : Вот ведь до чего дошел!

СТРЮЧКОВ : Что же с ним делать?

МОТЫЛЬКОВ : А тут уж ничего с ним не поделаешь. По-моему, его надо просто удушить. Козлов! А, Козлов? Ты меня слышишь?

КОЗЛОВ : Ох, слышу, да плохо.

МОТЫЛЬКОВ : Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя удавим. Постой!.. Вот... Вот... Вот...

СТРЮЧКОВ : Вот сюда вот еще! Так! Так! Так! Ну-ка еще... Ну, теперь готово!

МОТЫЛЬКОВ : Теперь готово!

ОКНОВ : Господи, благослови!

Исторический эпизод

В.Н. Петрову

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашел однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался: такая у него была привычка.

Прошло 35 колдов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и по обычаю того времени схватил

антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцатим колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из-за стола и кинулся на двор. Хозяин крикнул было Ивану Ивановичу: «Зри, како твоя брада клочна», — но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал во двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: «Кто есть сей?» А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: «Сие есть наш патриот Иван Иванович Сусанин». — «Во как!» — сказал боярин, допивая свое сусло.

«Не угодно ли рыбки?» — спросил хозяин.

«Пошел ты к бую!» — крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щеку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув через корыто, на котором среди помоев лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. «Чего ты орешь?» — спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошел поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. «Так ты жив?» — спросил хозяин. «Жив, да тилько страшусь, что меня еще чем ни будь ударят», — сказал Сусанин. «Нет, — сказал хозяин, — не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши». «Ну слава Тебе, Боже, — сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. — Я человек храбрый, да тилько зря живот покладать не люблю. Вот и приник к земле и ждал: чего дальше будет? Чуть что, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз... Евона как щеку разнесло. Батюшки! Пол бороды отхватило!» «Это у тебя еще раньше было», — сказал хозяин. «Как это так раньше? — вскричал патриот Сусанин. — Что же, по-твоему, я так с клочной бородой ходил?» «Ходил», — сказал хозяин. «Ах ты, мяфа», — проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись со всего маху, звезданул Сусанина по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. «Вот тебе! Сам ты мяфа!» — сказал хозяин и удалился в харчевню.

Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе никого не было, если не считать свиньи, которая вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин, озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастью, были открыты, и патриот Иван Сусанин, извиваясь по земле как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

1939 год

Федя Давидович

Федя долго подкрадывался к масленке и, наконец, улучив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул из масленки все масло и сунул его к себе в рот. Закрывая масленку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую масленку, указала на нее ножницами и строго сказала:

— Масла в масленке нет. Где оно?

Федя сделал удивленные глаза и, вытянув шею, заглянул в масленку.

— Это масло у тебя во рту, — сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно покачал головой.

— Ага, сказала жена. — Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: «Что ты, что ты, ничего подобного!». Но жена сказала:

— Ты врешь. Открой рот.

— Мм, — сказал Федя.

— Открой рот, — повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: «Ах да, совсем было забыл; сейчас приду», — и встал, собираясь выйти из комнаты.

— Стой, — крикнула жена.

Но Федя прибавил шагу и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

— Ушел, — сказала жена, садясь на диван.

— Вот черт!

А Федя, дойдя по коридору до двери, на которой висела надпись: «**Вход категорически воспрещен**», открыл эту дверь и вошел в комнату. Комната, в которую вошел Федя, была узкой и длинной, с окном, завешенным грязной бумагой. В комнате справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене висела двойная полка, на которой лежало неопределенно что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледно-зеленым лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

— Полтора, — сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

— Маловато, — сказал Федя.

— Хватит, — сказал хозяин комнаты.

— Ну ладно, — сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

— За деньгами придешь завтра утром, — сказал хозяин.

— Ой что вы! — вскричал Федя. — Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

— Пошел вон, — сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

10 февраля 1939 года

Анекдоты из жизни Пушкина

1. Пушкин был поэтом и все что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никак ты писака!» С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски Жуковым.

2. Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него — растет, а у меня — не растет», — частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3. Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Пушкин?» — спросил Петрушевский. «Стоп машина», — сказал Пушкин.

4. Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колеса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эригармами».

5. Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво».

6. Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7. У Пушкина было четыре сына и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора; сидят они за столом: на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто хоть святых вон выноси!

<1939>

Начало очень хорошего летнего дня. Симфония

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на улицу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез.

«Вот ловкач!» — закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой о стенку.

«Эх!» — вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню.

Мимо шел Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: «Эй ты, сало!» — и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать.

Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребенка. А молодая толстенная мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стенку.

Маленькая собачка, сломав тоненькую ножку, валялась на панели.

Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость.

У бакалейного магазина стояла очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошелками.

Крестьянин Харитон, напившись денатурата, стоял перед бабами с растегнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

<1939>

Пакин и Ракукил

— Ну ты, не очень-то фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

— Что глядишь? Не узнал? — спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своем вертящемся кресле,

стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

— Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошел из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

— Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое-что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

— Что, не веришь? — спросил Пакин.

— Верю, — сказал Ракукин.

— Тогда садись вот сюда, в это кресло, — сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в свое вертящееся кресло.

— Ну вот, — сказал Пакин, — чего сидишь в кресле, как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

— Не мигай, — сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

— Сиди прямо, — сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

— Эх, — сказал Пакин, — так бы и шлепнул тебя по подрывльнику!

Ракукин икнул, надул щеки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

— Ну ты, не фрякай! — сказал Пакин Ракукину.

Ракукин еще больше вытянул шею и опять быстро-быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

— Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, чтобы не мигать, скривил челюсти и еще больше вытянул шею, и закинул назад голову.

— Фу, какой мерзостный у тебя вид, — сказал Пакин. — Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость.

В это время голова Ракукина закидывалась назад все дальше и дальше и, наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

— Что за чорт! — воскликнул Пакин. — Это что еще за фокусы?

Если посмотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадык Ракукина торчал вверх. Невольно хотелось думать, что это нос.

— Эй, Ракукин! — сказал Пакин.

Ракукин молчал.

— Ракукин! — повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

— Так, — сказал Пакин, — подох Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин.

Но тут из-за шкапа вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела ее куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдали за поворотом.

<1939>

Примечания

[текст отсутствует]